

Федеральное архивное агентство
Российский государственный архив
Военно-Морского Флота

ЕЛАГИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

X

Санкт-Петербург
2020

УДК 355.49
ББК 68.54
Е47

*К 300-летию образования
Российского государственного архива
Военно-Морского Флота*

Редакционная коллегия

доктор исторических наук *В. Г. Смирнов* (научный редактор)
кандидат исторических наук *А. Ю. Емелин* (ответственный редактор)
Ю. Т. Вартамян (составитель)

Е47 **Елагинские чтения.** Сборник статей. Вып. X / Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив Военно-Морского Флота. — СПб.: Анима, 2020. — 180 с.: ил.

ISBN 978-5-9907020-1-1

Десятые Елагинские чтения, проходившие в 2020 году, были посвящены теме «Сражения Российского императорского флота (по документам РГАВМФ)».

Сборник статей предназначен для специалистов и всех интересующихся историей российского Военно-Морского Флота.

УДК 355.49
ББК 68.54

© Российский государственный архив
Военно-Морского Флота, 2020

© Авторы, 2020

Предисловие научного редактора

31 января 2020 года в конференц-зале Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ, Серебристый бульвар, д. 24, кор. 1) состоялись X Елагинские чтения — научная конференция, которая проводится один раз в два года.

Военно-Морской Флот — это один из важнейших элементов государства, обеспечивающих его обороноспособность и независимость (суверенитет). Поэтому тематика чтений была посвящена морским сражениям Российского императорского флота. Его почти 220-летняя история изобилует сражениями российских моряков в Мировом океане — в водах, омывающих не только территорию нашего государства, но и в других районах земного шара (например, в Средиземном море).

Во время чтений было заслушано 11 интересных докладов. Кроме того, в сборник статей, по решению Оргкомитета, были включены ещё три доклада тех исследователей, которые не смогли принять участие в конференции. Таким образом, авторами настоящего сборника статей являются учёные и специалисты из следующих городов Российской Федерации: Котлас (Архангельская область), Москва, Санкт-Петербург, Уфа (Республика Башкортостан) и Ярославль.

Тематика представленных в настоящем сборнике статей весьма разнообразна. Так, например, кандидат исторических наук С. А. Мозговой в связи с предстоящим в 2020 г. 250-летием Чесменского сражения (июль 1770 г.) посвятил свой доклад этому событию и его мемориализации.

Кандидат технических наук А. С. Захаров осветил служебный путь погибшего в Хиосском сражении (1770 г.) капитана 1 ранга Ф. С. Плещеева. Его современнику, капитан-командору И. М. Спиридову, посвящена статья И. М. Котова.

Соискатель степени кандидата исторических наук К. З. Насыров представил слушателям (в совместном докладе с Р. Г. Букановой) двух забытых героев Патрасского морского сражения (1772 г.) — кавалеров ордена Св. Георгия М. Т. Коняева и М. И. Войновича.

Известный исследователь жизни и деятельности адмирала И. И. де Траверсе, кандидат физико-математических наук В. И. Сычев публикует свой доклад «Корабли Черноморского флота при взятии турецкой крепости Анапа в 1807 г. (по материалам РГАВМФ и запискам современников)».

И. Б. Караулова в своей статье сообщает подробности жизни и службы своего пращура — вице-адмирала П. А. Караулова, в молодости участвовавшего в Дарданелльском и Афонском сражениях (1807 г.).

Актуальную для 2020 года тему осветила Е. Д. Петренко: её статья посвящена эпидемическим заболеваниям в Северном Причерноморье во второй четверти XIX в.

Молодой историк Э. А. Крылова в своей статье анализирует влияние опыта учебных плаваний практических эскадр под командованием Г. И. Бутакова на действия русских морских офицеров в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Кандидат исторических наук В. А. Болтрукевич рассмотрел предложения представителей военно-морского профессионального сообщества России по использованию крейсеров в 1880-е годы, а военно-морской историк С. В. Куликов осветил историю тактических военно-морских игр в системе боевой подготовки Российского императорского флота в 1880–1914 гг.

Не часто нижние чины становятся героями исследований историков. Тем отраднее тот факт, что статья кандидата исторических наук С. А. Гладких посвящена герою Порт-Артура (1904 г.) минному квартирмейстеру 1-й статьи А. А. Буторину.

Кандидат исторических наук А. Ю. Емелин представил доклад, в котором проанализировал исторические журналы кораблей и соединений периода Русско-японской войны 1904–1905 гг. и оценил их «человеческую составляющую».

О том, как события Русско-японской войны были представлены в экспозиции Центрального военно-морского музея накануне Второй мировой войны (в 1937–1941 гг.), повествует статья кандидата исторических наук Л. Е. Терещенкова.

Наконец, завершает сборник статья постоянного участника «Елагинских чтений», доктора исторических наук

Д. Ю. Козлова «Сражение за Рижский залив летом 1915 года: современное состояние историографии и перспективы исследований».

Безусловно, в рамках однодневной научной конференции невозможно осветить все славные страницы боевой истории Российского императорского флота. Тем не менее, представленные в сборнике материалов «Елагинских чтений» (2020 г.) статьи, в основу которых положены материалы РГАВМФ, являются небольшим, но драгоценным вкладом в наши знания о замечательных деяниях военных моряков, не щадивших «живота своего» для защиты Отечества, своих единоверцев и укрепления могущества России.

*Директор Российского государственного архива
Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург),
доктор исторических наук,
капитан 1 ранга запаса
В. Г. Смирнов*

24 мая 2020 года

Мозговой С. А.

Чесменское сражение. К 250-летию

2020 год объявлен в России годом памяти и славы. Наряду с такими знаменательными событиями, как 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 200-летием открытия Антарктиды русскими мореплавателями Фаддеем Беллинсгаузеном и Михаилом Лазаревым, 100-летием юбилея Договора о Шпицбергене и 100-летием Исхода из Крыма Русской армии и Черноморского флота, это год 250-летия легендарного Чесменского сражения (5–7 июля 1770 г.) — одного из самых грандиозных за всю историю Российского флота. Османская империя потеряла в этом сражении практически весь свой средиземноморский флот, 15 линейных кораблей и около 11 тысяч человек. Чесменское сражение коренным образом изменило ситуацию в Восточном Средиземноморье и стало важным условием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, создавшего условия для перехода Крыма и Северного Причерноморья под контроль России. Поэтому 7 июля внесено в список Дней воинской славы России.

Памяти этого великого события, изучению и сохранению военно-исторического и морского наследия Русской эскадры под командованием адмирала Григория Андреевича Спиридова посвящён этот доклад.

Чесменское сражение (1770) и Первая архипелагская экспедиция (1769–1774) в целом исследовались историками разных эпох. Документы морского ведомства и иностранных дел, дневники и воспоминания офицеров и адмиралов С. К. Грейга¹, С. П. Хметевского² и др., судовые

журналы оставили сами участники экспедиции. На их основе свои научные обобщения по данному вопросу сделали историки С. М. Соловьев³, В. О. Ключевский⁴, А. П. Соколов⁵, А. С. Кротков⁶, Е. В. Тарле⁷, Г. А. Гребенщикова⁸ и другие⁹.

При подготовке доклада, кроме вышеуказанных источников, документов и научной литературы были изучены архивные документы РГАВМФ. В их числе: биографии главнокомандующих и командующих флотами (Г. А. Спиридов, С. К. Грейг, А. И. Круз); приказы адмирала Спиридова по экспедиции в Средиземное море; рапорты адмирала Г. А. Спиридова о ходе военных действий с Турцией, о Чесменском сражении, политической и стратегической обстановке; списки личного состава судов, участвовавших в Чесменском сражении и получивших награды; переписка о наименовании судов и справка о героических подвигах лейтенанта Д. С. Ильина в Чесменском сражении 1770 г.; чертежи 66-пушечных кораблей типа «Евстафий Плакида», «Иануарий», «Не тронь меня», «Северный орёл» и др.; переписка с МИД и командующими Отдельным отрядом судов в Средиземном море о ходе предпринятых турецким правительством работ по розыску остатков судов, затонувших во время Чесменского сражения в 1770 г.; о передаче России чесменским духовенством церкви св. Георгия; о нахождении клада в остатках корабля «Евстафий Плакида» в Чесменской бухте в 1898 г. и др. документы.

Напомню некоторые узловые моменты экспедиции и сражения, но больше остановлюсь на наследии Чесмы, памяти о Чесме. Считаю это очень важным, потому что на мой взгляд Чесме не уделяют того внимания, которое она заслуживает.

Чесменское сражение произошло 5–7 июля (24–26 июня ст. ст.) 1770 г. между русской и турецкой эскадрами в Эгейском море во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и в ходе Первой архипелагской экспедиции Русского флота (1769–1774 гг.). Эта экспедиция была проведена с целью отвлечения части морских и сухопутных сил Турции с дунайского и крымского направлений и для оказания помо-

щи балканским (прежде всего греческому) народам в национально-освободительной борьбе против турецкого ига. Общее руководство эскадрой осуществлял граф А. Г. Орлов, непосредственно морскими операциями руководил адмирал Г. А. Спиридов.

Сражение происходило в течение нескольких дней и состояло из двух боев: в Хиосском проливе на траверзе Чесменского мыса и непосредственно в Чесменской бухте. Первый бой произошёл 5 июля (24 июня ст. ст.) в Хиосском проливе. Русская эскадра в составе девяти кораблей (восемь 66-ти пушечных и 84-х пушечный «Святослав»), трёх фрегатов, одного бомбардирского корабля и 17 вспомогательных судов (вооружена 820 орудиями) под командованием графа А. Г. Орлова обнаружила в Хиосском проливе стоявшую на якоре более сильную турецкую эскадру, состоявшую из 16 кораблей, шести фрегатов и около 50 вспомогательных судов: «шебек, бригантин, полугалер, фелук и других малых судов» (имела на вооружении 1430 пушки) под командованием адмирала Д. Хасан-бея. Русские корабли в строю кильватерной колонны при попутном ветре атаковали авангард и центр первой линии турецкой эскадры (стояла на якорях в двух линиях). Авангардом русской эскадры, состоящим из трёх 66-пушечных кораблей («Евстафий» — командир А. И. Круз, «Св. Иануарий» — И. А. Борисов, «Трёх Святителей» — С. П. Хметевский) и одного фрегата, командовал адмирал Г. А. Спиридов, находившийся на «Евстафии». Центром эскадры («кордебаталией»), состоящей из трёх кораблей и трёх фрегатов, в Хиосском сражении командовал капитан-командор С. К. Грейг, который вместе с главным командующим графом А. Г. Орловым находился на корабле «Трёх Иерархов». Арьергардом, который также состоял из трёх кораблей, командовал контр-адмирал Дж. Эльфинстон, держащий свой флаг на корабле «Святослав».

Первыми атаковали турецкий флагманский 80-ти пушечный корабль «Реал-Мустафа» русские 66-ти пушечные корабли «Европа» и «Евстафий». Вскоре от артиллерийского огня «Реал-Мустафа» загорелся. При этом от переброшивше-

гося пламени погиб «Евстафий», которого течением нанесло на горящего турка. На «Евстафии» погибло 628 человек; 63-м морякам, включая адмирала Г. А. Спиридова, Ф. Г. Орлова (родного брата А. Г. Орлова), капитана А. И. Круза и др. удалось спастись¹⁰. Успешно атаквали турецкий флот также корабли «Св. Иануарий» и «Трёх Иерархов», которые нанесли серьёзные повреждения 100-пушечному кораблю «Капитан-паша». Лишённая управления эскадра противника спряталась в Чесменской бухте, где была блокирована русской эскадрой¹¹.

Для окончательного разгрома турецкой эскадры в ночь на 7 июля (26 июня ст. ст.) адмирал Г. А. Спиридов направил авангард под командованием капитан-командора С. К. Грейга, состоящий из четырёх кораблей («Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов»), двух фрегатов («Надежда» и «Африка»), бомбардирского судна («Гром»)¹² и четырёх брандеров. Войдя в Чесменскую бухту, русские корабли обстреляли зажигательными снарядами турецкие корабли, а фрегаты нанесли удар по береговым батареям противника. Затем в атаку пошли 4 брандера, один из которых, под командованием лейтенанта Д. С. Ильина, поджёг турецкий корабль. Пожар распространился и на другие турецкие корабли, скученно стоявшие в бухте. К утру турецкий флот был уничтожен. Противник потерял 15 кораблей, 6 фрегатов, около 40 мелких судов и около 11 тыс. человек убитыми и ранеными. В ходе второго этапа сражения русская эскадра потеряла 11 человек убитыми. В качестве трофеев русские захватили корабль «Родос» и 5 галер¹³.

Чесменское сражение было одним из крупнейших и знаменательных сражений эпохи парусного флота. Оно имело большое военно-стратегическое и международно-политическое значение. Русский флот стал безраздельно господствовать в Эгейском море. Эскадра Г. А. Спиридова овладела островом Лемнос (с удобными гаванями для базирования кораблей) и получила возможность блокировать Дарданеллы. В 1772 г. русские корабли под руководством капитана 1 ранга М. Т. Коняева одержали победу в Патрасском сра-

жении. Русские моряки под общим командованием графа А. Г. Орлова на морских коммуникациях захватили 350 торговых судов и совместно с греческими, черногорскими и албанскими повстанцами овладели рядом приморских турецких крепостей¹⁴.

В память о Чесменской победе были отлиты золотые и серебряные медали. По распоряжению Екатерины II для прославления победы был создан мемориальный Чесменский зал в Большом Петергофском дворце (1774–1777 гг.), воздвигнуты два памятника этому событию: Чесменский обелиск в Гатчине (1775 г.) и Чесменская колонна в Царском Селе (1778 г.), а также построены Чесменский дворец (1774–1777 г.) и Чесменская церковь (Храм Рождества святого Иоанна Предтечи) (1777–1780 гг.) в Санкт-Петербурге. Впоследствии корабли Российского Императорского флота получали имена: «Чесма», «Евстафий», «Память Евстафия», «Граф Орлов», «Адмирал Спиридов», «Лейтенант Ильин» и др. В 1876 г. участники морской экспедиции на клипере «Всадник» дали мысу в Анадырском заливе название Чесма. По указу Николая II Чесмой было названо село на Урале (Челябинская обл.), в котором в 2006 г. открыт монумент. В 2005 г. одной из улиц г. Твери присвоено имя лейтенанта Д. С. Ильина. В родном селе адмирала Спиридова — Нагорье Переславского района Ярославской области — в 1944 г. в его честь была названа улица, а в 1973 г. — установлен бюст. В 1987 г. Почта СССР выпустила почтовую марку, посвящённую адмиралу Г. А. Спиридову. В 1996 г. была выпущена серебряная монета номиналом 25 руб. с изображением Чесменского сражения и адмирала Спиридова. В 2004 г. на набережной города Мирина — главного города о. Лемнос (Эгейское море) — был открыт памятник русским морякам средиземноморских эскадр из белого мрамора с изображением парусного корабля и надписью «В память русских моряков эскадр графа Орлова и вице-адмирала Д. Сенявина, внесших вклад в независимость Греции. 1770, 1807. Лемнос». Одна из улиц Мирины получила название в честь Орлова. По повелению императора Александра III в 1895 г. честь 125-летия Чесменского сражения был

установлен памятник на могиле Д. С. Ильина в селе Застижье (ныне Тверская обл.), который в 2003 г. был реставрирован. Имя Д. С. Ильина носили корабли Балтийского флота: минный крейсер, ставший в 1907 г. посыльным судном (1887–1911), эскадренный миноносец (1916–1919) и базовый тральщик БТ-40 (Черноморский флот), переименованный в 2000 г. в «Лейтенант Ильин». А в 2012 г. в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» были внесены дополнения: 7 июля объявлено Днём победы русско-го флота над турецким флотом в Чесменском сражении.

Говоря о наследии Чесмы, необходимо иметь в виду сведения о состоянии существующих и утраченных памятников сражению, сосредоточиться на проблеме поиска мест захоронений моряков, погибших 250 лет назад в Чесменском сражении, а также об архивных документах, связанных с золотым запасом экспедиции, часть которого после героической гибели корабля «Евстафий» оказалась на дне Хиосского пролива и позже была разграблена.

В ходе подготовки к 250-летию юбилею в 2019 г. я совершил экспедиционную поездку в Турцию, в Чесму, где удалось познакомиться с экспонатами Чесменского музея, расположившегося в старой крепости, а также с акваторией Хиосского пролива и Чесменской бухты, где произошло сражение. Частично был обследован берег в поисках могил русских моряков (эта работа будет продолжена).

В двух залах Чесменского музея представлена насыщенная артефактами экспозиция, рассказывающая о сражении. Она содержится в хорошем состоянии и привлекает к себе внимание специалистов и туристов со всего мира. В то же время ряд памятников в России нуждаются в реставрации. Так, например, Чесменский обелиск из белого мрамора, расположенный в левобережной части Дворцового парка Гатчины разрушается и находится в неудовлетворительном состоянии.

После поездки была продолжена работа в РГАВМФ, где удалось найти и изучить несколько интересных документов. Например, о финансировании экспедиции и ценностях, ко-

торые были на флагманском корабле эскадры. Русский агент К. Флегель в своем послании в Санкт-Петербург докладывал о том, что среди останков корабля «Евстафий Плакида» в 1898 г. было найдено большое количество голландских золотых монет, отчеканенных в 1769 г., т.е. в год снаряжения и отправки в Средиземное море русских эскадр. Он подробно описал эти монеты: «Над цифрою 1769 стоит вооружённый рыцарь, держащий в левой руке шесть связанных стрел, выражая этим надпись: “Concordia res parve crescunt Hollandie”, т.е. единодушием скромные дела Голландии растут». Затем идет описание и перевод обратной стороны монеты. Далее К. Флегель сообщает: «Капитан глубоководного судна с водолазным аппаратом из Калмноса Микес Куфос, мне хорошо известный, нашёл в мае 1898 г. при работах в Чесменской бухте остатки линейного корабля “Евстафий Плакида”, поняв важность находки по пушкам, но он не мог сообразить всю важность своей находки и не сообразили её даже те образованные люди, к которым он обратился в Константинополе, для того, чтобы получить необходимое разрешение от Оттоманского правительства для продолжения обысков». И сообщается о том, что узнавшие о подводных сокровищах губколовы-водолазы разграбили «богатейший клад, состоящий из крупных плит золота и серебра, золотых и серебряных монет, икон в золотых и серебряных ризах. В этом кладе находился и напутственный образ Иоанна Воина, который адмирал Спиридов получил при прощании с Императрицей лично из её рук... Большая часть этого клада была расхищена и продана губколовами-водолазами из Айвали, другая была отправлена в Константинополь, а третья была приобретена Государем Императором и пожертвована в Морской музей в С.-Петербурге. К. Флегель»¹⁵.

Следует сказать, что Архипелагская экспедиция была хорошо обеспечена деньгами, ведь необходимо было закупать провизию, ремонтировать и нанимать корабли, финансировать повстанцев на греческих островах. Россия не имела больших запасов валюты. Поэтому «голландские червонцы» чеканились на русском монетном дворе. Напри-

мер, указанный нидерландский дукат в России чеканили с 1730-х по 1869 гт., т.е. около 140 лет. В официальных документах их называли «голландский червонец» или «известная монета», а народ в обиходе эту монету называл «пучковым», «арапчиком» или «лобанчиком». При Екатерине II чеканка «известной монеты» резко возросла в силу активной внешнеполитической и военной деятельности России. В частности из-за войны с Турцией, отправки эскадры в Средиземное море и др., что требовало наличия крепкой международной валюты и делало необходимым выпуск голландской золотой монеты, пользовавшейся международным спросом¹⁶.

Однако требуется уточнение сведений, изложенных К. Флегелем. Ведь «Евстафий» погиб не в Чесменской бухте, как это излагает русский агент, а во время боя в Хиосском проливе от рухнувшей на него горячей грот-мачты «Реал-Мустафы». Возможно, автор документа обобщенно указал на бухту, так как Хиосский пролив, где прошла первая фаза сражения, находится на выходе из неё.

В настоящее время моё внимание приковано к истории создания в конце XIX – начале XX в. памятника русским морякам — храма Св.Георгия в местечке Мерсинджик близ Чесмы. В 1899 г. по инициативе командующего Отдельным отрядом судов в Средиземном море контр-адмирала Н. И. Скрыдлова между Главным морским штабом и Министерством иностранных дел началась активная переписка о сооружении памятника русским воинам, павшим в Чесменском сражении и приобретении потребного для сего участка земли с кладбищем и часовней Св.Георгия. Всё началось с того, что в июле 1899 г. Чесму посетил контр-адмирал Н. И. Скрыдлов, распорядился найти останки павших в Чесменском сражении русских моряков и предать их погребению у церкви Св.Георгия. Православная община Чесменского округа передала в дар контр-адмиралу Скрыдлову права на церковь Св.Георгия в местечке Мерсинджик Чесменской бухты, о чём он известил Морское министерство, а тот, в свою очередь, императора Николая II. Сменивший

Скрыдлова в этой должности контр-адмирал А. Х. Кригер продолжил деятельность, направленную на увековечивание памяти русских моряков в Чесме. Российский император повелел принять меры к увековечиванию памяти погибших в Чесменском сражении и выделить деньги на приобретение близлежащей территории и ремонт существующей церкви Св. Георгия¹⁷. В расстоянии 1,5–2 морских миль от церкви на дне Хиосского пролива покоятся остатки корабля «Евстафий». Запрашиваемые деньги были выделены в конце декабря 1900 – феврале 1901 г. двумя траншами. Сначала 35 турецких лир, составляющих по курсу того времени 298 руб. 80 коп., за виноградник, приобретённый близ часовни в Чесменской бухте, с целью включения в общую ограду кладбища с могилами русских моряков¹⁸. А 21 февраля 1901 г. Министерство финансов выделило 108,84 турецких лир (938 руб. 70 коп.) за охрану часовни и др. расходы¹⁹. Кроме того, позже императором были выделены средства на восстановление часовни и преобразование её в храм-памятник Св. Георгия. Но этому предшествовала длительная переписка между командованием Отдельного отряда судов в Средиземном море, морским агентом в Константинополе, Морским министерством, Министерством иностранных дел и императорским послом в Константинополе, а также ходатайства перед Оттоманским правительством об утверждении прав России на церковь и виноградник. Затруднения в переговорах были обусловлены особой позицией Вселенского патриарха и самой порты, отрицательно относившейся к признанию прав иностранного правительства на право собственности приморской территорией²⁰. Тем не менее, трудности были преодолены, и 23 апреля 1907 г., на второй день Пасхи, состоялось освящение церкви во имя Св. великомученика Георгия Победоносца.

Это действие с детективными особенностями и провокациями со стороны Чесменского митрополита Феоклита (Вселенский Константинопольский патриархат) подробно и красочно описал очевидец Г. И. Троценко²¹. Чесменские священники Вселенского патриархата не хотели, чтобы цер-

ковью управляли священники Православной Греко-русской Кафолической Церкви. Затем произошли балканские войны и Первая мировая, после которых греческая диаспора Смирны (Измира) и Чесмы, как и других прибрежных регионов Турции, покинула места своего исторического проживания. Постоянными прихожанами храма были именно местные греки. Церковь опустела и вновь подверглась разрушению... А с ней заброшенными оказались могилы русских моряков.

В архиве удалось найти координаты расположения церкви. Однако, если следовать этим координатам, на современной карте это место окажется в море. Но мы полагаем рукописной зарисовкой — «картой Хиосского пролива с положением относительного места церкви Св. Георгия и корабля “Евстафий”», что позволяет продолжить поиски следов церкви и могил российских моряков — участников Чесменского сражения с целью возрождения храма-памятника и восстановления воинского мемориального кладбища. Исходя из факта приобретения Россией прав собственности на церковь и территорию кладбища (бывший виноградник) историко-архивные изыскания будут продолжены. Хотя решение вопроса о восстановлении, сохранении и использовании историко-культурного наследия России переводится в сферу дипломатии и межгосударственных отношений.

В настоящее время в России появилось общественное движение «За адмирала Спиридова!», которое вышло с инициативой присвоения улицам ряда городов имени прославленного адмирала, открытие музея в его селе Нагорье, Ярославской области, создание фильма и других форм увековечивания памяти русского флотоводца²².

Считаю также необходимым в память о 250-летию Чесменского сражения и в соответствии с морской традицией несколько новых боевых кораблей назвать в честь знаменитого Чесменского сражения и его героев, а именно: «Чесма», «Память Евстафия», «Адмирал Спиридов», «Адмирал Грейг», «Лейтенант Ильин» и др.

Примечания

¹ Первый поход Российского флота в Архипелаг, описанный адмиралом Грейгом (Из собственной его рукописи) // Отечественные записки. 1823. Ч. XIII, XIV, XV; 1825. Ч. XXV.

Прим. редакции. — В указанной автором публикации журнала С. К. Грейга описание событий завершается концом мая 1770 г., не затрагивая, собственно, Хиосского и Чесменского сражений. Рекомендуем другие публикации: Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход (1769–1771) // Морской сборник. Т. II. 1849. № 10. С. 645–660; № 11. С. 715–730; № 12. С. 785–818. Др. публ.: Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма / сост. В. Г. Оптоков. М.: Воениздат, 1994. С. 88–130.

² Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770–1774 годах // Современник. 1855. Т. 49. № 1. 2-я паг. С. 37–82; № 2. 2-я паг. С. 111–170.

³ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 28. М.: Изд-во: АСТ, Фолио, 2002.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / [под ред. В. Л. Янина; вступ. ст. В. Л. Янина, В. А. Александрова]. Курс русской истории. Лекция LXXVI. Война с Турцией. М., 1987–1990.

⁵ Соколов Ал. Архипелагская кампания 1769–74 г. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. VII. С. 230–401.

⁶ Кротков А. С. Русский флот в царствование Императрицы Екатерины II с 1772 по 1783 год. СПб., 1889. С. 79–105.

⁷ Тарле Е. В. Сочинения. Т. 10. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). М., 1950.

⁸ Гребенищикова Г. А. Чесменская победа. Триумф России в Средиземном море. СПб.: Остров, 2015. 496 с., илл.

Прим. редакции. — Укажем также на второе, исправленное и дополненное издание книги: СПб., 2020. 432 с., илл.

⁹ Напомним читателям о работе известного военно-морского историка В. Ф. Головачева, вышедшей в свет в 1900 г. и переизданной во время Великой Отечественной войны: Головачев В. Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г. // Морской сборник. 1900. № 1. 4-я паг.

С. 55–88; № 2. 4-я паг., С. 31–68; др. публ.: *Головачев В. Ф.* Чесма. Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.-Л., 1944. 62 с. — *Прим. редакции.*

¹⁰ *Соколов А.* Указ. соч. С. 281–283.

11 РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 96. Л. 9 об. — 10 об.

12 Современное понятие «корабль», когда речь идет о военном флоте, здесь иногда употребляется в тех терминах, которые употреблялись в XVIII–XIX вв., а именно военное «судно».

13 РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 96. Л. 11, 11 об.

14 Архипелагские экспедиции русского флота. Чесма // Военно-морской энциклопедический словарь. Под ред. В. И. Куроедова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 2003. С. 52.

15 РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3 об.

16 *Розанов С. А.* Золотые «лобанчики» (Голландские червонцы русской чеканки) // Труды Отдела нумизматики. Л.: Государственный Эрмитаж, 1945. Т. I. С. 145–161.

17 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2040. Л. 97, 97 об.

18 Там же. Ф. 427. Оп. 4. Д. 1313. Л. 1–2 об.

19 Там же. Л. 15–19.

20 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2040, Л. 97–98 об.

21 *Троценко Г. И.* Русская церковь в Мерсинджике // Исторический вестник. 1907. Т. СХ. № 10. С. 180–187.

22 См.: За адмирала Спиридова! // Военный портал <http://milportal.ru/spiridov/za-admirala-spiridova/> (дата обращения: 01.02.2020).

Захаров А. С.

Капитан 1 ранга Фёдор Степанович Плещеев
(?– 1770)

Капитан 1 ранга Фёдор Степанович Плещеев — единственный штаб-офицер, погибший при взрыве корабля «Святой Евстафий» во время боя в Хиосском проливе 24 июня 1770 г. Уже одного этого достаточно, чтобы обратить внимание на его судьбу, но как оказалось не только...

Крупнейшей коллекцией живописи, более 600 картин, купленной для екатерининского Эрмитажа, стала коллекция графа Генриха фон Брюля (1700–1763), первого министра саксонского курфюрста Августа II. Она была приобретена у его наследников, но однозначной датировки этой покупки у исследователей не было. Одни относили её к 1768 г., другие — к 1769. Были известны, по крайней мере, два документа, которые говорят в пользу первой даты, тем не менее в каталогах Государственного Эрмитажа значился 1769 г., но на каком основании, ясности не было. Требовались неопровержимые доказательства, подтверждающие правильность той или иной версии.

Ещё в 1876 г. в Сборнике Императорского Русского Исторического Общества (Сборник ИРИО) была опубликована переписка по приобретению картин Брюля между русским посланником при саксонском дворе князем Андреем Михайловичем Белосельским (1735–1779) и старшим членом Коллегии иностранных дел графом Никитой Ивановичем Паниным (1718–1783)¹. К сожалению, в эту публикацию вкрались типографские опечатки, которые вносили путаницу и сбивали с толку исследователей. В предпоследнем из опублико-

ванных там донесений Белосельский сообщает, что деньги за картины уплачены, ящики для них заказаны и испрашен пропуск на проход по Эльбе от Дрездена до Любека саксонскому судну с картинами. Послание заканчивается словами: «Оное отсюда судно, не заходя в Гамбург, прямо в Любек пойдёт, и ящики загруженные от приставленного от меня с нарочною с рук на руки морскому офицеру Плещееву отдадутся верно». По-видимому, оный офицер должен был сопровождать драгоценный груз при перевозке в Россию. Нужно было найти сведения о нём, и выяснить в каком году он находился в Любеке. Этот поиск и вывел на капитана 1 ранга Фёдора Степановича Плещеева.

Его краткая биография, изложенная во II части «Общего морского списка», в целом вполне типична для русского морского офицера середины XVIII в. В 1743 г. произведён в гардемарины. В марте 1745 г. — в мичманы, а 11 октября назначен в гардемаринскую роту «для гардемарин содержания команды и обучения навигацких наук»².

К 1746 г. назрела необходимость в уточнении использующихся на флоте морских карт. Решением Адмиралтейств-коллегии от 11 ноября эта работа была поручена флота капитану Алексею Ивановичу Нагаеву (1704–1781), который привлёк к делу 120 матросов и поимённо 25 офицеров³. Был среди них и штурман Ф. Плещеев. В 1748 году он, в команде мастера Лебядникова, командовал ботом, при описании «берегов от острова Эзеля и прочих в Монзунде лежащих, также лифляндскаго берега»⁴. В 1749 г. Фёдор Плещеев придан в помощь командиру фрегата «Аполлон» лейтенанту Василию Винкову для работ по «вымериванию и показанию подлинного расстояния» между Дагерордом⁵ и мысом Домеснес⁶. В 1751 г. Адмиралтейств-коллегия приказала «будущею сего года весною послать из прежде бывших описателей <...> для домеру в проходе с Балтийского моря в Рижский залив глубин и мелкостей — на двух ботах корабельных, палубных, мичманов: Фёдора Плещеева и Михаила Рябинина, придав им по одной 8 весельной шлюпке

с гребцами»⁷. В 1752 г. Плещеев, уже в звании корабельного секретаря, находился «при берегу у сочинения карт». Следующие три года он провёл в Казани у «отправления лесов к петербургскому адмиралтейству». По возвращении лейтенант Плещеев был направлен в Кронштадт для определения в кампанию 1756 г. на корабли.

Началась Семилетняя война. В 1757 г. он на одном из кораблей при атаке Мемеля. 20 июня началась бомбардировка Мемеля с моря и с суши. 24 июня город сдался русским войскам, а 30 июня с фрегата «Селафаил», прама «Элефант» и бомбардирского корабля «Дондер» было «командировано в распоряжение лейтенанта Плещеева по одной вооружённой шлюпке с штурманом, учеником и принадлежностями для промера»⁸. В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ) хранится «сочинённая капитан-командором Алексеем Нагаевым» «Специальная карта на поход с моря в Куршгаф до города Мемеля с планом той крепости и атаки при взятии ее российскими воинами в 1757 году». На ней значится: «Описана и вымерена в том же году капитаном Лебядниковым и лейтенантом Плещеевым...»⁹. В 1758 г. Плещеев был произведён в капитан-лейтенанты.

23 апреля 1759 г. Адмиралтейств-коллегия «в силе высочайшего Ея Императорского Величества рескрипта прусским берегам опись учинить, начав от Виндавы, разделя оные ... для скорейшего окончания на три части, и ... нарядить ныне из прежних описателей довольно к тому делу привыкших офицеров морских, а именно: капитана Максима Лебядникова, капитан-лейтенанта Фёдора Плещеева, да третьего, кого он же капитан-командор [Нагаев] изберёт...»¹⁰. Таким образом, Плещеев самостоятельно выполнял опись выделенного ему значительного участка прусских берегов. Сохранилось его донесение в Государственную Адмиралтейств-коллегию от 2 января 1763 г. о выдаче ему в соответствии с указом государыни императрицы Елизаветы Петровны от 14 марта 1760 г., «третнего жалования» на

том основании, что он «... в силе Государственной Адмиралтейской коллегии определения в [1]759 году был у описания Прусских берегов, откуда возвратился в октябре месяце, где, будучи в неусыпных трудах и непрестанной езде получа немалые убытки и платил во многих в Пруссии местах за харч высокую цену»¹¹.

В «Общем морском списке» отмечено, что Плещеев был в Кольбергской экспедиции при десантной высадке. Речь идёт о так называемой Второй осаде Кольберга в 1761 г., в которой участвовал высаженный с кораблей на берег отряд морских войск под командою флота капитана Григория Андреевича Спиридова (1713–1790)¹². 10 апреля 1762 г. Ф. С. Плещеев произведён в капитаны 2 ранга. В эту кампанию он командовал 66-пушечным кораблём, на котором держал свой флаг контр-адмирал А. И. Нагаев. В составе эскадры под командованием А. И. Нагаева ходил из Кронштадта в Пиллау для привоза больных.

В следующем, 1763 г., находился при штурманской роте в Кронштадте. В сентябре этого года к государыне обратился тульский купец Иван Володимеров с компанией с предложением «учинить опыт» торговли в Средиземном море. Помимо общего покровительства они просили фрегат «о тридцати пушках с потребным числом морских офицеров и матросов»¹³, и при этом обращали внимание на то, «чтоб командир фрегатной поступал по выгоде купеческой и не принуждал бы ... к безвременному поспешению из порта в порт переходить; ... потому что все сие предприятие будет служить только опытом на будущее время торгу государственному»¹⁴. 24 сентября 1763 г. Екатерина II повелела Адмиралтейств-коллегии построить фрегат, дабы будущей весною он мог отправиться в плавание. Закончить постройку к весне не успели. Фрегат был сдан лишь к 1 июня. Он получил название «Надежда Благополучия». Государыня указала определить на него добрых, надёжных и искусных морских офицеров¹⁵. «Адмиралтейская коллегия, зная к высочайшей Ея Императорского Величества службе ревность и рачение, определи-

ли на оный фрегат командиром ... капитана Плещеева, чего ради и несумненно надеется, что порученная ему экспедиция со всяким рачением исполнена будет»¹⁶. К этому времени Плещеев уже капитан 1 ранга¹⁷.

В процессе погрузки купеческих товаров возникла ситуация, обеспокоившая Плещеева. Осадка фрегата достигла расчётной ватерлинии, а ещё оставалось немало грузов, предназначенных к отвозу. По предложению адмирала Семёна Ивановича Мордвинова (1701–1777) было проведено освидетельствование фрегата и определена наибольшая допустимая осадка, при которой можно безопасно идти в море¹⁸. Погрузка продолжилась. Появился и незапланированный груз — 7 июля Плещеев принял по реестру от Коллегии иностранных дел ризницу и церковную утварь для новопостроенной в Ливорно православной церкви¹⁹.

5 августа Екатерина указала «поспешить как возможно» и отправить фрегат «не позже как к 15 числу сего месяца»²⁰. Перед отплытием Плещеев получил подробную инструкцию из 18 пунктов²¹. Мы затронем лишь несколько из них. Инструкцией предписывалось Плещееву следовать в итальянский порт Ливорно под купеческим флагом «и называться капитаном торгового корабля»; определялся порядок взаимодействия с представителями купеческой компании; присутствовали рекомендации по покупке свежей провизии для экипажа; предостережение о морских разбойниках и многое другое. Богатый опыт Плещеева по описанию берегов Балтийского моря, несомненно, пригодился при выполнении задания: «сколько возможно стараться ... описывать, обстоятельно и сочинять планы» мест, куда случится заходить, замечать приливно-отливные колебания, измерять глубины, но делать это «с осторожностью», чтоб не вызвать подозрения. Прямого указания на дату отплытия «Надежды Благополучия» из Кронштадта, обнаружить не удалось. Остаётся полагать, что воля императрицы была исполнена, и фрегат вышел в море 14–15 августа. 8 октября генерал-лейтенант граф Иван Григорьевич Чернышёв (1726–1797) сообщил Ад-

миралтейств-коллегии, что «её императорское величество, получа из Копенгагена известие об исправном состоянии и порядочном содержании всех людей на фрегате “Надежда Благополучия”, под команду флота капитана Плещеева, всевысочайше свое удовольствие Адмиралтейской коллегии объявить всемилостивше указала»²².

29 ноября 1764 г. Фёдор Степанович отправил в Адмиралтейств-коллегию рапорт, что прибыл на рейд Ливорно, но в гавань ещё не вошёл «и за мелкостью воды с оного фрегата товары выгружает на мелкие суда»²³.

О пребывании «Надежды Благополучия» в Средиземном море сведений не было. Изучение документов, находящихся в РГАВМФ, позволило выяснить, что 17 апреля 1765 г. «Надежда Благополучия» находилась в Ливорнской гавани. 8 мая покинула рейд Ливорно и вышла в море. 19 июня она находилась у португальского города Лагос. С 31 июля — на Портсмутском рейде. С 19 августа — в море под парусами. 29 числа на Копенгагенском рейде и 12 сентября 1765 г. прибыла на Кронштадтский рейд²⁴. Первое плавание русского фрегата в Средиземное море успешно завершилось.

В 1766 г., 3 апреля, капитан 1 ранга Ф.С.Плещеев назначен командовать кораблём «Святой Евстафий» в эскадре контр-адмирала Петра Петровича Андерсона.

Наступил 1768 г. Плещеев определён командиром корабля «Кир Иоанн», но участвовать на нём в кампании этого года ему было не суждено. 4 июля 1768 г. Екатерина II получила донесение из Дрездена от князя А.М.Белосельского, что достигнуто соглашение о покупке картин графа Брюля. Она немедленно вызвала в Петергоф главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала Г.А.Спиридова и вручила емуменной указ: «Указ нашему вице-адмиралу Спиридову. Повелеваем немедленно отправить фрегат в Любек и велеть ему оттуда привезти сюда те вещи, которые от находящегося в Дрездене нашего министра князя Белосельского туда присланы; если же оныя вещи в Любек ещё не привезены, то ожидать оных там до 2-десятого числа ав-

густа, а по крайней мере до 1 сентября, а после сего числа поворотиться в кронштадтский порт. Екатерина. 4-го июля 1768-го, Петергоф»²⁵. Спиридов срочно назначил к отправке 32-пушечный фрегат «Святой Сергей», которым командовал капитан-лейтенант Михаил Иванович Палицын, о чём и доложил 5 июля в Адмиралтейств-коллегию. Коллегия в тот же день издала свой приказ об отправке фрегата. К вечеру 6 числа, когда на «Св. Сергии» завершали подготовку к походу, Спиридов внезапно получил приказ председателя Адмиралтейств-коллегии адмирала С. И. Мордвинова назначить командиром «Св. Сергия» капитана 1 ранга Ф. С. Плещеева. Оказалось, государыня «указать изволила на отправляющийся ... в Любек фрегат командиром определить капитана»²⁶. В 9-м часу вечера 6 июля Плещеев принял у Палицына командование фрегатом, а поутру 7 июля они снялись с якоря и покинули Кронштадтский рейд.

Переход по Балтийскому морю прошёл благополучно, и на десятый день плавания 16 июля 1768 г. русский фрегат отдал якорь на рейде Любека. Выяснилось, что вещи от князя Белосельского туда ещё не прибыли. Сегодня мы знаем, что они и не могли прибыть столь рано, поскольку ещё не были оплачены. Лишь 29 июля А. М. Белосельский отправил в С.-Петербург донесение о получении денег и оплате покупки. «Св. Сергей» стоял на рейде Любека. Наступил август, но сведений о грузе по-прежнему не было. 9 числа Плещеев отправил в Адмиралтейств-коллегию рапорт: «... погрузить на фрегат и поныне ничего не имею, чего для посланными от меня к его сиятельству минувшего июля 17, 28, 30 чисел и сего августа пятого рапортами требовано было скорейшей присылки також и уведомления; на которые мои рапорты от него князя Белосельскова никакого уведомления по сие время мною не получено; да и будут ли оныя вещи к отвозу присланы о том я донести не имею»²⁷.

Заканчивалась седьмая неделя стояния «Св. Сергия» «на Любском рейде». Согласно высочайшему указу, через четыре дня следовало уходить, как вдруг 29 августа в 9-м часу

утра к борту фрегата подошла лодка, на которой приехал «нанятый ко двору графа Владимира Григорьевича Орлова кухмистер». Он сообщил, что «ехал из Дрездена с отправленными ... для отвозу ко двору Её Императорского Величества вещами» по Эльбе до канала Эльба-Любек, а дальше «поехал сухим путём и через четыре дня прибыл в Траве-мюнд»²⁸. Стало ясно, что вещи идут, и их прибытие — вопрос нескольких суток. Но к 1 сентября они не успевали. Надо было решать: выполнить высочайший приказ и уйти 2 сентября без вещей, зная, что они на подходе, или дожидаться их прибытия и выполнить главную задачу, формально нарушив приказ. «Согласно положили оных вещей ожидать будущего сентября по 6 е число». Полная ясность наступила лишь после того, как посланный в Любек лейтенант Фондезин, наняв лошадей, поехал вдоль канала Эльба-Любек и нашёл суда с вещами в 30 км от Любека стоящими «в ожидании воды при шлюзах». Выяснилось, что они придут в Любек к вечеру 9 сентября. Так оно и случилось. С перевозных судов вещи перегрузили на специально нанятый бот и в 7 часов утра 11 сентября доставили к борту «Св.Сергия», на котором накануне по приказу Плещеева спустили из-под шканцев в трюм шесть 6-фунтовых пушек, чтобы освободить место для укладки ящиков с вещами²⁹. К 11 часам ящики были погружены на фрегат: 24 — в кубрик, в баталер-камеру, и 14 под шканцами. Итого 38 ящиков. На другое утро «Св.Сергий» вышел в море и 21 сентября 1768 г. прибыл на Кронштадтский рейд³⁰. Так завершилась операция по морской доставке коллекции картин из Германии в Санкт-Петербург на военном корабле³¹.

Вскоре началась Русско-турецкая война. В 1769 г. с 14 января по 17 февраля по случаю вооружения всего флота Ф.С.Плещеев временно исправлял должность цейхмейстера³². Летом в составе Кронштадтской эскадры командовал кораблём «Кир Иоанн». 12 августа эскадра соединилась с Первой Средиземноморской (обшивной) эскадрой и дошла с нею до Копенгагена. В дальнейшем Плещеев поступил

в распоряжение адмирала Г. А. Спиридова, который назначил его своим флаг-капитаном (начальником штаба). Впереди был путь в Средиземное море, не знакомый адмиралу, но знакомый Плещееву по недавнему плаванию на «Надежде Благополучия».

Архипелагская экспедиция стала для Фёдора Степановича роковой. Во время боя в Хиосском проливе 24 июля 1770 г. он, как флаг-капитан командующего авангардом, находился на «Святом Евстафии». Когда создалась угроза гибели корабля, Спиридов, как предписано командующему, эвакуировался с него, с ним Фёдор Орлов... Плещеев же остался на «Евстафии» и погиб при взрыве, разделив судьбу 628 русских моряков.

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа³³.

Подведём итоги. Мы вернули из фактического забвения имя одного из героев боя в Хиосском проливе капитана 1 ранга Фёдора Степановича Плещеева. Это был одарённый человек, отличный моряк и храбрый воин. Не погибни он на «Св. Евстафии», его ждали бы адмиральские звания.

Нам удалось дополнить биографию Ф. С. Плещеева интересными и важными подробностями. Мы выяснили, где именно он производил съёмку берегов Балтийского моря в 1748–1751 гг., узнали о промерах у Мемеля в 1757 г. и съёмке прусских берегов в 1759 г. Выявили целый ряд интересных деталей подготовки фрегата «Надежда Благополучия» к отправке в Средиземное море и его обратный маршрут от Ливорно до Кронштадта. Раскрыли неизвестную страницу не только биографии Ф. С. Плещеева, но и истории Российского флота, — доставку из Любека в Кронштадт на фрегате «Святой Сергей» коллекции картин графа Брюля, купленной для Екатерины II. Совместно с искусствоведом Валентиной Владимировной Николаевой мы обнаружили в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота целый

блок документов, связанных с этим плаванием, и ввели их в научный оборот. Неопровержимо установлен не только год доставки этой коллекции, но даже месяц, число и час!

Работа будет продолжена. Будем надеяться, что впереди ждут новые находки.

Примечания

¹ Приложение IX. Переписка по покупке картинной галереи графа Брюля / Сборник ИРИО. Т. 17. СПб., 1876. С. 388–394.

² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 362. Л. 80.

³ Там же. Л. 374–381.

⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 328. Л. 55–67 об.

⁵ Дагерорд — современное название Калла-нинна (эст. *Kallaninna*) — мыс, составляющий западную оконечность острова Хийумаа (эст. *Hiiuma*).

⁶ Мыс Домеснес — устаревшее название мыса Колка (латышск. *Kolkasrags*).

⁷ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 362. Л. 378, 381.

⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. X. СПб.: тип. Морского министерства, 1883. С. 382.

⁹ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 17.

¹⁰ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 513.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1456. Л. 4, 4 об.

¹² Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 610–611.

¹³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1424. Л. 19 об.

¹⁴ Там же. Л. 20 об.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб.: тип. Морского министерства, 1886. С. 160.

¹⁷ Произведён 20 апреля 1764 г.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1424. Л. 46–48.

¹⁹ Там же. Л. 36.

²⁰ Там же. Л. 49.

²¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI... С. 159–163.

²² Там же. С. 167.

²³ Там же. С. 203.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 913. Л. 3, 5, 8, 13 об., 14 об.

²⁵ Там же. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1605. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 19.

²⁸ Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 927. Л. 38.

²⁹ Там же. Л. 43 об, 44.

³⁰ Там же. Л. 52. об.

³¹ Подробнее см.: *Захаров А. С., Николаева В. В.* «Немедленно отправить фрегат в Любек!» Как поступила в Эрмитаж коллекция картин графа Брюля. СПб.: Лигр, 2019. 256 с., ил.

³² Материалы для истории русского флота. Ч. XI... С. 448, 474.

³³ *Твардовский А. Т.* Василий Тёркин. М.: Раритет, 2000. Ч. 4. «Переправа».

Котов И. М.

Три войны Ивана Спиридова

Участие в Семилетней войне стало значимой вехой в истории Военно-Морского флота России. В этот период на руководящие должности выдвинулись многие знаменитые впоследствии флагманы и офицеры. Наиболее выдающийся пример — Григорий Андреевич Спиридов, возглавивший действия десанта под Кольбергом в 1761 г.

Известен также факт участия в Семилетней войне его двоюродного брата — Ивана Митрофановича, одного из шести братьев Спиридовых, служивших в Российском флоте в первой половине XVIII в. Мелкопоместный дворянский род Спиридовых достаточно древний — он восходит к XVI в.¹ Примечательно, что все четверо родных братьев Спиридовых в начале XVIII в. отдали минимум по одному сыну служить на флот, что говорит о важности флота как нового перспективного социального лифта для небогатых дворян. К этому «поколению моряков Спиридовых» относятся: Иван Никонович, Василий Силыч, Иван Митрофанович, Василий Митрофанович, Василий Андреевич и Григорий Андреевич². Биография Григория Андреевича достаточно широко известна благодаря его заслугам в Первой Архипелагской экспедиции и Чесменском сражении. Сведения о деятельности остальных братьев приведены в «Общем морском списке», но при этом крайне обрывочны и содержат ряд существенных неточностей. Однако, благодаря послужному списку Ивана Митрофановича Спиридова, сохранившемуся в фондах РГАВМФ³, мы можем достаточно полно восстановить его судьбу. Интере-

сен тот факт, что этот офицер принял участие во всех трёх войнах, которые Россия вела на Балтийском море во второй трети XVIII в.

Боевое крещение Ивана Спиридова состоялось при довольно трагичных обстоятельствах. Во время Войны за польское наследство 1733–1735 гг. он, будучи гардемаринном, проходил практику на гальоте «Гогланд» под командованием своего двоюродного брата лейтенанта И. Н. Спиридова. 14 мая гальот вышел из Кронштадта для сопровождения пакетбота «Меркуриус», отправленного в Пиллау с письмом от адмирала Т. Гордона к фельдмаршалу Б. Х. Миниху, командовавшему российскими войсками в Польше⁴. Однако 24 мая гальот был захвачен французским фрегатом в районе Пиллау⁵. Команда пробыла в плену три месяца и была возвращена на родину в ходе обмена пленными в сентябре того же года⁶.

Обстоятельства пленения выяснить трудно. По возвращении из плена командир «Гогланда» И. Н. Спиридов в ходе следствия в Адмиралтейств-коллегии был оправдан, так как «при взятии в полон непорядочного поступка не нашлось, а поступал он, как надлежало по регламенту»⁷. Действительно «Устав морской» (кн. 3, гл. 1 ст. 90) признавал за капитаном право в исключительных случаях для сохранения жизней экипажа сдать корабль в плен⁸. Это допускалось, если корабль должен был неизбежно затонуть или израсходовал по противнику весь боезапас, то есть, по сути, исчерпал все возможности к сопротивлению.

С учётом того, что гальот был отбит русскими войсками 18 июня в устье Вислы, а в сентябре своим ходом вернулся в Кронштадт, в момент сдачи фатальных повреждений он не имел. Остается предположить, что команда оказала вооруженное сопротивление, хотя из-за подавляющего превосходства сил неприятеля оно не могло быть продолжительным. В своей первой войне Ивану Спиридову не довелось в полной мере принять участие в боевых действиях Балтийского флота и проявить себя, однако, несмотря на попадание в плен, он не запятнал своей чести.

Второй войной для Ивана Митрофановича стала Русско-шведская война 1741–1743 гг. К её началу он в чине мичмана служил на фрегате «Гектор» под командой лейтенанта Г. Костомарова. В 1741 г. российское командование опасалось нападения шведского флота на Кронштадт, поэтому на подступах к нему крейсировали фрегаты. «Гектор» нёс дозорную службу между Красной горкой и северным берегом⁹. Следующие две военные кампании мичман Спиридов провёл на 54-пушечном корабле «Астрахань», принимавшем участие во всех действиях российской эскадры в Финском заливе. В 1743 г. «Астрахань» стала флагманским кораблем контр-адмирала Я. С. Барша¹⁰. Упоминания конкретных младших офицеров обнаружить в документах достаточно сложно, однако в шканечном журнале «Астрахани» за 1743 г. описан интересный эпизод. После неудачной погони за шведскими кораблями 2 мая, сорвавшейся из-за повреждений на трёх кораблях эскадры, при крепком риф-марсельном ветре со шквалами мичман Спиридов был отправлен на 8-вёсельной шлюпке на корабль «Кронштадт» для выяснения объема повреждений рангоута. Несмотря на 7-бальный ветер и сильное волнение он смог успешно выполнить приказание и вернуться на «Астрахань»¹¹. В составе экипажа «Астрахани» он принимал участие и в противостоянии со шведским флотом у мыса Гангут с 6 по 8 июня 1743 г. — ключевом событии этой войны на море.

Семилетняя война началась для Ивана Митрофановича неудачно. В 1757 г. он служил капитан-лейтенантом на 66-пушечном корабле «Гавриил» под командой капитана 2 ранга В. И. Ляпунова. Этот корабль входил в отряд, назначенный для бомбардировки Мемеля. Однако в самом начале плавания, 8–9 мая, отряд попал в сильнейший шторм. «Гавриил» получил серьезные повреждения, в том числе на баке «отделило борт», расшатались все восемь кнехтов и открылась течь. Шканечный журнал корабля изобилует записями вроде «постоянно лили из корабля воду» и даже «ведрами лили из корабля воду»¹². При попытке оказать помощь терпящему бедствие бомбардирскому кораблю «Дон-

дер», «Гавриил» попал на мель, повредив руль. Видимо, попытки ремонта своими силами не принесли желаемого результата, так как уже 24 мая корабль отделился от отряда и отправился обратно в Ревель для ремонта, что не дало ему возможности принять участие в бомбардировке Мемеля. В кампанию 1757 г. было предпринято ещё две попытки выйти в море и присоединиться в Ревельской эскадре, но обе они заканчивались возвращением для дополнительного ремонта.

Есть сведения, что в кампанию 1758 г. капитан-лейтенант И. М. Спиридов был назначен на 80-пушечный корабль «Святой Иоанн Златоуст»¹³, однако послужной список свидетельствует о том, что этот год он провёл советником при адмиралтейской конторе. Вероятно, это было связано с тем, что 20 апреля он был произведён в капитаны 3 ранга, а командирской вакансии для него, в отличие от других офицеров, произведённых этим приказом, не нашлось.

Первый корабль, 66-пушечный «Уриил», он получил под свою команду только в кампанию 1759 г. Этот корабль входил в состав Кронштадтской эскадры контр-адмирала Н. Г. Лопухина. Для действий российской армии в Восточной Пруссии большое значение имела организация снабжения¹⁴. Морские перевозки были при тогдашнем состоянии дорог гораздо быстрее и удобнее сухопутных, поэтому Балтийский флот активно ими занимался. В 1759 г. Кронштадтская эскадра доставила в Данциг пополнение для армии в составе 3022 человек¹⁵. Переход занял 12 дней, прошёл без каких-либо происшествий, поставленная задача была выполнена. На обратном пути 1 сентября эскадра попала в шторм, однако «Уриил», в отличие от ряда других кораблей, не пострадал.

На следующий год на том же корабле и в составе той же эскадры, но уже под флагом адмирала З. Д. Мишукова, И. М. Спиридов принял участие в совместной с сухопутными войсками осаде Кольберга.

По прибытии к Кольбергу эскадрой велись бомбардировки города, был высажен десант. Несмотря на доблесть,

проявленную российскими моряками, из-за неудач на суше 8 сентября в тяжёлых погодных условиях, «при резком ветре и бурном осеннем море»¹⁶, пришлось проводить эмбаркацию десанта и возвращаться в Ревель.

Год спустя, в 1761 г., Иван Митрофанович снова принял участие в действиях против Кольберга. На этот раз он командовал 54-пушечным кораблём «Варахаил». Объединенную кронштадтско-ревельскую эскадру возглавлял теперь вице-адмирал А. И. Полянский, который поднял свой флаг на 80-пушечном корабле «Св. Климент Папа Римский». 13 августа эскадра прибыла к Кольбергу. Отмечалось, что укрепления за год усилились, было построено пять новых береговых батарей¹⁷. В день прибытия для промера глубин были посланы шлюпки, но батареи отогнали их огнём¹⁸.

Самым быстрым способом получения точных данных о количестве, расположении и дальнобойности орудий на береговых батареях было проведение разведки боем. Для выполнения этой задачи требовался корабль с одной стороны с относительно небольшой осадкой, а с другой — с опытным командиром и слаженным экипажем. Кораблей с минимальной осадкой 16 футов 7 дюймов в эскадре было три: «Шлиссельбург» под командованием Никиты Пушкина, «Нептуниус» под командованием Фёдора Неклюдова и «Варахаил», командовал которым Иван Спиридов¹⁹. Все три командира были в одном чине, все они поступили на службу приблизительно в одно время, однако Н. Пушкин обладал меньшим опытом командования кораблями. При выборе между Ф. Неклюдовым и И. М. Спиридовым вице-адмирал А. И. Полянский отдал предпочтение последнему, что характеризует Ивана Митрофановича как опытного и храброго офицера.

Этот эпизод нашёл отражение в отечественной историографии, посвященной действиям русского флота в Семилетней войне. Ф. Ф. Веселаго²⁰ и Н. М. Коробков²¹ упоминают, что 14 августа корабль «Варахаил» прошёл вдоль линии береговых укреплений противника под их обстрелом, подавляя их ответным огнем. Сохранившиеся в фондах РГАВМФ

шканечный журнал²² и клеркский протокол²³ «Варахаила» позволяют восстановить ряд существенных подробностей этого боя:

1) Письменный приказ вице-адмирала А. И. Полянского был передан на «Варахаил» лично командиром флагманского корабля капитаном 3 ранга И. М. Селивановым. В приказе ставилась задача пройти между бомбардирским кораблем «Самсон» и берегом и обстрелять неприятельские батареи с такой дистанции, чтобы «действительно вредить можно было».

2) На борту во время боя присутствовал представитель штаба — унтер-лейтенант В. Щелин.

3) Перед кораблём была отправлена 10-весельная шлюпка под командованием штурмана Саввы Захарова для промера глубины.

4) Стрельба велась на ходу под марселями, в галфвинд правого галса, на курсе, параллельном берегу, с востока на запад, при скорости около 1,5 узлов.

5) Большое внимание в ходе боя уделялось контролю глубин. Видимо, безопасной глубиной относительно осадки, капитан считал отношение около двух к одному, так как при осадке в 16 футов 7 дюймов он не подходил к берегу на глубину меньше 5,5 сажений (33 фута).

6) От открытия до прекращения огня прошло около 1,5 часов. Расход боезапаса составил 130 18-фунтовых и 107 8-фунтовых зарядов, то есть в среднем около 12 выстрелов на 18-фунтовое орудие, и около 6 выстрелов на 8-фунтовое. Огонь вёлся преимущественно из крупнокалиберных орудий нижнего дека, так как 8-фунтовые орудия давали недолёты.

7) Отмечен последовательный огневой контакт с тремя береговыми батареями и верхним городским бастионом.

8) Огонь береговых батарей оказался малоэффективен и нанёс лишь незначительные повреждения. В корабельных документах упомянуто только о разбитом шпиле и перебитом блинда-шкоте, хотя корабль длительное время находился в зоне накрытия: отмечены как регулярные недолёты, так

и перелёты. В шканечном журнале неоднократно встречаются фразы «некоторые ядра несколько не доходили до корабля, а некоторые перелетали».

9) Потери в личном составе на «Варахаиле» были минимальны — два человека убитыми. Приведены и фамилии погибших: матрос 1 статьи Василий Варьянов и солдат Андрей Веденин.

10) Стрельба с корабля, в свою очередь, была достаточно точна — иногда отмечается, что «ядра ложились в самую батарею».

11) Ближе к концу боя вести прицельный огонь стало значительно сложнее из-за плохой видимости (так как ветер стал слабее, пороховой дым не уносило).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) Боевая задача была решена, выявлены ценные сведения о расположении и огневой мощи береговых батарей. В шканечном журнале флагманского корабля «Климент Папа Римский» зафиксированы точные пеленги батарей и количество орудий на них — 54 единицы²⁴.

2) Тезис о том, что «Варахаил» приводил к молчанию береговые батареи, встречающийся в упомянутых работах Ф.Ф.Веселаго и Н.М.Коробкова, скорее всего, является несостоятельным. Такого количества выстрелов не могло хватить для причинения значительного урона береговым батареям, а прекращение ими огня, вероятнее всего, было связано с выходом корабля из сектора обстрела. Данный вывод подтверждается и тем, что в монографии Ф.Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России», написанной с обширным использованием немецких источников, упоминания о бое 14 августа с прошедшим мимо батарей российским кораблём нет.

3) Командиром и экипажем корабля была проявлена несомненная храбрость, так как они на протяжении полутора часов находились под интенсивным обстрелом береговых укреплений в зоне накрытия.

Действия «Варахаила» в кампании 1761 г. под Кольбергом не ограничились боем 14 августа. Шесть дней спустя в составе морского десанта эскадры им был высажен отряд из 51 человека под командой лейтенанта П. Бачманова²⁵, после чего в течение нескольких дней велась перестрелка с первой остовой батареей. В ходе боя на якоре по батарее было выпущено 159 18-фунтовых ядер, а ответным огнём противника пробиты оба борта навывлет и повреждён фока-руслень. Наконец, 7 сентября батарея была взята десантом и сухопутными войсками.

Стоит отметить, что «Варахаил» был последним кораблем, покинувшим кольбергский рейд. По приказу А. И. Полянского он, вместе с «Нептунусом» и фрегатом «Архангел Михаил», задержался после ухода флота на 10 дней, чтобы принять на борт последние отряды возвращавшегося десанта.

Вскоре после окончания войны, в 1762 г., Иван Митрофанович был через чин произведён в капитаны 1 ранга, а вскоре и в капитан-командоры. Однако уже в 1764 г. он вышел в отставку и поселился в своей деревне — сельце Морозове Клинского уезда Московской губернии²⁶. Дату его смерти и место захоронения установить не удалось.

Изученные в ходе исследования документы РГАВМФ позволили проследить боевой путь российского морского офицера второй трети XVIII в. Более того, на основе этих материалов мы можем дополнить уже имеющиеся в научном обороте данные, содержащиеся, в том числе, в таком авторитетном и популярном источнике, как «Общий морской список». Возможно, при более детальном изучении вопроса удастся найти в фондах архива и новые документы, дополняющие картину биографии Ивана Митрофановича Спиридова. Остаются невыясненными обстоятельства пленения гальота «Гогланд». Также не ясна причина отставки И. М. Спиридова, имевшего для офицера Российского флота того времени богатый служебный и боевой опыт и за месяц до неё с блестящими результатами баллотировки произведённого в капитан-командоры²⁷.

Примечания

¹ *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга Т. 2. СПб.: Изд. А.С. Суворова, 1895. С. 248.

² Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб.: тип. В. Демакова, 1885. С. 360–361; Ч. 2. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. СПб.: тип. В. Демакова, 1885. С. 441–446.

³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 2. Л. 172 об.–174.

⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. VII. СПб.: тип. Морского министерства, 1879. С. 600.

⁵ РГАВМФ Ф. 212. Оп. 11. Д. 21. Л. 84.

⁶ *Муравьев М. А.* Владычествует четыремя. Эпизоды из истории Русского парусного флота первой половины XVIII в. Львов: МКИФ, 2001. С. 76.

⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. VII. С. 732.

⁸ Устав морской [Репринтное издание]. СПб.: Санкт-Петербургская типография, 1763. С. 60.

⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. IX. СПб., 1882. С. 82.

¹⁰ *Муравьев М. А.* Русский флот в войне со Швецией 1742–1743 годов. Львов, 2000. С. 19.

¹¹ РГАВМФ Ф. 870. Оп. 1. Д. 293 б. Л. 16 об. — 17.

¹² Там же. Д. 641. Л. 7 об. — 8.

¹³ *Берх В. Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. Ч. 3. СПб., 1834. С. 212.

¹⁴ История военно-морского искусства. Т. 1. Военно-морское искусство рабовладельческого и феодального общества. М.: Воениздат, 1953. С. 217.

¹⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. X. СПб., 1883. С. 498.

¹⁶ *Коробков Н. М.* Русский флот в Семилетней войне. М.: Воениздат, 1946. С. 97.

¹⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 617.

¹⁸ Материалы для истории инженерного искусства. Ч. 3. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. СПб.: тип. Академии наук, 1865. С. 566.

¹⁹ *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. М., 1872. С. 27.

²⁰ *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история Русского флота. СПб, 1893. С. 110.

- ²¹ *Коробков Н. М.* Указ. соч. С. 126.
- ²² РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 734. Л. 44 об.
- ²³ Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 827. Л. 137–138.
- ²⁴ Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 736. Л. 34 об.
- ²⁵ Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 827. Л. 145 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1505. Л. 14.
- ²⁷ *Берх В. Н.* Указ. соч. С. 5.

Буканова Р. Г., Насыров К. З.

**М. Т. Коняев и М. И. Войнович — забытые герои
Патрасского морского сражения 1772 г.**

Современная Россия сформировала свою морскую доктрину, где, в частности, в разделе, посвящённом кадровой политике, указала, что именно «поддержание морских традиций и равнодушного отношения граждан к морской истории страны служат позитивному представлению, пропаганде и поддержке национальной морской политики, морской деятельности и морской службы в обществе»¹. В славной истории военно-морского флота России немало ярких страниц и героев, создававших морской статус нашего Отечества.

Одной из таких страниц морской истории конца XVIII в. является Патрасское морское сражение, которое произошло между турецкой эскадрой под командованием капудан-паши (адмирала) Мустафы и эскадрой русского флота из состава Первой Архипелагской экспедиции под командованием капитана 1 ранга Михаила Тимофеевича Коняева у берегов Греции 26–29 октября 1772 г. в Патрасском заливе Ионического моря (даты здесь и далее приводятся по старому стилю). Послужной список М. Т. Коняева хранится в РГАВМФ. В современной историографии практически не упоминаются ни само Патрасское сражение, ни его забытые герои. Между тем указанное сражение имело важное стратегическое значение, и многие из тех, кто создавал морскую славу нашей страны, известны только узкому кругу профессиональных историков.

Командовавший эскадрой в Патрасском морском сражении Михаил Тимофеевич Коняев поступил на флот учени-

ком в Морскую академию 16 марта 1743 г. В 1747 г. был произведён в гардемарины. Морская практика М. Т. Коняева проходила на Балтийском, Белом морях и в Северной Атлантике. В 1751 г. был произведён в мичманы и совершил океанский переход — из Архангельска в Кронштадт. В 1762 г. 6 июля за отличие, оказанное при восшествии на престол императрицы Екатерины II, произведён в капитан-лейтенанты и награждён годовым окладом жалования. Далее — служба на различных судах Балтийского флота. 1 марта 1770 г. произведён в капитаны 1 ранга и, командуя отрядом из трёх новопостроенных кораблей, держа флаг на 66-пушечном корабле «Граф Орлов», сделал переход из Архангельска в Кронштадт. В течение 1771 г. проходила боевая выучка и наплаванность экипажа корабля «Граф Орлов» в составе эскадры Балтийского флота под командованием контр-адмирала В. Я. Чичагова. Таким образом, к Патраскому морскому сражению М. Т. Коняев подошёл зрелым, умелым воином и опытным командиром².

18 ноября 1768 года манифестом императрицы Екатерины II «Об объявлении войны с Оттоманскою Портою» императорская Россия вступила в войну с Турцией³. Для усиления Средиземноморской эскадры А. Г. Орлова в мае 1772 г. из Ревеля в Средиземное море в «известную экспедицию» была направлена эскадра кораблей Балтийского флота. Старший на переходе — контр-адмирал Василий Яковлевич Чичагов. В состав эскадры входили парусные корабли: «Чесма» — артиллерийское вооружение 74 орудия, командир, под чьим руководством корабль принимал участие в Патраском сражении — капитан 2 ранга П. Аничков; «Победа» — артиллерийское вооружение 66 орудий, командир — капитан 2 ранга С. Новокшенов, «Граф Орлов» — артиллерийское вооружение 66 орудий, командир — капитан 1 ранга М. Т. Коняев⁴. 15 августа 1772 г. эскадра прибыла на рейд Ливорно, где 25 августа 1772 г. контр-адмирал В. Я. Чичагов спустил на корабле «Граф Орлов» свой адмиральский флаг и сдал командование эскадрой капитану 1 ранга М. Т. Коняеву⁵.

По повелению императрицы Екатерины II А. Г. Орлов откомандировал контр-адмирала В. Я. Чичагова сухопутным путем из Ливорно обратно в Санкт-Петербург⁶. В то же время главнокомандующий «Архипелагским флотом» А. Г. Орлов в своём донесении, поданном императрице Екатерине II по случаю усиления своего флота эскадрой Балтийского флота, отмечал, что своевременное и благополучное прибытие этих кораблей способствовало укреплению морских сил, находившихся в Ионическом море, и особо отметил боевую подготовку экипажей прибывших с Балтики кораблей⁷.

После победы флота России над флотом Оттоманской Порты при Чесме (5–7 июля 1770 г.) турки уже не обладали превосходством, но периферийные эскадры турецкого флота находились в полной боевой готовности и представляли для Архипелагского соединения существенную угрозу. Исходя из создавшейся оперативной обстановки А. Г. Орлов в конце октября 1772 г. послал отряды кораблей под командованием М. Т. Коняева и графа И. В. Войновича, двоюродного старшего брата графа М. И. Войновича, в разведывательно-диверсионные экспедиции. Эта мера была предпринята в целях препятствования объединению дульцинитской (названа так по месту базирования — порт Дульцин, современный город Улцинь, Черногория) и Тунисской (барбарейской) эскадр турецкого флота. В современной исторической литературе нередко встречаются неточности, касающиеся деятельности и вклада братьев Войновичей в победу при Патрасе. В соответствии с орденом А. Г. Орлова отряд кораблей, посланных в разведывательную экспедицию в Адриатическое море, возглавил именно Иван (Йован) Васильевич Войнович, к этому времени имевший чин секунд-майора. Марку Ивановичу Войновичу, принятому на службу во флот после соответствующего экзамена, был пожалован чин мичмана в 1770 г. Граф И. В. Войнович пользовался особым доверием графа А. Г. Орлова, участвовал в битве при Чесме и, хотя бы косвенно, — в секретной миссии А. Г. Орлова по поимке самозванки, заявлявшей права

на русский престол. В состав отряда кораблей под командованием графа И. В. Войновича входил фрегат «Святой Николай» с артиллерийским вооружением — 26 орудий, с 5 октября 1771 г. командир майор И. В. Войнович. Необходимо обратить внимание на то, что бывший греческий фрегат «Святой Николай» под командованием А. И. Поликути со всем экипажем добровольно присоединился к Архипелагской эскадре А. Г. Орлова в 1770 г. и был введён в состав Балтийского флота. А. И. Поликути, ранее состоявший на службе в венецианском флоте, был произведён в чин лейтенанта русского флота по представлению графов Орловых⁸. Бывший также греческим, фрегат «Слава» был куплен графом А. Г. Орловым в Архипелаге в 1770 г., артиллерийское вооружение — 16 орудий, командир граф, лейтенант М. И. Войнович. Как мы полагаем, экипаж состоял также из добровольцев греков. В состав отряда кораблей входили также шебека «Забьяка» и две поляки — «Модон» и «Ауза». Перед тем, как поступить под командование И. В. Войновича, М. И. Войнович, командуя фрегатом «Слава», участвовал в секретной экспедиции в заливе Лаго у анатолийских берегов, где сжёг 10 неприятельских транспортных судов, а три взял в плен⁹. Таким образом, отряд кораблей под командованием графа майора И. В. Войновича, имевших типичную средиземноморскую корабельную архитектуру, под нейтральными флагами вошёл в Адриатическое море. Данный факт повлиял на то, что обнаруженная И. В. Войновичем у Дульцина эскадра в количестве семи фрегатов под турецкими флагами не заподозрила присутствие русского флота. Как отмечал в своём рапорте от 25 ноября 1772 г. А. Г. Орлов, капитаны турецких фрегатов прибыли на фрегат И. В. Войновича, были приняты ласково и, считая графа Войновича словенским капитаном, вступили с ним в разговоры. Получив сведения о намерениях турок, И. В. Войнович со своим отрядом поспешил к острову Цириго на randеву с эскадрой М. Т. Коняева. Последний в это же время крейсировал со своим отрядом, состоявшим из кораблей

«Чесма» и «Граф Орлов», у острова Цириго (современное название — Китира), охраняя вход в Архипелаг¹⁰.

16 октября 1772 г. И.В.Войнович передал письменный приказ главнокомандующего Архипелагской эскадры А.Г.Орлова, основная суть которого состояла в том, что перемирие между Российской империей и Оттоманскою Портой разорвано, а посему предписывалось найти и уничтожить флот неприятеля. М.Т.Коняев, вступив в командование объединённой эскадрой, приказал пополнить запасы пресной воды и готовиться к сражению. Под его командой находились следующие корабли: «Чесма» — 74 орудия, «Граф Орлов» — 66 орудий, «Святой Николай» — 26 орудий, «Слава» — 16 орудий, «Забияка» — 18 орудий, «Модон» — 12 орудий, «Ауза» — 12 орудий. В совокупности эскадра М.Т.Коняева несла 224 орудия. Необходимо обратить внимание на то, что шебека «Забияка», поляки «Модон» и «Ауза» были вооружены орудиями малого калибра и могли вести бой на предельно коротких дистанциях. Из полученных от греческих патриотов сведений было известно, что дульцинитская эскадра под флагом капудан-паши Мустафы из 24-х фрегатов, стоящих на якоре, каждый из которых нёс на борту по 30 орудий, сосредоточилась в Патрасском заливе под прикрытием береговых батарей. В точку randevу турок уже следовали из Корфу и другие турецкие военные и транспортные суда с десантом. Оценив сложившуюся оперативную обстановку М.Т.Коняев принял решение — не дать неприятелю возможности объединиться и уничтожать эскадры раздельно.

25 октября поздно вечером русская эскадра обнаружила неприятеля в Патрасском заливе. Турецкая эскадра в количестве 9 фрегатов и 16 шебек расположилась в заливе вдоль берегов под защитой батарей. Утром турецкий адмирал Мустафа-паша обнаружил, что в русской эскадре всего 7 кораблей. М.Т.Коняев предпринял смелый тактический приём (отделяй, окружай и уничтожай), свои корабли он расположил следующим образом — в авангарде братья Войновичи на фрегатах «Святой Николай», «Слава», а также шебека

«Забияка» и поляка «Модон», а мористее в арьергарде — корабли «Чесма» и «Граф Орлов». Таким образом, авангард находился под прикрытием дальнобойных орудий кораблей.

26 октября 1772 г. турецкая эскадра встала под паруса и всей мощью огня обрушилась на арьергард. Умелые действия экипажей авангарда и линейных кораблей, искусное управление артиллерийским огнём не дали возможности турецким кораблям выйти на дистанцию разрушительного воздействия. После продолжавшейся полтора часа артиллерийской перестрелки действия наших моряков привели к тому, что арьергард братьев Войновичей отрезал от основных сил противника две шебеки и один 30-пушечный фрегат. Видя неизбежность быть взятыми в плен, турецкие корабли сели на мель и впоследствии были сожжены фрегатом «Слава» под командованием графа М. И. Войновича. Турецкая эскадра, потеряв эти корабли и будучи отрезанной от Патрасской крепости, вышла из боя и отошла к Лепантским крепостям, под защиту береговых батарей. 27 октября 1772 г. противник вновь пытался атаковать русскую эскадру, однако погодные условия не позволили вести активные действия. Артиллерийский огонь как из крепостей, так и с кораблей, продолжавшийся весь день, не нанёс русской эскадре большого вреда.

28 октября 1772 г. М. Т. Коняев применил иной тактический приём ведения боя. Эскадра подошла к устью Лепантского залива, маневрируя, вступила в артиллерийскую перестрелку с береговыми батареями и турецкой эскадрой (8 фрегатов, 14 шебек), тем самым склоняя Мустафу-пашу к активным наступательным действиям. В начале 12-го часа дня турецкая эскадра бросилась в атаку. М. Т. Коняев приказал всем кораблям и фрегатам стать на якорь и вести артиллерийский огонь по турецким кораблям, применяя все виды боеприпасов — ядра, кншпели, картечь и брандсбургели. Под парусами он оставил более изворотливые в узкости шебеку и поляки, в целях маневренного применения орудийного боя. Тактика дала результат, почти сразу же был подожжён один турецкий фрегат. Губительный для турецкой эскадры огонь русских кораблей привёл к полной побе-

де. Турки, уклоняясь от огня, сажали свои корабли на мель и впоследствии сожгли, ввиду невозможности снятия их с мели. Все оставшиеся у побережья малые суда были взяты как добыча. Спаслись из всей дульцинитской эскадры один фрегат и шесть шебек. 29 октября, не наблюдая неприятеля, эскадра М. Т. Коняева оправилась в Архипелаг, где 16 ноября 1772 г. соединилась с основными силами Архипелагской эскадры графа А. Г. Орлова¹¹.

В дальнейшем братья И. В. и М. И. Войновичи стали адмиралами императорского флота России. М. Т. Коняев был произведён в капитаны генерал-майорского ранга. За смелость, мужество и отвагу, проявленные в Патрасском морском сражении, М. И. Войнович был пожалован орденом Св. Георгия IV кл., а М. Т. Коняев — орденом Св. Георгия III кл.

Справедливости ради полагаем необходимым отметить следующее — давая оценку военно-морской мощи Оттоманской Порты, А. В. Суворов в 1795 г. на основании побед флота в 1772 г. писал: «нельзя пренебрегать их морскими силами, доказательством этому служит взятое у них превосходное судно “Иоанн Креститель”»; их матросы-христиане очень хороши, хотя некоторые офицеры негодны». Далее, не соглашаясь с оценкой турецкого флота, данной М. И. Войновичем, А. В. Суворов продолжал: «Свидетельство Войновича о том, что они всегда боялись нашего флота, совершенно неверно, последние походы прошлой войны показали, что они очень изменились после Чесмы»¹². Тем не менее, русский флот никогда не терпел таких поражений, какие потерпел турецкий флот в отдельно взятом Патрасском морском сражении 1772 г.

Примечания

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.07.2015 г. Разд. IV, п. 79.

² РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 8. Л. 21–23.

³ ПСЗ I. Т. XVIII. С. 768. № 13198.

⁴ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

⁵ Материалы для истории русского флота (далее — МИРФ). Ч. XII. С. 51.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же.

⁸ МИРФ. Ч. XI. С. 640.

⁹ РГАВМФ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–39.

¹⁰ МИРФ. Ч. XII. С. 31.

¹¹ Там же. С. 32–35.

¹² Цит. по: «План, поданный Графом Суворовым на утверждение Ее Величеству Русской Императрице в 1795 году» // Русский архив. 1914. № 6–7. С. 159–160.

Сычев В. И.

**Корабли Черноморского флота при взятии
турецкой крепости Анапа в 1807 г.**

(по материалам РГАВМФ и запискам современников)

Казалось бы, о малозначительном эпизоде Русско-турецкой войны — взятии в 1807 г. турецкой крепости Анапа — написано немало воспоминаний, как очевидцев, так и современников. Всё же в фондах РГАВМФ хранится немало документов о событиях апреля–мая 1807 г., о людях и кораблях, участвовавших в операции, и о политической ситуации в один самых напряжённых периодов российской истории, которые позволяют уточнить детали происходивших событий.

После того как в 1781–1782 гг. к России от Турции отошли Крым и Правобережная Кубань, Порта стремилась сохранить влияние на кавказском побережье, и султан Абдул-Хамид I приказал превратить Анапу в крепость, которая была построена в 1783 г. В начале XIX в. Турция продолжала владеть землями вдоль восточного побережья Чёрного моря до Тамани и всё ещё надеялась вернуть себе Крым, а также хотя бы часть Северного Причерноморья. Она угрожала приграничным областям и настраивала кавказские народности против русских. Важным пунктом кавказских владений Турции была Анапа. Крепость была хорошо укреплена, с большим гарнизоном; она служила передовой базой для действий турецких войск против России и для снабжения местных народностей оружием, а также для организации их набегов на русские поселения. Анапа была крупным перевалочным пунктом, через который горцы продавали в Турцию добычу и пленников.

Против крепости Анапа было организовано шесть походов русских армии и флота (1788, 1790, 1791, 1807, 1809, 1828). Описания военных действий российского флота и армии тех лет, а также главных действующих лиц на Чёрном и Средиземном морях были показаны противоречиво и нередко недостаточно полно. Во многом это связано с тем, что политическая ситуация в Европе в 1807 г. была чрезвычайно напряжённой. О походе 1807 г. к Анапе сохранились отдельные свидетельства очевидцев и участников военных действий, и чрезвычайно мало достоверных оценок, большая часть которых появились спустя много лет после событий.

В марте 1805 г. между Россией и Англией был заключён договор о совместных действиях против Франции. В состав коалиции вошли также Австрия и Неаполь.

Адмирал маркиз И. И. де Траверсе — французский эмигрант, командующий Черноморским флотом, находившийся на службе в России¹, — получил письмо из Министерства морских сил от 20 ноября 1805 г. (даты сражения при Аустерлице): «Господин маркиз, с получением сего вам надлежит привести флот в полную боевую готовность. Мне хотелось бы также по-дружески осведомиться, готовы ли вы продолжать командовать Черноморским флотом в том случае, если Турция, подстрекаемая Францией, вступит с нами в войну, и вам, что не исключено, придётся сражаться против французского флага. Жду ответа с ближайшей почтой. Чичагов»². Ответ Траверсе министру не сохранился, но дальнейшие события раскрыли его смысл. В сложившейся обстановке Траверсе строго выполнял распоряжения из Санкт-Петербурга.

К 1806 г. для укрепления позиций России в районе Средиземного моря в эскадре под командованием Д. Н. Сенявина находилось 15 кораблей, значительное число более мелких судов и десантный корпус (около 30 тыс. чел.). В сентябре 1805 г. был возобновлён русско-турецкий союз, который не просуществовал и одного года. В конце октября 1806 г. русским войскам было приказано перейти границу, занять Бессарабию, Молдавию и Валахию; 18 декабря Турция объявила войну России.

Известие о начале войны вице-адмирал Д. Н. Сенявин получил 30 января 1807 г. Инструкцией морского министра П. В. Чичагова ему предписывалось при содействии находящейся в Архипелаге союзной английской эскадры прорваться через пролив Дарданеллы и атаковать столицу Турции. В феврале 1807 г. основная часть его эскадры из восьми кораблей и одного фрегата перешла в Эгейское море, в марте блокировала пролив, а 10–11 мая 1807 г. в Дарданелльском сражении нанесла поражение турецкому флоту. Неудачей завершилась попытка турок выполнить приказ султана Мустафы IV, сменившего на престоле Селима III, прорвать блокаду Константинополя, в котором уже начались беспорядки из-за нехватки продовольствия.

В феврале 1807 г. Черноморский флот получил инструкции одновременно с эскадрой Сенявина атаковать и захватить Константинополь. Приказом министра морских сил П. В. Чичагова ответственность за проведение этой операции возлагалась на адмирала Траверсе и герцога Ришелье³. Министр настаивал на том, чтобы операция была подготовлена самым тщательным образом: следовало вооружить флот, снабдить его брандерами, нанять транспортные суда для перевозки десанта в пятнадцать-двадцать тысяч солдат.

В составе Черноморского флота тогда числились: «Годных к службе кораблей 110-пушечных два: “Ягудиил” и “Ратный”; 74 пушечных два, 66 пушечных два. Фрегатов от 54-х до 26 пушек шесть». К этим силам назначался 17-тысячный отряд десантных войск (пехота, конница, артиллерия и инженерные войска). Ришелье выполнял приказ, но был убежденным противником предложенного плана. Он опасался за успех операции, которую пришлось бы проводить войскам, состоящим наполовину из плохо обученных рекрутов. В своем донесении в Санкт-Петербург 12 февраля 1807 г. он указывал на «дурное состояние войск, в которых много солдат больных и негодных к делу, а командиры неспособны к проведению такой операции». Неутешительные вести поступали из Средиземного моря. Д. Н. Сенявин докладывал, что турки усилили оборону Константинополя. Английская эска-

дра вице-адмирала Джона Томаса Дакворта попыталась атаковать столицу Порты, но, попав под перекрёстный огонь, понесла большие потери и была вынуждена 19 февраля уйти из Босфора. Сенявин сообщал, что Дакворт решительно отказался предпринять вторичную попытку и совместно с русскими атаковать Константинополь. Сенявин и Ришелье согласились с мнением Дакворта. Траверсе нашёл убедительными их доводы, так как и он не был уверен в успешном исходе операции после усиления обороны Константинополя. Однако при этом он утверждал, что по-прежнему готов в любой момент дать С. А. Пустошкину приказ выступить с эскадрой. Рапорт Ришелье был принят в Санкт-Петербурге к сведению. Его доводы произвели впечатление на императора и министров, поэтому экспедиция к Константинополю с востока не состоялась. Впоследствии на обоих французов часто возлагали ответственность за нежелание осуществить операцию по атаке Константинополя, а Траверсе ещё и за отсутствие или неготовность достаточного количества судов для такой акции. Причины отказа указывались во всеподданнейшем докладе П. В. Чичагова: «По такому состоянию войск сих нельзя обнадеживаться в успехах действий в столь важном предприятии, и они <Траверсе и Ришелье> не осмелились отваживаться на удачу чести и славы империи».

Пока готовился рейд на Константинополь, и о нём еще не было принято окончательного решения, корабли Черноморского флота поддерживались в состоянии боевой готовности. Эскадра состояла из способных выйти в плавание шести кораблей, пяти фрегатов, двух бригов, шести малых судов и 80 канонерских лодок.

Следует заметить, что в операциях в Чёрном море не участвовали несколько кораблей, в том числе 74-пушечные корабли, введённые в строй в Херсонском Адмиралтействе в 1794–1800 гг.: «Святой Пётр» (1794), «Захарий и Елисавета» (1795), «Симеон и Анна» (1797), «Святой Михаил» (1798), «Мария Магдалина Вторая» (1799), «Тольская Богородица» (1799) и «Святая Параскева» (1800)⁴. На них впервые в практике отечественного кораблестроения бак и ют соедини-

ли сплошной палубой, что позволило усилить огневую мощь и улучшить управление парусами. Шесть кораблей этой серии были отправлены в Средиземное море, но в 1807 г. они были уже выведены из состава флота. Седьмой — «Тольская Богородица» — находился в практическом плавании в Чёрном море в 1802–1804 гг., а в результате кораблекрушения у берегов Мегрелии 9 декабря 1804 г. был полностью разрушен, погиб командир, 7 офицеров и 156 матросов.

Накануне операции был выведен из состава флота бриг «Язон»⁵, который 19 марта 1807 г. в густом тумане ударился о риф у мыса Тарханкут и разбился.

После отмены атаки Константинополя для демонстрации сил на Чёрном море адмирал Траверсе и герцог Ришелье решили предпринять военную экспедицию в Тамань на крепость Анапа, действуя и с моря, и с суши. О своих планах адмирал доложил императору: «Ваше Величество, я приказал откомандировать в распоряжение герцога Ришелье все казачьи полки, а также двенадцатый егерский полк и два батальона, расквартированных в Тамани. Я намерен дать примерный урок разбойникам. Общее командование буду осуществлять я»⁶.

О крепости Анапа писали, что в ней находился настоящий работорговый рынок. «Турки приезжают сюда в поисках кавказских красавиц, которых потом запирают в своих гаремах, и юношей, которых обращают в своих рабов; приобретают они их в обмен на соль, оружие и порох...»

М. И. Кутузов в бытность его киевским генерал-губернатором писал к Траверсе в период подготовки операций в Черном море. Спустя месяц после описываемых событий, в письме от 29 марта Кутузов из Киева сообщил Траверсе о появлении английского флота перед Константинополем, 11 апреля упомянул о его манёврах, а 18 апреля поддержал решение маркиза: «Напишите, прошу Вас, что-нибудь о Вашем английском флоте. Идти к Константинополю без десантных войск — это сражаться с мельницами на манер Дон Кихота. Остаюсь с совершенным уважением и бесконечной преданностью Вашему Превосходительству, покорнейший и преданнейший слуга Кутузов»⁷.

Все способные выйти в море корабли 8 апреля снялись с Севастопольского рейда и направились к Анапе. В составе эскадры находилось шесть кораблей: 110-пушечные «Ратный» (под флагом контр-адмирала С. А. Пустошкина, капитан 1 ранга П. М. Макшеев) и «Ягудиил» (капитан 1 ранга Ф. Ф. Мессер), 74-пушечные «Правый» (капитан 2 ранга К. А. Твент) и «Исидор» (капитан-лейтенант В. Я. Деревицкой; капитан 2 ранга Т. Г. Перский из-за болезни остался на берегу), 66-пушечные «Победа» (капитан 2 ранга М. И. Ратманов) и «Варахаил» (капитан 2 ранга А. Н. Сальков); пять фрегатов: 50-пушечный «Крепкий» (капитан 2 ранга К. Ю. Патаниоти), 44-пушечный «Назарет» (капитан-лейтенант А. И. Перхуров), 36-пушечный «Поспешный» (капитан-лейтенант К. Г. Гайтани), 32-пушечные «Воин» (капитан-лейтенант С. В. Подгаецкий) и «Иоанн Златоуст» (капитан-лейтенант С. А. Велизарий), 10-пушечные бриги «Диана» (капитан-лейтенант И. И. Стожевский) и «Елизавета» (лейтенант А. Ф. Хомутов), брандер «Рождество Богородицы» и пять канонерских лодок под командованием лейтенанта Н. Д. Критского.

В начале XIX в. Черноморский флот пополнялся небольшим числом кораблей. Самыми новыми считались 110-пушечные «Ратный» и «Ягудиил»⁸. Среди командиров кораблей боевой опыт и авторитет имели командующий эскадрой контр-адмирал С. А. Пустошкин, командир «Ратного» капитан 1 ранга Пётр Матвеевич Макшеев, а особенно колоритной фигурой был командир 110-пушечного «Ягудиила» капитан 1 ранга Фома Фомич Мессер⁹.

На третьи сутки плавания, 11 апреля, поднялась сильная буря, причинившая судам серьёзные повреждения, что заставило их вернуться в Севастополь для исправлений.

Эскадра, состоявшая из 14 кораблей (четырёх кораблей, четырёх фрегатов, двух бригов и четырёх малых судов), снова стояла в готовности на Севастопольском рейде. «Победа» после повреждений в шторм осталась в Севастополе для килевания. Её командиром был Макар Иванович Ратманов, который по окончании кругосветной экспедиции под командо-

ванием И. Ф. Крузенштерна на «Надежде» был произведён в капитаны 2-го ранга и назначен на Черноморской флот.

Фрегат «Назарет» капитан-лейтенанта А. И. Перхурова не смог вовремя выйти с эскадрой и прибыл к Анапе 1 мая. Уже по завершении операции, 3 мая, после ремонта присоединился к эскадре корабль «Правый».

Получив сведения о том, что турецкий флот отправился в Дарданеллы на встречу с эскадрой Д. Н. Сенявина, командующий Черноморским флотом И. И. де Траверсе разрешил ей 21 апреля 1807 г. выйти в море. На корабли был посажен десант из частей Ришелье, а его основные части уже были отправлены к Анапе. Командир эскадры держал флаг на 110-пушечном корабле «Ратный»¹⁰. На следующий день бриг «Диана» был отправлен в Феодосию с донесением командующему Черноморским флотом.

27 апреля эскадра подошла к Анапе и стала на якорь. Вечером в крепость были посланы парламентёры, но они не были допущены, а условия сдачи отвергнуты. Траверсе прибыл к эскадре вечером 28 апреля и наблюдал за её действиями. Пустошкин побывал на борту «Дианы», получил от него приказы, доложил о деталях операции¹¹.

Сухопутный корпус, состоявший из двух батальонов пехоты и казачьих частей, возглавил герцог де Ришелье. В корпус входили семь тысяч солдат и артиллерия.

Адмирал приказал эскадре высаживать десант, а войскам Ришелье — наступать на город. «Я видел, как уже в три часа егеря и казаки, спустившись на рысях с холма, где они расположились по приказу герцога, вступали в город». Бомбардировка началась 29 апреля.

Операция была красочно описана графом Леоном Рошеуаром, адъютантом Ришелье: «По сигналу, данному с брига, что находился под парусами вне линии баталии <имеется в виду бриг адмирала де Траверсе>, корабли осуществили прекраснейший маневр, который восхитил бы любого моряка. На всех парусах они подошли к крепости на половину дистанции пушечного выстрела и дали один за другим залп по укреплениям порта и по верхнему городу. После этого

они взяли курс в открытое море, повернули на другой галс и, вернувшись на прежнюю дистанцию, дали залп из орудий другого борта. Эта жестокая и почти непрерывная канонада, эти пять или шесть сотен ядер, обрушившихся на крепость, разнесли в клочья батареи, укрепления, дома. Сразу в десяти местах вспыхнули пожары: как из-за взрывов пороха, так и благодаря зажигательным снарядам, выпущенным эскадрой. Ни из крепости, ни из нижних батарей не последовало никакого ответа. Адмирал видел в подзорную трубу, как жители в панике покидали город, стремясь укрыться в горах. Третьего залпа не понадобилось»¹².

Прапорщик Неверовский водрузил над крепостью русский флаг. Траверсе записал: «Войска под командованием герцога Ришелье и генерала Гагеблова вошли в город, который горел со всех концов. Улицы были пусты, жители бежали. Наконец, офицеры собрались у меня на “Диане” и мы проговорили до одиннадцати вечера».

Войска ушли из Анапы, полностью разрушив город и крепость. Эскадра вышла в море 6 мая и шесть дней спустя бросила якорь на севастопольском рейде. Корабль «Исидор» вернулся из Анапы в Севастополь 13 мая и больше в море не выходил, он был разобран после 1812 г. Бриг «Диана» разбился у Сулинского гирла и исключён из списков флота 5 сентября 1808 г. Брандвахтой в Севастополе стали фрегаты «Поспешный» (с 1808), «Иоанн Златоуст» (1813–1815), «Воин» (1815–1821). Вошли в строй новые фрегаты и корабли, продолжалось их крейсирование в Чёрном море.

Взятие Анапы имело большое политическое значение. Оно продемонстрировало возросшую мощь Черноморского флота и стремление России распространить своё влияние на левобережье Кубани. Изложение штурма и разрушения турецкой крепости вместе с планом бухты, крепости и схемой действий эскадры освещалось в отечественной¹³ и зарубежной печати¹⁴. Опубликование заметки об участии Траверсе в операции в «Вестнике Европы» с пометкой от редакции «Сообщено от одной почтенной особы»¹⁵ вызвало крайнее неудовольствие маркиза, направившего письмо в редакцию:

«Мне весьма досадно, что о моём личном участии в походе эскадры стало известно; я не упоминал об этом в моих рапортах в министерство, ибо всемерно старался избежать какой-либо вокруг меня публичности». Рассказ был опубликован и во Франции в «Мессажер де Люроп»¹⁶.

П. В. Чичагов, узнав об участии Траверсе в операции из рапорта Пустошкина, писал маркизу: «Я полагаю, дорогой друг, что вы принимали участие в этой победе, и сообщил об этом императору. Я уверен, что не ошибаюсь: в любом случае вы руководили всей операцией и достойны именоваться победителем. Можно себе представить, что вы способны совершить, располагая пятнадцатью кораблями, если имея всего четыре, вы уже называли их флотом»¹⁷.

В знак особого расположения императора Траверсе был удостоен ордена Св. Владимира I ст. В Санкт-Петербурге отметили наградами отличившихся участников взятия Анапы: четыре офицера получили орден Св. Георгия IV класса. После успеха операции и награждения маркиза недоброжелатели имели основания считать, что он прибыл к Анапе, чтобы затем доложить императору о своем участии во взятии крепости и получить награду. Гораздо реальнее предположить, что присутствие Траверсе заставило участников операции в точности следовать её плану и способствовало общему успеху.

К статье в «Вестнике Европы» был приложен «Вид города и крепости Анапы и окружающих оный гор, снятый с nature» (рис. 3). Под ним стояла подпись¹⁸: «Вид атаки города и крепости Анапа, взятой под командой контр-адмирала кавалера Пустошкина 1807-го года Апреля 29-го дня с означением ниже сего кораблей и фрегатов под литерой а и в Ф. Воин, К. Варахаил, кои производят канонаду; с. К. Ратный главнокомандующего, d. Ф. Крепкий; е. К. Ягудиил; f. Ф. Поспешный; g. К. Исидор; h. Б. Диана; L. Ф. Златоуст; m. Брандер Рождество Богородицы; n. бриг Елизавета; <р. Канонерские лодки и гребные суда, везущие десант, R. Купеческие суда, q. Ручей, s. город, t. ворота города, u. мечети>»¹⁹.

От маркиза продолжали требовать активных действий против турок. Он согласился и предложил осуществить

операцию к Трапезунду, что позволило бы упрочить влияние России на юго-востоке черноморского побережья. Тщательно подготовленную операцию было поручено возглавить контр-адмиралу С. А. Пустошкину. Ему передали план Трапезунда и памятные записки о Чёрном море и об Анатолии²⁰. Эскадра состояла из тридцати трёх судов различного класса, в том числе четырёх транспортов для перевозки 2,5 тыс. человек. Вместе с эскадрой отправились чиновники и дипломаты для переговоров. Траверсе в дальнейшем сожалел, что не отправился в экспедицию к Трапезунду, так как был крайне недоволен её результатами. С самого её начала Пустошкин отклонился от указанного курса, повел эскадру на юг и быстро позволил себя обнаружить. Прибыв на рейд Трапезунда и отдав приказ стать на якорь, он начал переговоры с турками, которые не принесли положительных результатов. У русских был значительный перевес в военной силе, но в результате нерешительных действий план, одобренный в Санкт-Петербурге, провалился. Получив донесение о прибытии эскадры в Севастополь, Траверсе пришел в ярость, так как не было причин для неудачи этой несложной и отлично подготовленной операции. Из Петербурга потребовали объяснений. Ришелье, узнав о неудаче, писал Траверсе: «Я скорблю вместе с вами. Вся вина ложится на тех, кто не следовал вашим инструкциям. Никакого снисхождения к офицеру, который, как мне известно, ссылается в свое оправдание на недостаток сил. Если бы вас не было в Анапе, то вышло бы то же самое, и Пустошкин и тогда бы нашел тысячу причин для неудачи. Я пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать вам мою верную и нерушимую дружбу». С материалами, основанными на донесении Пустошкина, его послужным списком и жизнеописанием можно познакомиться в многочисленных публикациях, появившихся спустя пятьдесят лет после штурма Анапы и похода к Трапезунду.

В мемуарах С. А. Пустошкина описано, что приказы перед успешным штурмом Анапы он получал от императора и морского министра, а не от командующего Черномор-

ским флотом адмирала маркиза И. И. де Траверсе, которому непосредственно был подчинён. После неудачной операции к Трапезунду он, как бы оправдывая свои действия, дважды описывал раздел инструкции от Траверсе, по которому мог отказаться от штурма²¹.

Операция на юго-востоке Чёрного моря в случае успеха могла бы изменить к лучшему для России ситуацию в Грузии и в приморских районах Кавказа. После похода к Трапезунду на время стихли голоса, обвинявшие Траверсе и Ришелье в нерешительности при планировании операции к Константинополю. В докладе министру Траверсе не посчитал основной причиной неудачи действия командующего эскадрой, которому в конце 1807 г. был присвоен очередной чин. Правда, внимательно познакомившись с послужным списком Пустошкина²², можно согласиться, что неудачные действия при Трапезунде²³ в дальнейшем всё же сказались на его карьере.

Политическая ситуация в Европе в корне изменилась, когда сухопутные войска Наполеона 3 (15) июня 1807 г. разгромили при Фридланде русскую армию Беннигсена. В это время турецкая эскадра пыталась прорвать блокаду пролива Дарданеллы, но в сражении 19 июня 1807 г. у острова Лемнос и полуострова Афон вновь потерпела поражение. Эта победа позволила русскому флоту установить контроль над всей областью Эгейского моря до конца войны.

Первого июля М. И. Кутузов сообщил Траверсе о положении дел на европейских фронтах и заключении перемирия, а ещё через восемь дней прислал ему письмо с изложением статей Тильзитского трактата: «Дорогой адмирал, мы отпраздновали заключение мира благодарственной службой и салютом. Границы проведены по Наревке и Нареву до впадения в Буг. Поговаривают, что Бонапарт желает разделить наши земли на отдельные герцогства, но пока это только слухи... Обнимаю вас от всего сердца»²⁴.

По Тильзитскому мирному договору, подписанному императорами России и Франции 7 июля, Россия присоединилась к континентальной блокаде Англии, и создавался военный союз двух стран.

Победа российского флота в Афонском сражении вынудила султана подписать 12 (24) августа 1807 г. Слободзейское перемирие с Россией, которая должна была вывести свои войска из Молдавии и Валахии, но, не желая этого, Александр I отказался его ратифицировать. Всё же, заручившись согласием Наполеона во время Эрфуртского свидания 1808 г. на сохранение Дунайских княжеств, Александр I предъявил Порте требование уступить их России и провозгласить независимость Сербии. Так как Турция в свою очередь не согласилась, то перемирие длилось немногим более года. Порта готовилась к продолжению борьбы, и война в 1809 г. возобновилась.

В последующие годы Анапа переходила от Порты к России и обратно²⁵, и только по Адрианопольскому миру 2 сентября 1829 г. крепость и город были окончательно присоединены к России.

Примечания

¹ Жан-Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе (фр. *Jean-Baptiste Prévost de Sansac, marquis de Traversay*), на русской службе Иван Иванович де Траверсе (1754–1831), русский флотоводец, адмирал Российского флота, командующий Черноморским флотом (1802–1809), первый губернатор Николаева, морской министр России в 1811–1828. Француз по происхождению. См.: *Сычев В.* «Маркизова лужа». Легенды и правда о российском морском министре маркизе де Траверсе. СПб.: Премиум-Пресс, 2014. 292 с.; *Шатне, Мадлен дю.* Жан Батист Траверсе, министр флота российского. М.: Наука, 2003, 412 с.

² РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20. Ч. 1. Дипломатическая переписка о Турецкой войне 1808 г. и о различных вопросах, касающихся Турции.

³ Ришельё Арман-Эммануэль дю Плесси, пятый герцог де Ришельё (фр. *Armand-Emmanuel du Plessis, Duc de Richelieu*, 1766–1822), французский аристократ, на русской службе в 1804–1815, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии.

⁴ 74-пушечные корабли «Святой Пётр» (1794), «Захарий и Елисавета» (1795), «Симеон и Анна» (1797) и «Святой Михаил» (1798)

принимали участие в войне с Францией в составе эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова, в 1800 г. перешли в Севастополь; первые два корабля в 1801 г. отправились для ремонта в Николаев, где были переоборудованы в магазин в 1803 г.

«Симеон и Анна» в мае-октябре 1804 г. в составе отряда капитана 1 ранга И. О. Салтанова без артиллерии под торговым флагом доставил в Корфу войска, 5 октября 1804 г. вернулся в Севастополь и был выведен из состава флота.

«Святой Михаил» в 1805 г. отправлен из Севастополя в Корфу с войсками в качестве транспорта, без артиллерии. После ухода эскадры вице-адмирала Д. Н. Сенявина был оставлен в Корфу. В 1807 г. корпус корабля был продан за 5000 талеров.

«Святая Параскева» (1800) перешёл из Херсона в Севастополь, в 1802 г. в составе эскадры находился в практическом плавании в Чёрном море, в 1804 г. вышел из Очакова и прибыл в Корфу, в конце 1807 г. вышел из Корфу и прибыл в Триест, где находился до сентября 1809 г., был сдан французам, к 1810 г. экипаж вернулся в Россию.

«Мария Магдалина Вторая» (1799) в 1800 г. совершил переход из Херсона в Севастополь. В 1802 г. находился в практическом плавании в составе черноморской эскадры. В 1804 г. доставил на Корфу 13-й егерский полк и вернулся обратно. В 1805 г. вновь перешёл на Корфу с войсками на борту, в 1806 г. вернулся в Севастополь. В 1807–1810 гг. нёс брандвахту на Севастопольском рейде, разобран после 1810 г. в Севастополе.

⁵ Бриг «Язон» вошел в строй в 1805 г.; под командованием лейтенанта Григория Павловича Лобысевича 1-го ходил из Севастополя в Корфу и обратно, 18 марта 1807 г. вышел из Севастополя в Одессу, но на следующий день в густом тумане ударился о риф у мыса Тарханкут и разбился. Экипаж и груз были спасены. Командир не был наказан.

⁶ РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20. Ч. 1.

⁷ РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 57. Л. 13, 14. См.: Письма М. И. Кутузова к Ж.–Б. де Траверсе / Публ. В. И. Сычева, В. В. Сычевой, Т. С. Федоровой // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. М., 1995. Вып. VI. С. 76–93.

⁸ «Ратный», длина — 190 фут; ширина — 51 ф. 10 д.; глубина в интрюме — 22 фута; вооружение — 110 орудий, заложен 29 марта 1801 г. при Херсонском адмиралтействе, строитель В. И. Потопов, спущен на воду 18 ноября 1802 г., вошёл в состав Черноморского флота.

«Ягудиил», водоизмещение — 3800 т; длина — 57,3 м; ширина — 15,7 м; осадка — 6,8 м; вооружение — 110 орудий, заложен 6 декабря 1798 г. на Херсонской верфи. Строитель М. И. Суровцов, спущен 17 ноября 1800 г., вошёл в состав Черноморского флота.

⁹ Мессер Фома (Томас) Фомич (англ. *Thomas Messer*; 1765–1829), в 1783 г. принят из английской службы в мичмана, с определением в Херсон. Вице-адмирал (1826). Участник Русско-турецких войн 1787–1791, 1806–1812 и 1828–1829 гг. и кампании 1798–1801 гг. С 1792 г. командовал кораблями Черноморского флота «Иоанн Воинственник», «Панагия», «Полог», «Богородица Казанская», «Алексей», «Бонасорте», «Варахаил», «Ягудиил», «Полтава», с 1814 г. — эскадрой того же флота, с 1816 г. — директор Севастопольского порта, с 1828 г. — командир отдельной эскадры Черноморского флота.

Двое сыновей Ф. Ф. Мессера стали морскими офицерами — Мессер Пётр Фомич, вице-адмирал, с 1856 командир Севастопольского порта; Мессер Павел Фомич — капитан 1 ранга.

Дочь Мессер Елизавета Фоминична (Стройникова); её муж Семён Стройников (1780–после 1834) в 1829 г. сдал без боя корабль врагу, за что был разжалован из капитанов 2 ранга в матросы, лишён дворянства и наград. Это не помешало двум его сыновьям впоследствии стать контр-адмиралами.

¹⁰ Материалы для истории русского флота. СПб.: ч. XVII, 1904. С. 15.

¹¹ *Савваитов П. И.* Адмирал, сенатор Семен Афанасьевич Пустошкин. СПб.: тип. Я. Третья, 1853. С. 20–38.

¹² *Rochechouart L. V. L.*, de. *Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration.* Paris, 1892. С. 72–73; *Рошешуар Л.-Г.* Из воспоминаний графа Рошешуара // Русский архив. 1890. Кн. 1. Вып. 4. С. 475–476.

¹³ Подойдя к крепости Анапа с отрядом из 15 судов (4 корабля, 4 фрегата, 2 брига, 4 канонерские лодки и брандер), контр-адмирал Пустошкин, после двухдневного бомбардирования свежённым десантом овладел крепостью и разрушил её, причём взято было 98 орудий со снарядами и на рейде два небольших судна. См.: *Веселаго Ф.* Краткая история Русского Флота. Изд. 2-е. М.-Л.: Военмориздат. 1939. С. 234; *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. СПб.: тип. В. Демакова, 1895. Вып. 2. Царствование Александра I. 1895. С. 303–462; *Веселовский Н. И.* Военно-исторический очерк города Анапы. Пг., 1914. С. 20–38.

¹⁴ *Шатне М. дю.* Жан Батист Траверсе... С. 199–204.

¹⁵ «Плавание эскадры к городу Анапе, взятие оною, и обратное в Севастополь прибытие. Сообщено от одной почтенной особы» // Вестник Европы. 1807. Ч. 34. № 13. С. 34–42.

¹⁶ См.: *Шатне М. дю.* Жан Батист Траверсе... С. 203.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20.

¹⁸ Вестник Европы. 1807. Ч. 34. № 14. С. 160. Подпись содержала ошибки, которые исправлены в настоящей статье (*прим. автора*).

¹⁹ См.: *Веселовский Н. И.* Военно-исторический очерк города Анапы. Пг., 1914. 84 с. (Обозначения: К — линейный корабль, Ф — фрегат, Б — бриг; *прим. автора*).

²⁰ РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 56. Л. 48–58.

²¹ *Савваитов П. И.* Указ соч. С. 97.

²² 12 декабря 1807 г. Пустошкин был произведен в вице-адмирала, 10 декабря 1808 г. назначен директором Штурманского училища, в 1809–1811 г. состоял флотским начальником в Херсоне (Общий морской список. СПб., 1890. Ч. 4: Царствование Екатерины II. К–С. С. 629–631).

²³ Неудачной экспедицией к Трапезунду её начальник С. А. Пустошкин навёл на себя «особенное неудовольствие» начальства и, как видно по дальнейшей его службе, лишился доверия, которым до того времени пользовался. См.: *Веселаго Ф.* Краткая история Русского Флота. Изд. 2-е. М.-Л., 1939. С. 235.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 57. Л. 23.

²⁵ К 1809 г. крепость Анапа была отстроена и стала оплотом Порты на Кавказском побережье. К ней был отправлен отряд капитан-лейтенанта А. И. Перхурова (корабли «Варахаил» и «Победа», фрегаты «Лилия» и «Назарет», бомбардирское судно «Евламхий», 26-пушечный транспорт и требока с десантом в 1170 человек), 15 июня 1809 г. крепость была обстреляна, а затем занята без сопротивления. В ней был оставлен русский гарнизон, а отряд кораблей 23 июня вернулся в Севастополь. Указом от 4 июля 1811 г. Анапа причислялась к русским крепостям второго класса. По мирному договору от 16 мая 1812 г. Анапу возвратили Турции. Перед уходом русский гарнизон разрушил основные укрепления и вывез оружие. Во время войны 1827–1829 гг. крепость атаковали четыре полка черноморских казаков во главе с атаманом героем Отечественной войны 1812 года А. Д. Бескровным, которые были удостоены боевых знамён с надписью «За отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 года».

Караулова И. Б.

**Будущий член Адмиралтейств-Совета
П. А. Караулов — участник Дарданелльского
и Афонского сражений 1807 года**

Одна из войн между Российской и Османской империями — Русско-турецкая война 1806–1812 гг. Морской кампанией в ходе этой войны является Вторая Архипелагская экспедиция под командованием вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина в 1805–1807 годах. Экспедиция представляла собой поход и действия русского Балтийского флота в Средиземном море. Два важнейших морских сражения этой войны — Дарданелльское и Афонское, в результате которых русский флот разгромил турецкий.

Основная цель экспедиции — противиться установлению французского господства на Адриатическом море и на западном берегу балканского полуострова — в Бокос-ди-Каттаро, в Рагузе, в Черногории, — помогая славянам отстаивать свою независимость от французского завоевателя и усиливая, таким образом, русское влияние среди балканских народов¹.

Осенью 1805 г. из Кронштадта была отправлена эскадра под началом Д. Н. Сенявина. Успешно избежав встречи с ожидавшим эскадру в океане французским флотом, Сенявин 18 января 1806 г. прибыл в Корфу. Исходя из сложившейся обстановки, Сенявин перешёл к активным действиям. Он занял область Каттаро и Черногорию с крепостями Бокос-ди-Каттаро и Кастель-Нуово.

Для привлечения на свою сторону населения Сенявин освободил жителей занятых русскими областей от всех повинностей и организовал конвоирование судов, идущих к Триесту.

сту и Константинополю, что весьма содействовало развитию торговли этих областей.

В свою очередь бекезцы и черногорцы создали в помощь русской эскадре флотилию в числе около 30 судов, вооруженных 8–20 пушками каждое. Эти суда успешно действовали, нарушая торговые связи французов. Дальнейшие действия эскадры Сенявина, вплоть до разрыва с Турцией, носили тот же характер: действия против крепостей, борьба с торговлей противника и стычки с лёгкими силами французов².

В декабре 1806 г. Турция, подстрекаемая Наполеоном, объявила России войну.

1 января 1807 г. на усиление эскадры Сенявина в Корфу прибыла новая эскадра под командованием капитан-командора И. А. Игнатьева. Тогда же Сенявин узнал о разрыве с Турцией.

В соответствии с намеченным в Петербурге планом войны 8 января 1807 г. Сенявину была послана инструкция, в которой указывалось, что главной целью действий эскадры является взятие Константинополя.

10 февраля 1807 г. Сенявин вышел из Корфу к Дарданеллам. При соединении с английской эскадрой у о. Тенедос Сенявин узнал, что англичане только три дня как возвратились из Константинополя. Не дождавшись Сенявина, вице-адмирал Дж. Дакворт с небольшими потерями прошёл Дарданеллы, при выходе в Мраморное море уничтожил 13 турецких судов и явился в Константинополь.

Без бомбардировки города англичане вступили в переговоры, умышленно затягиваемые турками. В это время оборона столицы Турции спешно укреплялась, и через 10 дней переговоров английский адмирал был вынужден спасти свою эскадру и поторопиться возвратиться в Архипелаг. При обратном проходе Дарданелл эскадра понесла от турок значительные потери в живой силе.

Таким образом, надежды правительственных кругов России на то, что английская эскадра адмирала Дакворта поможет Сенявину, не оправдались. Отказ адмирала Дакворта от совместных действий заставил Сенявина ограничиться ис-

ключительно блокадой Дарданелл. Чтобы иметь удобную и близкую к проливу стоянку для судов эскадры, Сенявин решил занять остров Тенедос.

8 марта эскадра, подойдя к острову, высадила десант в 1550 человек при 10 орудиях и шести фальконетах, предварительно обстреляв места высадки. Десантом командовал сам Сенявин. После обстрела из корабельных орудий крепость сдалась 10 марта, а турецкий гарнизон был перевезён на анатолийский берег.

Блокаду Дарданелл осуществляли поочередно выделяемые два корабля, они стояли на якоре у пролива по 10–12 суток, одновременно ведя наблюдение за движением турецкого флота в проливе.

Блокада Дарданелл вызвала голод и недовольство населения в Константинополе. 7 мая для возвращения Тенедоса из Дарданелл вышел турецкий флот, который был несравненно сильнее эскадры Сенявина.

У самого входа в Дарданеллы 10 мая Сенявин атаковал флот Сеид-Али, и после двухчасового сражения сильно потрепанные от огня нашей артиллерии турецкие корабли принуждены были укрыться в проливе. В этом сражении во время преследования неприятеля нашим судам приходилось сражаться на самом близком расстоянии и часто на оба борта.

Русская эскадра, численно уступавшая неприятелю, прекрасно маневрировала. Русские значительно раньше, чем турки, научились использовать огонь обоих бортов кораблей. Не придерживаясь строя, корабли Сенявина прорезали линию противника и, находясь под огнём неприятельских кораблей и береговых батарей, в условиях наступившей темноты продолжали бой, в котором большую роль сыграла превосходная боевая выучка русских моряков.

Во время боя русские вывели из строя три турецких корабля. Турки потеряли до двух тысяч убитыми и ранеными, русские — 83 человека. В числе убитых при Дарданеллах был командир корабля «Сильный» капитан-командор И. А. Игнатьев.

Эта победа явно показала превосходство личного состава русской эскадры над турками. Д. Н. Сенявин проанализи-

ровал с командирами кораблей их действия, указав на допущенные ошибки.

Только через месяц турецкий флот решился снова выйти в Архипелаг. Оставив для защиты Тенедоса фрегат и три мелких судна, Сенявин 19 июня встретил неприятеля близ о. Лемнос.

Ещё перед выходом в море, учтя опыт сражения у Дарданелл, Сенявин отдал боевой приказ. Чтобы придать сражению решительный характер, Сенявин предлагал занять наветренное положение и нанести удар по флагманским кораблям противника³. Он решил применить новый тактический прием — каждого из трёх турецких флагманов должны были атаковать два русских корабля с одного борта на дистанции картечного выстрела. Таким образом, были созданы три пары кораблей, что обеспечивало атакующим превосходство в артиллерийском огне. Для атаки турецких флагманов были назначены: «Рафаил» с «Сильным»; «Селафаил» с «Уриилом» и «Мощный» с «Ярославом».

Сенявин учёл особенности противника: личный состав турецкого флота хорошо сражался только до тех пор, пока держался флагман. При этом адмирал основывался на боевой и морской выучке русских моряков и их значительном превосходстве в этом отношении над турецкими моряками.

На рассвете 19 июня русские корабли обнаружили противника. Выманив турецкую эскадру из Дарданельского пролива, Сенявин отрезал ей путь к отступлению.

Турецкий флот весьма быстро построился в линию баталии так, что их три флагмана оказались в середине линии, а фрегаты и бриги — в голове и за линией. С приближением русской эскадры турки открыли огонь, стараясь лишить наши корабли маневренности.

В составе русской эскадры находилось 10 линейных кораблей, имевших на вооружении 754 орудия. Турецкая эскадра, которой командовал Сеид-Али, насчитывала 10 линейных кораблей, пять фрегатов, три корвета и два вспомогательных судна и имела 1196 орудий. Таким образом, турецкий флот по количеству кораблей и по численности артиллерии значи-

тельно превосходил русскую эскадру. Зато русские моряки превосходили турок в искусстве маневрирования, использовании артиллерии и обладали более высокими морально-боевыми качествами.

Наши суда, не отвечая на огонь выстроившихся в боевой порядок турецких судов, приблизились к туркам, и, только подойдя на картечный выстрел, открыли жестокий огонь. Назначенные корабли заняли свои места против трёх турецких флагманов. С дистанции картечного и даже ружейного выстрела они метким огнём наносили им серьёзные повреждения в парусном вооружении и поражали личный состав турецких кораблей.

Каждый флагманский турецкий корабль был атакован двумя нашими, а сам Сенявин, имевший флаг на корабле «Твёрдый», повёл атаку на авангард и огнём своей артиллерии заставил передовой турецкий корабль лечь в дрейф, чем привёл в беспорядок всю неприятельскую линию.

Благодаря успешному действию артиллерии и искусному маневрированию наших судов, через 3,5 часа от начала боя сильно пострадавший турецкий флот направился к Афонской горе. Стихнувший ветер заставил прекратить сражение.

В результате Афонского сражения турецкая эскадра потеряла три линейных корабля, четыре фрегата и шлюп. Чрезвычайно велики были потери в личном составе. Русская эскадра не потеряла ни одного корабля, хотя серьёзные повреждения имели «Рафаил», «Твёрдый», «Мощный» и «Скорый».

В числе убитых в Афонском сражении был командир корабля «Рафаил» капитан 1 ранга Д. А. Лукин, славившийся своей необыкновенной силой.

Известие об опасном положении гарнизона крепости на о. Тенедос, атакованной сильным турецким десантом, заставило Сенявина вместо преследования разбитого турецкого флота спешить к Тенедосу. Крепость и остров были оставлены в русском владении благодаря дипломатическому таланту Сенявина. Он убедил начальника турецких войск в превосходстве наших сил. Всё обошлось без кровопролития.

Разгром турецкого флота и успехи русской армии на суше принудили турецкое правительство начать мирные переговоры, которые закончились подписанием перемирия 12 августа 1807 г.

После заключения Тильзитского мира (25 июня 1807 г.) Сенявин 23 августа получил предписание прекратить военные действия и немедленно передать Ионические, Далматинские острова и провинцию Каттаро Франции, а Тенедос — Турции и возвращаться в Россию⁴.

28 октября 1807 г. русская эскадра пришла в Лиссабон, где вскоре была заблокирована англичанами. После 10 месячного пребывания в Лиссабоне эскадра Сенявина 26 сентября 1808 г. пришла в Портсмут. Экипажи судов эскадры Сенявина в 1809 г. перевезены были в Ригу на английских транспортах.

Моряки, находившиеся с Д. Н. Сенявиным во время трудного, почти четырёхлетнего плавания в чужих краях, оценили его по достоинству.

Участником Второй Архипелагской экспедиции был будущий вице-адмирал, член Адмиралтейств-совета Пётр Алексеевич Караулов.

Пётр Алексеевич родился около 1781 года⁵. 2 марта 1794 г. он был принят в Морской кадетский корпус кадетом, с 1 мая 1795 г. — гардемарин, выпущен из корпуса 1 мая 1797 г. мичманом. Служил на Балтийском флоте. В 1804 г. 30 декабря произведён в чин лейтенанта⁶.

29 июня 1806 года Пётр Алексеевич отплыл из Кронштадта на остров Корфу вначале на 82-пушечном корабле «Рафаил» под командою капитана 1 ранга Д. А. Лукина, затем на 82-пушечном корабле «Твёрдый» под командою капитана 1 ранга Д. И. Малеева в дивизии капитан-командора И. А. Игнатьева⁷. Эскадра Игнатьева шла на усиление эскадры Сенявина, с которой и встретилась на Корфу 1 января 1807 г.

В известных сражениях экспедиции под командованием Д. Н. Сенявина Пётр Алексеевич Караулов принимал участие, служа на корабле «Мощный». 8, 9 и 10 марта 1807 г. П. А. Караулов командовал десантной батареей при взятии

острова Тенедос. 7 апреля на корабле «Мощный» участвовал в сражении у Дарданелльского пролива против двух турецких фрегатов и 13 канонерских лодок. 10 и 11 мая на этом же корабле участвовал в сражении с турецким флотом при Дарданелльском проливе. 19 июня участвовал в сражении с турецким флотом при острове Лемнос⁸.

По завершении экспедиции с эскадрой Д. Н. Сенявина П. А. Караулов перешёл на Лиссабонский рейд. С 1 декабря 1807 г. по 30 августа 1808 г. находился в Лиссабоне в должности агента при исправлении русской эскадры⁹. Далее в 1808 г. на корабле «Мощный» перешёл в Портсмут, где был командирован на корабль «Селафаил» для надзора за гардемаринами и их обучения. В 1809 г., после передачи русских кораблей англичанам, на британском транспорте перевезён из Портсмута в Ригу¹⁰.

В 1811 г. служил на канонерских лодках. В 1812 г. из Кронштадта перешёл в Ригу, защита которой была важна для прикрытия направления на Петербург. 9 августа 1812 г. при защите Риги участвовал в десанте, высаженном для изгнания неприятеля из Шлока, а затем в преследовании противника вдоль берега. 14 сентября участвовал во взятии Митавы в составе Балтийского гребного флота под командованием контр-адмирала А. В. фон Моллера. В память сражений 1812 г. награждён серебряной медалью на голубой ленте¹¹. 12 декабря 1812 г. Пётр Алексеевич произведён в капитан-лейтенанты¹².

В июле 1813 г. гребной флот под командованием капитана 1 ранга Л. П. Гейдена перешёл из Свеаборга через Ригу к Данцигу. Осадой крепости с моря руководил контр-адмирал А. С. Грейг. Русские суда действовали совместно с эскадрой английского адмирала Т. Б. Мартена. 21, 23 августа и 4 сентября на канонерских лодках Пётр Алексеевич при осаде Данцига участвовал в сражении против французских батарей, за проявленные отличия награждён орденом Св. Анны 2 ст. С 16 сентября до 15 ноября находился в должности отрядного командира в сражениях под стенами Данцига. В этот период со своими баркасами и плавучими батареями, как по-

казано в послужном списке, ежедневно имел перестрелку и частую канонаду с неприятельскими батареями. А 23 сентября, 6, 15 октября и 8, 10 ноября участвовал в сражении против французской флотилии под самыми стенами Данцига на реке Моттлау¹³. За эти сражения Пётр Алексеевич Караулов был награждён орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом.

В 1816 г. за кампании, положенные по статуту, с прибавлением двух кампаний за Владимирский бант, награждён орденом Св. Георгия 4 кл.

В 1821–1823 гг. последовательно командовал бригам «Гонец» и фрегатом «Патрикий» в Балтийском море. В 1824 г. 12 декабря произведён в чин капитана 2 ранга. В 1824 г. поступил в 8 флотский экипаж, в составе которого и находился, за исключением морских кампаний, остальное время в Петербурге при берегу¹⁴.

12 февраля 1826 г. по прошению уволен от службы с чином капитана 1 ранга с мундиром и полным пансионом.

Находясь в отставке, являлся попечителем по предохранительным мерам от холеры в Новгородской губернии в 1830–1831 гг., и это время было зачтено в действительную службу по чину капитана 2 ранга.

В 1832 г. вновь вступил на службу прежним чином капитана 2 ранга.

В 1833–1834 гг. — командир корабля «Эмгейтен», в 1835 г. местный военный начальник Кронштадтского морского госпиталя, в 1836–1839 гг. — командир корабля «Память Азова»¹⁵.

6 декабря 1839 г. высочайшим приказом произведён в контр-адмиралы и назначен командиром 3-й бригады 1-й флотской дивизии (находился в Кронштадте, Свеаборге, Санкт-Петербурге), которой командовал по 14 мая 1849 г. В 1841–1848 гг. Пётр Алексеевич держал свой флаг на корабле «Не тронь меня», затем на корабле «Эмгейтен» в составе 1-й флотской дивизии вице-адмирала А. П. Лазарева 2-го. Из кондуитного списка Караулова, подписанного Лазаревым в 1849 г., узнаём, что Пётр Алексеевич служил на море 29 кампаний, вёл себя на службе отлично, имеет хорошие способности ума, не предан пьянству или игре (это написано

рукой вице-адмирала), владеет французским языком и хорошими знаниями в науках, хорош на хозяйстве¹⁶.

В фонде 19 Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ) хранятся предложения П. А. Караулова по устройству постоянных понтонных мостов на Неве, поданные в 1844 г.¹⁷.

3 апреля 1849 г. высочайшим приказом П. А. Караулов назначен членом Морского генерал-аудиториата. 8 апреля 1851 г. контр-адмирал П. А. Караулов произведён в чин вице-адмирала с оставлением в прежней должности¹⁸. В 1854 г. назначен членом Адмиралтейств-Совета¹⁹.

Награждён орденами Св. Анны 1 ст. (1847), Св. Станислава 1 ст. (1843), Св. Владимира 3 ст. (1841), имел знак отличия беспорочной службы высшего достоинства (1854).

Во время Крымской войны с 24 апреля по 17 октября 1854 г. включительно являлся командующим блокшивным отрядом и канонерскими лодками у обороны Кронштадта на северном фарватере²⁰.

В 1854 г. Пётр Алексеевич подал «Записку о принятии мер к обеспечению отражения нападения неприятеля в ночное и туманное время в районе Лисьего Носа». В записке идёт речь о достройке и вооружении редута на Лисьем Носу²¹. В следующей записке указывается «О необходимости устранить из Кронштадта Купеческую гавань и прокопать поперёк Кронштадтской косы широкий канал». По результатам входа в Кронштадтскую военную гавань блокшивного отряда его командир Караулов составил записку о мерах защиты крюйт-камер на блокшивах от выстрелов неприятеля²².

Пётр Алексеевич скончался в Петербурге 29 ноября 1858 г. Похоронили его при Воскресенской церкви в Устюженском уезде Новгородской губернии²³.

Примечания

1 *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. 10. М.: изд. АН СССР. 1959. С. 233–360.

2 *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. М.: Вече, 2009. С. 305–323.

³ *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, 1805–1810 гг. М.: Кучково поле; Люкс-Принт, 2015. С. 401–579; 778–783.

⁴ *Чернышев А. А.* Великие сражения русского парусного флота. М.: Эксмо-Яуза, 2010. С. 243–271.

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 587. Л. 66.

⁶ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 149. Л. 398.

⁷ Там же. Д. 322. Л. 363 об.

⁸ Там же. Л. 364–364 об.

⁹ Там же. Оп. 7. Д. 295. Л. 327–331.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 162. Л. 585 об.

¹¹ Там же. Л. 581 об.–583.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 149. Л. 398.

¹³ Там же. Д. 322. Л. 365, 365 об.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 162. Л. 585 об., 586.

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 149. Л. 404 об., 405.

¹⁶ Там же. Ф. 33. Оп. 4. Д. 277. Л. 12–15; 19–21.

¹⁷ Там же. Ф. 19. Оп. 4. Д. 487. Л. 76–80.

¹⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 4. Д. 277. Л. 15, 34; РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 1350. Л. 343.

¹⁹ Общий морской список. Ч. VI. СПб., 1892. С. 102–105.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 4. Д. 277. Л. 12 об.

²¹ Там же. Ф. 224. Оп. 1. Д. 263. Л. 128–133; Д. 288. Л. 38 об., 39.

²² Там же. Д. 288. Л. 34–37 об., 40, 41 об.

²³ *Шереметевский В.* Русский провинциальный некрополь. М., 1914. С. 379.

Петренко Е. Д.

**Эпидемические заболевания в Северном
Причерноморье во второй четверти XIX в.:
Русско-турецкая война, морские границы
и взаимодействие гражданской
и военно-морской медицины**

В 1829–1830 гг. Севастополь поразила эпидемия, некоторыми источниками трактуемая, как эпидемия чумы, другими же — как эпидемия холеры. Первое упоминание о появившейся заразе относится к 11 сентября 1829 г., когда начальнику Морского штаба пришло донесение из Министерства внутренних дел о существовании заразы на прибывшем в севастопольский порт корабле «Скорый»¹. В условиях Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. город оцепили достаточно быстро во избежание занесения болезни на территорию Российской империи и для успешного продолжения военных действий, поэтому уже в 1829 г. по приказу главного командира Черноморского флота и портов Чёрного моря адмирала А. С. Грейга в Севастополе был введён карантин.

На протяжении почти года разделенный на 9 частей² и окруженный карантинном город существовал в постоянной борьбе с эпидемией, вера в существование которой отсутствовала у многих находившихся в то время в Севастополе. По спискам о количестве умерших и выживших во время эпидемии, составленным медицинским инспектором карантина Родецким и генерал-майором морской артиллерии Д. П. Примо, можно примерно восстановить смертность в городе на момент эпидемии: в самом тяжёлом случае умирало примерно 50%; в остальных же случаях число умерших

было меньше половины и иногда доходило лишь до 10% от всех сомнительных³.

Негативная аура страха и недоверия, что окутала город, постоянное откладывание карантинного срока, сокращение доступного населению продовольствия по причине введённого карантина и нарушения поставок в город — всё это привело к севастопольскому бунту 3–7 июня 1830 г.

Произошедший в городе социальный кризис показал неэффективность как гражданских, так и военных властей, и заслуживает отдельного внимания в контексте происходивших в регионе событий. Прежде всего, 1828–1829 гг. — это период Русско-турецкой войны, с которой связано увеличение миграционных потоков, количества войск в пограничных городах и рисков распространения эпидемических заболеваний. Сама же территория Северного Причерноморья находилась на стыке двух модернизирующихся империй — Российской и Османской, что также приводило к росту эпидемических рисков и говорило о перемещении больших масс людей в приграничных территориях.

1829–1830-е гг. — это начало первых холерных бунтов и холерных вспышек в городах Российской империи, однако выбранный временной отрезок ещё предшествовал открытию возбудителей холеры и чумы. Первая половина XIX в. — это период домикробиологического уровня развития медицины, который характеризовался симптоматическим определением болезней и отсутствием понимания истинной природы инфекционных заболеваний, что приводило к карантинным режимам, как единственно действенному способу борьбы с эпидемическими болезнями. При этом именно карантинный режим в большинстве своём и вызывал массовые социальные протесты. Более того, холера, в отличие от чумы, оказалась новой «азиатской» болезнью для Европы, с которой та столкнулась только в 1830-х гг., в то время как в Российской империи признаки холеры появились уже в 1820-х гг.

Всё это приводило к усилению социального напряжения в Причерноморском регионе, в котором и произошёл севастопольский кризис, однако именно он в описанном контек-

сте не был ранее более подробно рассмотрен в литературе, что и вызвало мой интерес. По этой причине на основании архивных источников из фондов РГАВМФ и РГИА предметами анализа моей статьи стали, во-первых, состояние медицинских знаний и характер участия врачебного знания в кризисных ситуациях в первой половине XIX в.; во-вторых, проблема взаимодействия военных и гражданских медиков в ходе развития кризиса, так как именно эти две действующие силы и были одними из главных участников проведения противозидемических мер в Севастополе в 1829–1830 гг.

* * *

Несмотря на то, что знания и некоторые практики со времён средних веков и более раннего периода времени претерпевали изменения в понимании болезни и методах лечения, в борьбе с эпидемиями серьёзных открытий всё ещё не было. Первая половина XIX в. характеризовалась двумя главными медицинскими теориями, рассматривающими эпидемии и заразные болезни: теорией о миазмах и теорией о контактах.

Главная идея миазматиков заключалась в том, что заразное начало передавалось не самим больным человеком, а посредством опасных миазмов в воздухе. Этим можно объяснить, почему в сочинениях медиков о лечении тех или иных заразных болезней встречается совет о постоянном проветривании помещения⁴, а во время самой «эпидемии» в том же Севастополе одной из профилактических и лечебных мер являлось окуривание помещения хлором⁵.

Контагионизм подразумевал наличие заразного яда или семени у больного человека, которое передавалось здоровому через контакт или соприкосновение. К этой идее пришли после наблюдения за распространением той или иной болезни⁶. Для идеи контагионизма опасность представляло именно перемещение заразившихся людей, что и являлось обоснованием введения карантинных мер.

Такой уровень развития медицины приводил к очень неуверенной врачебной диагностике, так как основываясь

только на симптомах, порою достаточно общих, было довольно сложно отличить одну инфекционную болезнь от другой. Как видно из источников, медицинский инспектор карантина Родецкий, контр-адмирал К. Д. Сальти и медики морского ведомства сомневались в существовании чумы, к чему приводили ряд объяснений: часть людей выздоравливала, а сомнительные знаки, порой, признавались за чумные уже посмертно или в процессе ухудшения состояния человека⁷. Вдобавок к этому, многие медики писали свои заключения по показаниям карантинного штаб-лекаря А. Валявского и некоторых других специалистов. «И так, вы врачи, свидетельствовавшие в карантине больных и умерших, суть люди неопытные, один на другого ссылающиеся, как из представленных от них актов видно!» — пишет в рассуждениях о севастопольской эпидемии контр-адмирал К. Д. Сальти⁸. Призванный опытный доктор Ланг в заключении также определял знаки как чумные, однако он тоже основывался на показаниях Валявского⁹, прочие медики же признавали себя незнающими чумы. Показательно массовое избегание ответственности.

Усугубляли эту ситуацию и проблема нехватки профессиональных кадров, и большое количество неопытных специалистов. Накануне кризиса на всё население Севастополя приходились один карантинный штаб-лекарь Валявский¹⁰ и открытая вакансия доктора¹¹, а также в городе находилась одна частная аптека¹². Это привело к тому, что на местах оказывать помощь могли именно морские медики с находившихся в порту кораблей из-за нехватки чинов в самом Севастополе. Таким примером будет служить морской медик Н. И. Закревский, которому было поручено контролировать состояние болезни в Корабельной слободке города¹³. Николай Закревский — врач, закончивший Харьковский университет в 1828 г. по «наукам по врачебной части»¹⁴ и прибывший в Николаев 10 мая 1829 г., где он был назначен лекарем на корабль «Эривань». Как видно из истории Закревского, к моменту появления кризиса в Севастополе он ещё не мог обладать большим количеством практического опыта борь-

бы с эпидемическими болезнями. Такая нехватка практических знаний была распространённым явлением среди медиков описываемого периода.

Эти два момента — симптоматическое определение болезни и нехватка опытных специалистов — привели к тому, что до сих пор до конца не ясно, какая именно болезнь поразила население города в 1829–1830 гг. На основании рапортов по случаю открывавшейся в разных местах холеры, которые были отправлены генерал-штаб докторами главному доктору Черноморского флота и портов М.И. Врачко, можно примерно отследить распространение холеры в Причерноморском регионе: Николаев — 25 сентября 1830 г.; бриг «Орфей» в Севастопольском порту — 27 сентября 1830 г.; Таганрог — 2 октября 1830 г. появление и 22 ноября 1830 г. прекращение холеры; Херсон — 12 октября 1830 г.; Николаевский морской госпиталь — 6 декабря 1830 г. появление и 4 января 1831 г. прекращение холеры¹⁵. На этом донесения об открывшейся болезни заканчиваются и более в деле упоминания о Севастополе не встречаются, однако можно заметить, что холера могла проникнуть в город в 1830 г.

Холера упоминается в записках Н.И. Закревского «Севастополь в 1830–1831 гг.». Она переходила от востока, по каспийским и черноморским побережьям Кавказа, но Таврический полуостров, казалось, был будто обойдён ей¹⁶. Нагорная часть Крыма встретила с эпидемией во второй половине декабря, но, похоже, к этому моменту болезнь была уже ослабевшей¹⁷. После описания распространения болезни и севастопольских событий Закревский подытоживает в своих мемуарах: «Две страшные болезни: чума и холера, почти последовательно одна за другою разразившиеся над Севастополем, очевиднейшим образом показали тогда, что для простого народа страшна не сама язва, но страшны — неуклюже принимаемые против язвы меры»¹⁸.

125-е дело в фонде № 34 в РГАВМФ имеет название «Холерный бунт в Севастополе...», но при этом в самом деле ни разу не встречается хоть какое-либо упоминание холеры в Севастополе, но упоминается холера в Николаеве¹⁹, тогда

как словосочетания «чумное время»²⁰ и «во время чумы»²¹ имеют отношение к описанию периода волнений в Севастополе. Как пишет американский историк А. Робатс, «только в 1830 г. около 70 000 мигрантов из Османской империи въехали в Российскую империю через карантинные станции — Одессу, Аккерман, Керчь, Феодосию, Севастополь, Овидиополь и Исмаил»²² [перевод мой — Е. Д.]. Чума в Османской империи являлась одной из причин массовой миграции населения²³, а, значит, она могла быть занесена в Севастополь вместе с этими мигрантами.

Таким образом, в домикробиологический период развития медицинских знаний единственно эффективным методом борьбы с эпидемиями являлся карантин, и война с эпидемией становилась военно-полицейским сюжетом. В разгар кризиса медики вытеснялись на периферию противоэпидемических действий, а преобладающие военно-полицейские методы были направлены именно на недопущение распространения заболевания. В случае Севастополя это видно в фактах разделения города на девять частей²⁴, на погашение чумы в которых были назначены 12 медицинских чинов, 10 окурщиков хлором и девять разных чинов, связанных с военно-полицейским обеспечением карантина²⁵. При этом в зону ответственности врачей входило только подтверждение «диагноза» и проведение профилактических распоряжений медицинских чиновников и инспекторов карантина, а сами же медики теряли инициативу в принятии решений по проведению противоэпидемических мер. Однако именно такой способ борьбы с эпидемиями — карантин — и приводил к возникновению социальных конфликтов.

Это связано с несколькими моментами. Во-первых, окружение города санитарными кордонами нарушало поставки в город продовольствия как напрямую — свободный проезд в город закрывался, а решение о предоставлении права проезда в город принималось в карантинной конторе специальными инспекторами, так и косвенно — аура существования в городе болезни окутывала город, чем отпугивала от него поставщиков продовольствия из других городов²⁶. Именно

эта ситуация и произошла в Севастополе в 1829 г., однако комиссии по продовольствию не удалось вовремя решить вопрос обеспечения жителей необходимыми продуктами во время кризиса.

Во-вторых, ограничение перемещения людей внутри города ухудшало социальные настроения в городе²⁷ на фоне страха населения перед болезнью и попаданием в карантин с непригодными условиями для выздоровления²⁸. Ухудшало ситуацию и проведение подстраховочных действий в виде отправки в карантин большого числа не только действительно больных людей, но и сомнительных или лишь подвергшихся «сообщению с чумными или сомнительными»²⁹ — Валявский отправил в карантин 200 человек, из которых чумными по итогу были только двое³⁰.

В-третьих, эскалации конфликта в городе способствовали и противоречия внутри «медицинского сообщества». Однако медики в городе не представляли собой единую действующую силу и единое сообщество, а, скорее, разбивались на два лагеря — морские медики под руководством морского начальства и гражданские медики под руководством медицинских и гражданских чиновников. Их конфликт проявлялся на протяжении всего эпидемического кризиса в Севастополе, который на более поверхностном уровне представлял собой личностный конфликт — графа М. С. Воронцова (Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора) и А. С. Грейга (военного губернатора города Севастополя)³¹.

Прежде всего это уже упомянутые истории в определении болезни, когда морские медики и морские чины отрицали существование чумы в Севастополе, в отличие от гражданских медицинских чиновников.

Следующий момент, говорящий о конфликтной ситуации в городе, — это плохая осведомленность адмирала А. С. Грейга. Алексей Самуилович жаловался на неполноту донесений и отсутствие адекватной статистики³², что не давало ему в целом оценить кризис. В июле 1830 г. Воронцов писал о болезни адмирала Грейга, в связи с чем необходимо было, по мнению графа, найти «хорошую замену» адмиралу³³. При этом ини-

циатива введения карантина в Севастополе принадлежала адмиралу Грейгу, как управляющему городом-портом. Однако ряд документов говорит о том, что многие предпринимаемые им действия являлись распоряжениями самого Воронцова³⁴, несмотря на то, что город не был непосредственно подчинён графу. Закревский в своих записках также упоминал Воронцова как инициатора проведения строгих мер. «Гражданское начальство укоряло таковое флотское, что якобы оно беспрестанно изъявляет неудовольствие на усиленные меры осторожности, для безопасности пределов империи от внесения чумной заразы и не только не содействует в распоряжениях, но как бы с намерением увеличивает затруднения... Напротив флотское начальство нисколько не преувеличивало тех действительных затруднений» — писал в одном из своих заключений по севастопольским событиям А. С. Грейг³⁵. Летом Грейгом была создана комиссия по рассмотрению жалоб населения, но довольно быстро Воронцов заменил эту комиссию своим ставленником.

Ещё одним проявлением конфликта является факт недопущения морских медиков до больных³⁶. «Вследствие сего г[осподин] контр-адмирал Сальги отношением от 27 сентября, подтверждая прежнее своё мнение о несуществовании чумы, заключил тем, что из всех обстоятельств видно: что карантинная контора, или лучше сказать член ея штаб-лекарь Валявский, усиливается обыкновенные болезни показывать чумными, а прочие медики по неопытности своей страшатся решительно оспаривать, исключая г. Родецкого и других морского ведомства медиков, явственно доказывающих противное тому, причём упомянуто: что инспектором морского госпиталя Родецким замечено несоответственное пользование лекарем Валявским больных, поступающих в карантин, что морские медики не допускаются к пользованию в карантине больных и что сии больные помещаются в сырых и смрадных пещерах, почему дабы прекратить различные суждения, совершенно открыть род болезни и положить конец продолжающемуся сомнению, требовал прислать из Николаева доктора и медицинских чиновников»³⁷.

Морское руководство периодически пыталось повлиять на карантинные меры или получить доступ к больным в карантине, однако именно такое поведение могло рассматриваться гражданскими чинами как вмешательство, в котором они и обвиняют флотское руководство. «Г. Сальти (исполняющий должность флотского в Севастополе начальника — *Е. Д.*) тот же час отозвался к г. Херхеулидзе (начальнику карантинной линии — *Е. Д.*), что город находится в благополучном состоянии, что при порте нет судов, пришедших от флота или из заграничных мест (подчеркивание моё — *Е. Д.*), что по столь внезапному прекращению всех сообщений могут быть бедственные следствия как для жителей, так и для порта, но не взирая на сие, 27 числа июня по утру рано город Севастополь находился уже в карантинном положении без всякого извещения, как предположено было со стороны морского ведомства и без видимой причины»³⁸.

* * *

Как видно из проведенного анализа, эпидемический кризис в Севастополе показал неэффективность гражданских и военных властей в проведении противоэпидемических мер и появление конфликта даже не столько между населением и администрацией города, сколько между самими действующими силами в войне с эпидемией. Эта ситуация также продемонстрировала отсутствие единства в медицинском сообществе в первой четверти XIX в., которое проявилось в противостоянии гражданских и морских медиков. Таким образом, в городе существовали, скорее, флотское и гражданско-административное сообщества. Сама же борьба с эпидемией в контексте уровня развития медицинских знаний первой половины XIX в. становилась военно-полицейским сюжетом, где главным методом борьбы с болезнью являлся карантин, как возможность препятствовать свободному дальнейшему распространению болезни. При проведении таких противоэпидемических мер врачи и медики становились лишь исполнителями распоряжений карантинной администрации, таким образом, как бы вытесняясь на перифе-

рию активных противоэпидемических действий. Особенно это заметно в ситуации с морскими медиками, которые с самого начала имели несколько другой статус в борьбе с болезнью по сравнению с приглашенными гражданскими медицинскими чиновниками. Весь этот анализ был проведён преимущественно благодаря большому количеству документов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота.

Примечания

¹ РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

² *Закревский Н.* На берегу Севастополя. 1830 (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1861. №4. С. 299.

³ РГАВМФ. Ф. 8. Оп. 1 Д. 17. Л. 48.

⁴ Объявление Министерства внутренних дел о признаках холеры, способах предохранения от нее и ее врачевании. СПб., 1830. 15 с.

⁵ *Закревский Н.* Корабль «Эривань». 1829 (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1861. № 3. С. 62–94.

⁶ *Брико Н. И.* Парадигма современной эпидемиологии // Меди- аль. 2014. № 3 (13). С. 10.

⁷ РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 117.

⁸ Там же. Л. 85 об.

⁹ Там же.

¹⁰ О карьере А. Валявского см.: *Богданов А. Б.* Забытый в Польше и России: шляхтич Августин Валявский — усмиритель чумы в Севастополе // Вестник морского врача. Вып. 5. Севастополь, 2008. С. 64–66. — *Прим. ред.*

¹¹ Российский медицинский список, изданный по высочайшему его императорского величества повелению на 1828 г. СПб., 1828. С. 83.

¹² Там же. С. 107.

¹³ *Закревский Н.* Корабль «Эривань»... С. 62–94.

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–25, 58, 118.

¹⁶ *Закревский Н.* Севастополь в 1830–1831 гг. (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1861. № 9. С. 32–33.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 125. Л. 33 об.

²⁰ Там же. Л. 28 об.

²¹ Там же. Л. 33 об.

²² *Robarts A.* A plague on both houses?: Population movements and the spread of disease across the Ottoman-Russian Black sea frontier, 1768 — 1830s. Doctoral dissertation of Philosophy in History. Washington, 2010. P. 292.

²³ *Robarts. A.* Migration and disease in the Black Sea Region: Ottoman-Russian relations in the late eighteenth and early nineteenth centuries. London: Bloomsbury Academic, 2018. P. 41, 111.

²⁴ *Закревский Н.* На берегу Севастополя. 1830 (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1861. № 4. С. 299.

²⁵ Там же.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 144 об.

²⁷ Там же. Д. 21. Л. 9.

²⁸ Там же. Л. 8 об.

²⁹ *Закревский Н.* На берегу в Севастополе. 1830 (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1861. № 4. С. 290.

³⁰ РГИА. Ф. 1294. Оп. 5. Д. 6. Л. 15.

³¹ *Фесенко А.* Чумной бунт в Севастополе. (<http://dspace.nbuu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/52112/15-Fesenko.pdf?sequence=1>) (дата обращения: 01.06.2019).

³² РГАВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.

³³ Там же. Д. 16.

³⁴ Там же. Д. 16. Л. 135.

³⁵ Там же. Л. 172 об.

³⁶ Там же. Л. 173.

³⁷ Там же. Л. 149.

³⁸ Там же. Л. 145 об.

Крылова Э. А.

Влияние опыта учебных плаваний практических эскадр Г. И. Бутакова на действия русских морских офицеров в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

После завершения Крымской войны (1853–1856) морское ведомство поставило перед собой важную задачу — воспитание профессионально-подготовленных офицеров военно-морского флота. В одном из отчётов по Морскому министерству великий князь Константин Николаевич, видный русский государственный деятель, генерал-адмирал, с 1855 г. адмирал, управляющий флотом и морским ведомством, писал о значимости вопросов образования и воспитания морских офицеров следующее: «Самое сильное средство, которое морское начальство имеет, чтобы действовать в пользу флота, состоит в воспитании нескольких поколений будущих морских офицеров, строителей кораблей и механиков. Все улучшения и усовершенствования, которые вводятся в нынешнем флоте и морском управлении, маловажны сравнительно с тою пользою, которое может принести хорошее воспитание будущих моряков... Посему устройство морского воспитания должно быть главною и самую существовавшую обязанностью морского начальства...»¹.

Реформирование системы военно-морского образования затрагивало учебные учреждения морского ведомства, большое внимание было также уделено совершенствованию практических плаваний офицеров. Существенный вклад в развитие системы учебных практических плаваний внёс талантливый военный педагог, герой Крымской войны, основоположник тактики парового броненосного флота — Григорий

Иванович Бутаков. Действия русского флота в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. во многом были успешны благодаря научно-практической базе, опыту, которые получили офицеры флота во время практических плаваний броненосной эскадры Балтийского флота под командованием Г. И. Бутакова (1867–1877 гг.).

Цель данного исследования — изучить влияние опыта учебных плаваний практической эскадры Г. И. Бутакова на действия русских морских офицеров в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Дать характеристику деятельности броненосной практической эскадры Балтийского флота под командованием Г. И. Бутакова в 1867–1877 гг.

2. Выявить влияние опыта практической эскадры Г. И. Бутакова на действия русских морских офицеров в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В научной литературе исследуемая тема рассматривается в контексте изучения истории флота, указанной военной кампании и изучения жизни и деятельности Г. И. Бутакова. Существует несколько биографических очерков, написанных дореволюционными² и советскими³ историками, в которых дается характеристика работы Григория Ивановича в рамках практической эскадры. Действия эскадры в них рассматриваются с позиции практической реализации работы Г. И. Бутакова «Новые основания паровой тактики». Действию флота в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. также уделялось небольшое внимание. Среди работ общего характера по этой теме следует выделить исследования В. А. Золотарева⁴, И. И. Ростунова⁵, Л. Г. Бескровного⁶, В. Ю. Грибовского⁷. Отдельные труды этой проблематике посвящали военные дореволюционные историки Е. И. Аренс⁸, В. Г. Чубинский⁹, Ф. С. Филисов¹⁰. Сегодня акцент в исторической науке в изучении Русско-турецкой войны перенесён на вопросы технической оснащённости российского и турецкого флотов¹¹.

Историографический обзор исследуемой темы показал недостаточность изучения её в отечественной исторической

науке. Научная новизна исследования определяется отсутствием работ, в которых Русско-турецкая война рассматривалась с позиции изучения влияния опыта плаваний первой броненосной эскадры.

Русский флот в обозначенной военной кампании 1877–1878 гг. принимал ограниченное участие. Но, тем не менее, опыт Русско-турецкой войны был значимым для Российской империи. Он показал необходимость усиления отечественного флота и усовершенствования его технического оснащения.

На момент начала войны численно русский флот превосходил турецкий (29 броненосцев у России и 22 — у Османской империи¹²), но флот Турции был сосредоточен в районе основных военных действий, тогда как у русского флота корабли находились на других театрах. Основные действия российского флота в войне с Османской империей проходили на реке Дунай (задачи: защита переправы русской армии, ограничение деятельности неприятельской флотилии) и Чёрном море (задачи: оборона своих берегов и в том числе ключевых портов — Очаков, Одесса, Севастополь, Керчь; содействие сухопутным войскам, действия на неприятельских коммуникациях). Основной силой русского Черноморского флота в годы Русско-турецкой войны были мобилизованные пароходы и паровые катера. Несмотря на то, что русский флот численно уступал флоту противника, это не смогло дать Османской империи заметного преимущества в столкновениях на море.

Существенную роль в этом сыграл опыт, полученный русскими моряками в ходе практических плаваний под командованием адмирала Григория Ивановича Бутакова. Через эскадру Григория Ивановича прошло $\frac{3}{4}$ всего личного состава строевых офицеров, участвовавших впоследствии в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.¹³

В 1867 г. Григорий Иванович Бутаков был назначен начальником Практической эскадры Балтийского флота. На момент своего назначения вице-адмирал уже имел подобный опыт командования: с 1860 по 1863 гг. он руководил практической эскадрой винтовых судов Балтийского флота.

Умелый и опытный командир, «беспокойный адмирал», как его называли во флоте, Григорий Иванович был воспитан в лучших морских традициях под руководством таких выдающихся флотоводцев, как М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, В. И. Истомина. В плаваниях практической эскадры он выступал за устранение парадности и формализма. Так, в одном из «Обзоров плаваний и действий практической эскадры винтовых лодок...» он напишет: «...Мне случалась в настоящую кампанию надобность, сказать несколько слов командиру лодки, мимо которой я прохожу, а изготовление его вице-мундира заставляло меня дожидаться...приходилось говорить командиру: “Мне были нужны Вы, а не ваш виц-мундир”»¹⁴. Григорий Иванович старался сделать летние практические учения интереснее, вводя элемент состязательности и соревнований между командами судов, но в тоже время не забывал основные задачи, поставленные перед плаваниями практической эскадры — совершенствование подготовки русских моряков в управлении, артиллерийской стрельбе, маневрировании на новых броненосных кораблях Балтийского флота. Морские офицеры и нижние чины так вспоминали о плаваниях в составе эскадры: «Она была школою, не рутинным проделыванием программы парусных, артиллерийских, десантных и т.п. учений. В этой школе всё было ново, самобытно, современно и целесообразно, начиная с самих программ. Броненосная эскадра была, так сказать, умственной лабораторией нашего флота и служила ему как бы обширным фильтром, в котором процеживалась всякая морская новинка»¹⁵.

Плавания броненосной эскадры под командованием Григория Ивановича продолжались три месяца (с июня по конец августа) с 1867 по 1877 гг. Число судов в эскадре доходило от 14 до 40. Местом летнего пребывания и практических рейдовых упражнений эскадры Г. И. Бутаковым был выбран Транзундский рейд, вследствие его близости к Кронштадту и удобной для проводимых учений акватории¹⁶. В ходе плаваний практической эскадры отрабатывались такие упражнения, как артиллерийская стрельба по различного рода ми-

шениям, маневрирование судов (по отдельности и вместе), установка гальванических, гальваноударных и использование шестовых (буксирных) мин.

Особое внимание в ежегодных плаваниях практической эскадры уделялось отработке маневрирования судов. Григорий Иванович понимал важность и необходимость знания командиров, офицеров и матросов возможности хода своего судна. В программе ежедневных занятий на эскадре упражнения в маневрировании проводились постоянно¹⁷. В заключении комиссии под председательством генерал-адъютанта графа Е. В. Путятина по отчётам о деятельности броненосной эскадры за 1867–1868 гг. отмечалось значение этого упражнения: «Плаванья эти производились главным образом чтобы доставить случай командам как лично ознакомиться с управлением и особенностями своих судов, принадлежащих к совершенно новым типам, так и познакомиться с ними офицеров и команды, из коих бывшая часть ещё в первый раз служила на броненосных судах»¹⁸.

Особое внимание в ходе практических плаваний эскадры уделялось и изучению нового оружия — мин, разработке тактики и совершенствованию приёмов минирования. Начиная с практических плаваний 1868 г. на специально оборудованной лодке «Картечь» проводились исследования способов подведения гальванических мин под днища судов, стоящих на якоре, и движущихся судов. Опыты 1869 г. показали, что мины могут служить не только оборонительным, заградительным оружием, но и активным, наступательным. Минные классы и минные школы для моряков откроются лишь в 1874 г., спустя 5 лет после начала исследований оружия в плаваниях практической эскадры Г. И. Бутакова. Между тем мины будут активно применяться в ходе боевых действий в годы Русско-турецкой войны.

Примером минной атаки и успешного маневрирования судов являются действия четырёх минных катеров («Царевич», «Царевна», «Ксения», «Джигит») под общим командованием лейтенанта Ф. В. Дубасова в Мачинском рукаве Ду-

ная. В результате атаки этих катеров был потоплен турецкий монитор (броненосная канонерская лодка) «Seufi».

Атаковать турецкий монитор планировалось парами. Под покровом темноты «Царевич» (под руководством Дубасова) приблизился к «Seufi» на несколько десятков метров. После обнаружения противником, не сбавляя ход, минный катер подошёл к монитору почти вплотную и направил мину в подводную часть кормы с левого борта. В результате взрыва «Seufi» осел кормой, но не затонул. Второй удар по приказу Ф. В. Дубасова выполнил шестовой миной катер «Ксения»¹⁹. В результате двух атак монитор был потоплен.

Ф. В. Дубасов отмечал слаженность действий команд минных катеров: «как офицеры, так и команда выказывали так много спокойствия, самообладания и поистине героического мужества в исполнении порученного каждому из них дела, что каждый отдельный манёвр исполнялся так же отчётливо, как на учении»²⁰. Каждый знал своё дело и свои задачи, выполнял их грамотно и умело. Так, к примеру, после взрыва в ходе первой атаки «Царевич» был залит водой, другой катер готовился принять к себе его команду, но благодаря действиям румынского волонтёра майора Муржеску и машиниста катера удалось быстро запустить паровой эжектор для откачки воды²¹. Показателен пример командования лейтенанта А. П. Шестакова. После второй атаки на монитор катер «Ксения» потерял ход, и нужно было одновременно освободить винт от намотавшихся снастей и отбиваться от подходившей вражеской шлюпки. А. П. Шестаков умело руководил небольшой командой катера: в ходе перестрелки удалось заставить турок отступить, и в результате восстановить ход и отойти от тонущего монитора.

Все действия во время атаки были заранее спланированными и слаженными, русскими моряками предусматривалось несколько вариантов развития событий. В результате этой атаки катера вышли с минимальными потерями, несмотря на то, что соотношение сил было в пользу турок (в Мачинском рукаве находилось одновременно три турецких

корабля — броненосцы «Seyfi», «Feth-ül Islam» и вооружённый пароход «Kilic Ali»).

Примеры подобных действий русских моряков можно увидеть и на Чёрном море. Так, потопление вооружённого парохода (канонерской лодки) «Intibach» продемонстрировало успешное применение нового оружия — торпедных мин, показало настойчивость, мужество и профессионализм русских моряков. Синхронная минная атака, произведённая с катеров «Чесма» и «Синоп», способствовала немедленному потоплению парохода «Intibach». Залогом успеха действий явилось хорошее знание минного оружия и умелое его применение, а также храбрость моряков российского императорского флота.

В ходе практических плаваний Григорий Иванович Бутаков уделял большое внимание артиллерийским стрельбам. Он стремился максимально приблизить условия боевой подготовки в мирное время к боевым: «Употребим все старания, чтобы пальба наша подходила возможно более к тем условиям, которые предстоят в действительном бою»²². С этой целью Григорий Иванович вводит в эскадре артиллерийскую стрельбу по буксируемым щитам (стрельба в движущуюся цель). По программе артиллерийских занятий 1867, 1868 гг. два монитора по очереди брали специально устроенные плавающие щиты на буксир и стреляли, описывая различные эволюции, сближаясь и удаляясь друг от друга²³. Г. И. Бутаков считал, что именно такое упражнение — стрельба по движущейся цели с неопределённого заранее расстояния — помогает лучше подготовиться к будущим боевым действиям: «что касается стрельбы в буксируемые щиты — то пробы наши указали, как их нужно строить в будущее время, и хотя в них попадали немного, но мне гораздо приятнее видеть на них маленькую царапину, чем ядро в яблоке неподвижного щита; одно — дело, другое — игрушка, игра в пушечки, которая уже не по нашему возрасту»²⁴.

В качестве примера успешной артиллерийской атаки русского флота служат действия отряда капитан-лейтенанта И. М. Дикова против турецкой эскадры у Сулина в сентябре

1877 г., в результате которых были повреждены два броненосных корвета «Hivzi-Rahman» и «Mukadem-Khair» и потоплена канонерская лодка «Sünna». В Сулине, помимо перечисленных турецких судов, находились броненосные корветы «Nagimi-Şevket», «Muni-Zafer» и пароход «Kartal»²⁵. Также стоянка кораблей была защищена бонами с цепями, минами и фугасами. Капитан-лейтенант И. М. Диков планировал провести атаку минных катеров под прикрытием артиллерийского огня кораблей своего отряда. Отряд И. М. Дикова состоял из вооружённых шхун «Ворон», «Лебедь», «Утка», колёсных пароходов «Сестрица» и «Опыт», двух плавучих мортирных батарей и семи минных катеров²⁶. Благодаря умелому сочетанию минной и артиллерийской атак, в результате действий отряда И. М. Дикова были повреждены броненосцы «Mukadem-Khair» и «Hivzi-Rahman». Последний получил снаряд в машинное отделение и вышел из строя²⁷.

Григорий Иванович Бутаков воспитывал в моряках смелость, отвагу, ценил такие качества, как находчивость, решительность, самоотдача, трудолюбие, требовал высокого уровня подготовки и постоянного совершенствования: «Каждый морской офицер должен быть лучшим матросом, лучшим боцманом своего судна, чтобы иметь нравственное право требовать от подчиненных своим примером всего то, что им приходилось исполнять»²⁸. Свои наставления Григорий Иванович подкреплял собственным примером. Широко известны упражнения «плавания под ядрами», практикуемые на эскадре. Г. И. Бутаков, считал, что нужно «чтобы команды наши заблаговременно приучились слышать свист ядер»²⁹. Эта практика, по его мнению, должна была обучить моряков «рисковать, чтобы в военное время уметь рисковать, т.е. получить уверенность и крепость нервов»³⁰. Сам Григорий Иванович неоднократно посещал щиты под огнём с учебных судов, показывая своим примером, как нужно действовать старшим офицерам³¹.

Во время Русско-турецкой войны офицеры русского флота неоднократно демонстрировали смелость и решительность действий под огнём противника. Так, великий князь

Николай Николаевич, главнокомандующий русской армией в указанную военную кампанию, неоднократно в своих письмах подчёркивал невероятную храбрость русских моряков. В его телеграмме от 13 июня 1877 г. брату великому князю Константину Николаевичу можно найти следующие слова: «Новиков, молодец из молодцов, устроил в двух местах линию заграждения, работая по шести и восьми часов под неприятельским огнём»³².

Таким образом, опыт практических плаваний эскадры Балтийского флота под командованием Г. И. Бутакова оказал значительное влияние на действия русских моряков в годы Русско-турецкой войны. Практическая эскадра под руководством талантливого, «беспокойного» адмирала, военного педагога и тактика стала настоящей кузницей кадров русско-го броненосного флота. Григорий Иванович, как признавала и комиссия под председательством генерал-адъютанта графа Е. В. Путятина, «понял назначение и роль вверенных ему судов, и с расчётом и умением воспользовался всеми находящимися в его руках средствами и каждой минутой времени для приведения как судов броненосной эскадры, так и команд на них к возможному совершенству»³³. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась серьёзной проверкой усвоенного опыта и знаний, которую русские моряки преодолели весьма успешно.

Примечания

¹ Отчёт по Морскому ведомству за 1856, 1857 и 1858 гг. СПб., 1860. С. 18.

² *Березин Е. В., Де-Ливрон А. К.* Адмирал Григорий Иванович Бутаков. СПб., 1883. 99 с. (Второе изд., испр.: СПб., 1884. 93 с.); *Житков К. Г.* Светлой памяти Григорий Ивановича Бутакова, адмирала русского флота. СПб., 1912. 95 с.; Старый механик. Из воспоминаний о Г. И. Бутакове (К 31-й годовщине со дня смерти) // Кронштадтский вестник. 1913. № 120.

³ *Лурье А. Я., Маринин А.* Адмирал Г. И. Бутаков (1820–1882). М.: Воениздат, 1954. 170 с.

⁴ *Золотарев В. А.* Россия и Турция. Война 1877–1878 гг. М.: Наука, 1983. 230 с.

⁵ Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. 263 с.

⁶ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1972. 620 с.

⁷ *Грибовский В. Ю.* Российский флот на Чёрном море. Страницы истории 1696–1924. СПб., 2012. С. 106–140.

⁸ *Аренс Е. И.* Роль флота в войну 1877–1878 гг. СПб., 1903. 320 с.

⁹ *Чубинский В.* Об участии моряков в войне с Турцией (1877–1878 гг.). СПб., 1889. 182 с.

¹⁰ *Филисов Ф.* Изучение минных атак, произведённых в войну 1877–1878 годов // Морской сборник. 1880. № 4. 2-я паг. С. 1–27; № 5. 2-я паг. С. 1–30.

¹¹ *Смолин А. А., Яровой В. В.* Минные катера Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Морская коллекция. М., 2017. № 8 (215). 32 с.; Морская кампания. М., 2011. 68 с.

¹² *Аренс Е. И.* Указ. соч. С. 111–112.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Обзор плаваний и действий практической эскадры винтовых лодок Балтийского флота под командованием Г. И. Бутакова в 1860, 1861, 1867, 1868 гг. // РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 33 об.

¹⁵ *Житков К. Г.* Указ. соч. С. 12.

¹⁶ *Лурье А. Я., Маринин А.* Указ. соч. С. 115.

¹⁷ Исторический журнал эскадры броненосных судов под начальством генерал-адъютанта Бутакова: 1869. СПб., 1870. С. 4.

¹⁸ О заключениях комиссии под председательством генерал-адъютанта графа Путятина по отчетам о деятельности броненосной эскадры 1867–1868 гг. // РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 69 об.

¹⁹ *Смолин А. А., Яровой В. В.* Указ. соч. С. 9.

²⁰ Морской сборник. 1877. № 7. С. 26.

²¹ *Смолин А. А., Яровой В. В.* Указ. соч. С. 8.

²² Сборник приказов и инструкций адмиралов. СПб., 1898. С. 142.

²³ О заключениях комиссии под председательством генерал-адъютанта графа Путятина по отчетам о деятельности броненосной эскадры 1867–1868 гг. // РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 73 об. — 74.

²⁴ Сборник приказов и инструкций адмиралов. СПб., 1898. С. 144

²⁵ *Аренс Е. И.* Указ. соч. С. 60–66.

²⁶ Грибовский В. Ю. Указ. соч. С. 123.

²⁷ Там же. С. 124.

²⁸ Сборник приказов и инструкций адмиралов. СПб., 1898. С. 132.

²⁹ Там же. С. 122.

³⁰ Морской сборник. 1862. № 7. С. 5.

³¹ Лурье А. Я., Маринин А. Указ. соч. С. 117.

³² Морской сборник. 1877. № 7. С. 9.

³³ О заключениях комиссии под председательством генерал-адъютанта графа Путятина по отчетам о деятельности броненосной эскадры 1867–1868 гг. // РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 65 об.

Болтрукевич В. А.

**Предложения представителей военно-морского
профессионального сообщества России
по использованию крейсеров в 1880-е годы**

Эпоха 1880-х годов была сложным периодом в истории военно-морского дела, совпавшим с очередным витком гонки морских вооружений. Одновременно шло накопление опыта эксплуатации и боевого использования кораблей новой формации — паровых броненосных — во флотах морских держав. Сложившаяся ситуация вынуждала российское военно-морское профессиональное сообщество производить корректировку своих взглядов на перспективы развития военно-морского строительства.

Этот процесс не мог не сказаться на всех отраслях военно-морского планирования Российской империи, в том числе и на теории «крейсерской войны», являвшейся во второй половине XIX в. одним из магистральных направлений военно-морской мысли. В фондах РГАВМФ сохранился ряд документов, так или иначе связанных с разработкой этой концепции. Наиболее интересными из них являются записки отдельных представителей военно-морских кругов России, содержащие в себе проекты организации действий кораблей крейсерского класса против потенциального противника, каковым долгое время считалась Великобритания. Вследствие ограниченности объема статьи мы остановимся только на трёх подобных источниках.

Первой рассмотрим докладную записку управляющего Морским министерством контр-адмирала А. А. Пещурова от 26 апреля 1881 г. Этот программный документ содержит

в себе в аккумулярованном виде различные идеи о перспективах дальнейшей эволюции военно-морского флота, высказывавшиеся различными представителями российского военно-морского профессионального сообщества на протяжении предшествовавшего времени. Относительно интересующей нас проблемы этот источник содержит в себе следующие соображения. По мнению А. А. Пещурова, сложно определить точное число крейсеров, необходимых для ведения боевых действий на коммуникациях противника. При этих расчётах нужно соблюдать определенный баланс: с одной стороны, чем больше крейсеров будет задействовано, тем «большее расстройство они могут нанести неприятельской торговле», но с другой — «содержание в Океане большого числа крейсеров, при отсутствии у нас обеспеченных убежищ или пунктов для пополнения запасов и необходимых исправлений, представит огромные затруднения»¹. Однако А. А. Пещуров всё же попытался сделать предварительный расчет количества кораблей, которые могут потребоваться для действий на коммуникациях потенциального противника. С его точки зрения, в Мировом океане существует примерно двенадцать мест, где крейсерская деятельность обещает наибольший успех. На каждый из этих районов надо выделить по два-три крейсера. В итоге получается примерно 24–36 крейсеров. Это число равняется количеству винтовых корветов и клиперов Балтийского флота и Сибирской флотилии, хотя большинство из них «уже не пригодны к океанским плаваниям, по своим качествам и ветхости»².

Следующий источник — это рапорт вице-адмирала Н. М. Чихачёва. Он представляет собой отзыв на поднятые в докладной записке А. А. Пещурова насущные вопросы развития русского флота. Одной из основных тем, на которые обращает своё внимание Н. М. Чихачёв, являются проблемы, связанные с организацией «крейсерской войны». Прежде всего, им проводится подробное рассмотрение боевых и эксплуатационных качеств существовавших на тот момент кораблей крейсерского класса русского флота и делается неутешительный вывод о несоответствии их (за единичным

исключением) предъявляемым к ним требованиям. Мы можем констатировать, что крейсера 2 ранга (винтовые корветы и клипера) им оцениваются как безусловно устаревшие. Такая оценка вызвана, прежде всего, неудачными тактико-техническими характеристиками этих кораблей. Так, например, он пишет, что клиперы, имея небольшое водоизмещение, слабую артиллерию и малую скорость, «представляют собой мельчайший тип крейсеров, по сравнению с крейсерами других держав». Более того, из-за небольших размеров они не могут брать достаточное количество боеприпасов, угля и продовольствия, а также имеют плохую обитаемость и невысокую боевую устойчивость. Н. М. Чихачёв подытоживает: «Наши клипера не смогут выдержать одиночного боя ни с одним из иностранных крейсеров, с уверенностью на успех, так как они оказываются в два-три раза и даже в пять раз слабее иностранных военных крейсеров». В результате, в случае начала войны, им придётся довольствоваться захватом малоценных парусных судов³.

Одним из сильнейших типов крейсеров русского флота в то время были полуброненосные фрегаты. Н. М. Чихачёв отдавал им должное, указывая, что они в случае войны могут быть «весьма полезны и по степени своей неуязвимости превосходят 144 неброненосцев крейсеров Англии, а потому будут иметь над ними в одиночном бою громадные преимущества⁴. Однако при всех своих положительных качествах, они имеют и крупные недостатки. В их числе: слабое артиллерийское вооружение, малая автономность, и, вследствие этого, невозможность брать достаточный запас угля, а также слишком большой экипаж, делающий «затруднительным снабжение продовольствием», который «будет ставить эти суда во время войны в зависимость от случайности находить топливо и сухари⁵.

Единственным русским крейсером, который не вызывал нареканий у Н. М. Чихачёва, являлся «Ярославль» (с апреля 1882 г. переименован в «Память Меркурия») ⁶.

Учитывая то, что почти вся русская крейсерская эскадра, по мнению Н. М. Чихачёва, являлась небоеспособной, нам

кажется естественным выдвижение им своего типа идеального крейсера. Исходным тезисом для Н. М. Чихачёва являлось утверждение, что для успешного ведения «крейсерской войны» важнее не количество, а качество крейсеров. Исходя из этого, он определял следующие критерии, которым должен был соответствовать предполагаемый «истребитель торговли». Так, он должен иметь броневую защиту, а «размерами, скоростью хода и силой своей артиллерии превосходить большую часть военных крейсеров других держав и, во всяком случае, превосходить размерами или скоростью коммерческие пароходы», чтобы воюющее с Россией государство «не могло найти в своём коммерческом флоте неисчислимый источник для их вооружения и для противодействия крейсерской войне...»⁷. По мысли Н. М. Чихачёва, большие размеры для крейсера являлись необходимыми, чтобы быть способным «держаться в море продолжительное время, не нуждаясь в пополнении запасов»⁸. Другими словами, боеприпасов, провизии и т.п. припасов, должно быть на год плавания, а топлива — минимум на 10 тысяч миль. Кроме того, большие размеры могли позволить ему быть достаточно вместительным, «для убежища многочисленных экипажей с взятых призов, чтобы не заходить в порта и тем не указывать врагам своих следов»⁹. Исходя из этих критериев, в качестве прототипа для предполагаемого крейсера Н. М. Чихачёвым были избраны итальянские броненосцы «Италия» и «Лепанто», бывшие на тот момент одними из самых совершенных кораблей в своём классе¹⁰.

Интересно отметить, что помимо проекта этого нового, совершенно небывалого по своей концепции в истории российского императорского флота, крейсера, в отзыве Н. М. Чихачёва, содержится ещё и особая концепция использования кораблей крейсерского класса. Он считал, что для успешности боевых действий русские «рейдеры» должны искать свою добычу вблизи портов, действуя не в одиночку, а целыми эскадрами. Только так можно «принести действительный вред неприятелю, могущий повлиять на войну»¹¹. Помимо всего прочего, согласно его расчётам, в мировом океане су-

шествует всего шесть мест, где «может быть принесён крейсерами чувствительный ущерб неприятельской морской торговле»: три из них в Атлантике, и по одному в Индийском океане, Австралии и Китайском море. Для каждого района он предполагал выделить по три крейсера¹².

Своё логическое развитие теория «крейсерской войны» находит во взглядах капитана 2 ранга А. М. Доможирова, изложенных им в особой записке, датированной 26 февраля 1888 г. Разберём его концепцию применения крейсеров.

Прежде всего, А. М. Доможиров констатировал справедливость существовавшего в широких морских кругах России мнения о том, что только океанская война с Великобританией может подорвать государственную стойкость последней и нанести урон её процветанию¹³. «Как бы ни были успешны действия по направлению к Индии, — писал А. М. Доможиров, — но они, при нетронутой ещё Ахиллесовой пяте, то есть морской торговле метрополии и её владений, не могут иметь особого значения на исход войны...»¹⁴. Причину этого он видел в том, что благоденствие Англии «вполне зависит от правильного отправления деятельности всех промышленных учреждений страны, иначе сказать, от совершенно свободного притока сырого материала в страну, а с другой — от правильного подвоза продовольственных запасов»¹⁵. Например, он приводит цифры, свидетельствующие, что три четверти всего продовольствия Англии привозится извне: из её колоний и других стран¹⁶.

На страницах своей записки А. М. Доможиров проводит тщательный расчёт сил, которые Англия может выставить для охраны своей морской торговли, и приходит к выводу, что она имеет достаточное количество военных кораблей и вооружённых коммерческих судов для сбережения торговли, которые «полностью отвечают поставленным требованиям для охраны *при неготовности России к крейсерской войне*»¹⁷.

А. М. Доможиров указывал, что мысли об относительно лёгкой возможности совладать с Англией с помощью крейсеров могли появиться из-за того, что многие из тех, кто за-

нимался этим вопросом, забывали о том, что «чем дальше в прошлое, тем легче крейсерская война»¹⁸. Успешные действия «Алабамы»¹⁹ и «увлекательная идея крейсера “Русская Надежда”»²⁰ заставляли забыть, что условия 1863, 1878 и 1885 гг. «существенно различались между собой»²¹. Другая причина неоправданного оптимизма, по А. М. Доможирову, заключалась в следующем: «Вера в успешность крейсерства коренится глубоко в нашем обществе в силу той уверенности, что у нас имеются средства для океанской борьбы медведя с китом, а если их и нет в наличии, то можно завести в наступающий момент: были бы только деньги в распоряжении»²².

Тем не менее, А. М. Доможиров считал, что при должной, правильной организации, крейсерская война против Англии имеет для России все шансы на успех. Прежде всего, он настаивал, что главные усилия русских крейсеров должны быть направлены к «разгромлению угольных станций», ибо «вера в пар и надежда иметь всегда уголь» являлись единственной силой Англии²³. Исходя из этого, он считал лишним гоняться за числом захваченных пароходов, поскольку делать так — значит производить нечувствительные уколы²⁴.

Основой всей концепции А. М. Доможирова, и даже более того, единственным средством, способствующим успешности «крейсерской войны», было бы создание серии быстроходных крейсеров, которые одни были в состоянии помочь России *«стать в дружеские отношения с Англией, а если бы этого и не случилось, то гордый Бритт не мог бы с такой уверенностью делать России повсюду затруднения, как это было раньше, теперь и будет впредь, если не принять к этому меры...»*²⁵. Он, прежде всего, обращал внимание на то, что «тип русского океанского крейсера есть тип исключительный, но... и условия для его деятельности исключительные». Он должен был, вне зависимости от самых дурных обстоятельств, «быть в состоянии наносить тяжёлые, нравственные удары торговле Англии в течение некоторого времени в Атлантическом океане, затем дойти до Владивостока без пополнения угля на пути, уничтожая купцов и разоряя

слабые угольные станции. После принятия угля во Владивостоке — идти в Индийский океан для действия против торговли Индии и Австралии»²⁶.

Грандиозным целям, поставленным перед нашими «рейдерами», соответствовали и предполагаемые тактико-технические характеристики, заданные для них А. М. Доможировым. В его записке отмечалось, что будущие русские крейсера должны иметь сильную артиллерию: большое число хорошо защищённых скорострельных орудий. Под статью вооружению должна была быть и броня: согласно взглядам А. М. Доможирова, новые крейсерские корабли России должны были нести как броневую палубу, так и сплошной пояс по ватерлинии. Дополнительная живучесть должна была обеспечиваться вторым дном. Что же касается других характеристик, то большая скорость должна была явиться «исключительным достоянием наших крейсеров»²⁷.

В плане организации крейсерских действий, А. М. Доможиров указывал, что одним из главных условий, обеспечивающих результативность операций на коммуникациях, должно было стать действие крейсеров не поодиночке, а целыми отрядами. Основным потенциальным театром военных действий должен был стать Тихий океан, где наши будущие «истребители торговли» базировались бы на Владивосток, «наш единственный и уже дорогой для нас базис на крайнем Востоке»²⁸. Это связано с тем, что этот регион, по словам А. М. Доможирова, «земля обетованная всех промышленных государств»²⁹.

Подведём итоги. Мы рассмотрели три источника, авторы каждого из которых по-своему видели перспективы ведения «крейсерской войны». Если А. А. Пешуров ограничивался достаточно краткими рекомендациями о количестве крейсеров и об их применении, то Н. М. Чихачёв и А. М. Доможиров, напротив, предлагали проработанные цельные концепции использования кораблей крейсерского класса в войне против Англии.

Взгляды последних двух представителей военно-морского сообщества сближало понимание необходимости созда-

ния нового типа крейсера. Однако следует учитывать, что мотивы, ведущие их к такому выводу, различны. Первый из них, Н. М. Чихачёв, исходит из своего тезиса о том, что вся крейсерская эскадра России небоеспособна. Второй же, А. М. Доможилов, этого не утверждает, а видит в разработке и запуске в серию новых кораблей крейсерского класса особый козырь в морском соперничестве с Англией. При всём том, новый тип крейсера, в представлении обоих офицеров российского военно-морского флота, объединяли сходные характеристики, которым он должен был соответствовать: сильное артиллерийское вооружение, броневая защита, большая скорость хода и достаточная автономность.

Определённое сходство во взглядах прослеживается и у А. А. Пешурова с Н. М. Чихачёвым. Оба они предполагали, что тем или иным образом можно определить в мировом океане места, наиболее выгодные для ведения «крейсерской войны», однако все эти расчеты (особенно у первого) выглядят недостаточно обоснованными.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что и в 1880-е гг. идея использования крейсеров против коммуникаций потенциального противника находила своих сторонников среди представителей военно-морского профессионального сообщества России. Всех трёх авторов объединяло то, что они, будучи офицерами российского императорского флота, видели в теории «крейсерской войны» реальное средство для сдерживания морского могущества Великобритании.

Примечания

¹ Записка адмирала А. А. Пешурова. Санкт-Петербург, 26 августа 1881 г. //РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4103. Л. 6.

² Там же. Л. 6–6 об.

³ Рапорт вице-адмирала Н. М. Чихачёва с приложением. Одесса, 2 июля 1881 г. // РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4103. Л. 86 об.– 88.

⁴ Там же. Л. 88 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 88.

⁷ Там же. Л. 86, 88 об.

⁸ Там же. Л. 89.

⁹ Там же. Л. 86, 89.

¹⁰ Там же. Л. 89.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 89 об.

¹³ *Доможиров А. М.* О значении крейсерского флота для России. Санкт-Петербург, 26 февраля 1888 г. // РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1538. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 23 об.

¹⁵ Там же. Л. 1–1 об., 20 об.

¹⁶ Там же. Л. 3, 12.

¹⁷ Там же. Л. 17 об. Здесь и далее курсив А. М. Доможирова.

¹⁸ Там же. Л. 10, 14–20 об.

¹⁹ «Алабама» — самый результативный и известный рейдер Конфедерации Южных Штатов. Его действия вдохновляли сторонников крейсерской войны во многих странах, включая и Россию.

²⁰ Здесь имеется в виду т.н. «фантазия» публициста и общественного деятеля капитан-лейтенанта А. Е. Конкевича «Крейсер Русская Надежда», опубликованная в журнале «Русское Судоходство» в 1886 г. и содержащая в себе описание действий выдуманного русского крейсера в гипотетической русско-английской войне. По мнению некоторых современных исследователей, в ней, как и в других произведениях А. Е. Конкевича, нашли своё отражение реальные планы крейсерской войны, разрабатывавшиеся в Морском министерстве России.

²¹ *Доможиров А. М.* О значении крейсерского флота для России... // РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1538. Л. 19 об.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 22 об.

²⁵ Там же. Л. 23–24 об, 37–37 об.

²⁶ Там же. Л. 35 об.

²⁷ Там же. Л. 35–36, 38.

²⁸ Там же. Л. 35 об., 44.

²⁹ Там же. Л. 45.

Куликов С. В.

**Тактические военно-морские игры
в системе боевой подготовки Российского
императорского флота 1880–1914 гг.**
(по документам РГАВМФ)

История военных игр насчитывает тысячелетия. В военные игры, подобные шахматной игре, играли индусы, персы, китайцы, японцы. В современном своём виде военная игра родилась в Германии последовательно из шахматной и военно-шахматной игр. В России первые правила военной игры были изданы в 1835 г.¹ Это руководство представляло собой краткое изложение правил игры «Кригшпиль», разработанных в Пруссии лейтенантом 2-й артиллерийской бригады Георгом Генрихом бароном фон Рейсвицем, переработанное согласно требованиям уставов и организации русской армии.

Спустя десятилетие после издания первых правил военной игры в России были разработаны правила для ведения военно-морской игры. В 40-х годах XIX столетия морским офицером и писателем Владимиром Карловичем Войтом была разработана игровая система, позволявшая участникам практиковаться в решении задач морской войны². В течение следующих трёх десятилетий, последовавших за публикацией работ В.К. Войта, интерес к военно-морским играм в России несколько ослаб. Не исключено, что это связано с неудачной для России Крымской войной, начавшимся вслед за тем реформированием и восстановлением флота, а также Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. По крайней мере, материалов по военно-морским играм за этот период пока не найдено.

Интерес к военно-морским играм в России вновь возрос в 80-е гг. XIX столетия. Именно в это время широкую популярность приобрела тактическая военно-морская игра капитана английского флота Коломба «Дуэль»³. Её появление в России совпало с обострением развернувшейся ещё в 1870-е гг. широкой дискуссии, связанной со стремительным развитием парового и броненосного флота.

Существовавший к этому моменту опыт применения броненосных кораблей не позволял сделать однозначных выводов в пользу той или иной системы бронирования, размещения артиллерийского вооружения, а также тактики применения, как броненосцев, так и безбронных боевых кораблей. По оценкам современников: *«...С тех пор, как из-под ног моряков исчезла верная тактическая почва деревянных флотов, выражавшаяся “кильватерной колонной”, вопрос о силе судов подвергался громадным обсуждениям, но с весьма малыми результатами. Уже одно разнообразие архитектуры судов сделало бы труд адмирала в высшей степени сложным, если бы он пожелал, посредством известной организации своего флота, доставить возможность вполне применить к делу специальные качества каждого судна, а между тем эта столь трудная теперь задача, во времена деревянных флотов была делом простых классовых упражнений; каждый из мичманов мог точно и удовлетворительно разъяснить способ, которым каждое из судов должно было сражаться»*⁴.

В этих условиях тактическая военно-морская игра Коломба появилась и заняла своё место на стыке военно-морской теории и практики. При этом с одной стороны, военно-морская игра капитана Коломба впервые позволила исследовать многие тактические вопросы, связанные с применением новых боевых средств научными методами. А с другой, сама военно-морская игра стала предметом жаркой дискуссии с точки зрения оценки степени достоверности и объективности полученных с её помощью результатов и выводов, а также применения этих выводов на практике.

Игра капитана Коломба позволяла разыграть бой между двумя кораблями нескольких заранее определённых типов

в условиях, значительно упрощённых, по сравнению с реальным морским боем и даже игрой Владимира Войта. Правилами игры предусматривалось ведение боя только при тихой погоде, постоянной скорости хода противников 10,4 и 8,2 узла (скорости распределялись между противниками по жребью), равном числе артиллерийских орудий (по восемь орудий) и ограничениях, наложенных на применение минного оружия. Артиллерийские элементы вместе с элементами защиты оценивались условным коэффициентом. С этого коэффициента в течение игры списывалась большая или меньшая величина в течение каждого хода. Игра считалась оконченной, когда коэффициент одного из противников становился равным нулю.

Несмотря на такое упрощение, игра в России была оценена очень высоко. В Петербурге розыгрыши проводились с ноября по март, в ходе еженедельных собраний Императорского Русского Технического общества (по IV отделу) в помещениях Морского музея в Главном Адмиралтействе.

Первым руководителем занятий тактической военно-морской игрой в 1880 г. был выбран выдающийся русский учёный теоретик и практик в области развития тактики парового и броненосного флота адмирал Григорий Иванович Бутаков⁵. По инициативе адмирала Бутакова игра получила в России дальнейшее развитие, стараниями русских офицеров эволюция игры шла по линии приближения её к условиям реального боя⁶. В результате, в течение 1880–1884 гг. в правила, разработанные Коломбом, было внесено значительное число изменений, позволивших разыгрывать боевые столкновения не только между одиночными кораблями, но и между отрядами реально существующих боевых кораблей.

Так же следует отметить, что разыгрываемые партии военно-морской игры Коломба часто носили исследовательский характер. Так, на игре 23 декабря 1880 г. в ходе главной партии был разыгран бой между кораблями российского флота клиперами «Разбойник» и «Опричник» с целью выяснения наиболее оптимального расположения артиллерии на русских крейсерах⁷.

20 и 27 февраля 1884 г., были проведены ещё две знаменательных игры, в ходе которых впервые в условном бою приняли участие больше двух кораблей одновременно. В первом случае был разыгран бой между башенным броненосцем «Пётр Великий» с одной стороны и тремя фрегатами типа «Адмирал Лазарев» с другой. Во втором разыгрывался бой между двумя эскадрами, первая в составе одного 2-х башенного, двух 3-х башенных броненосцев и трёх фрегатов с бортовым расположением артиллерии, вторая в составе четырёх однобашенных броненосцев, одного с казематным расположением артиллерии (четыре орудия) и двух с казематным расположением артиллерии (восемь орудий на каждом)⁸.

4 марта 1885 г. в зале Морского музея мичман Николай Николаевич Беклемишев сделал сообщение «О применении военно-морской игры к исследованию выгоднейшего расположения орудий на корабле в 10000 тонн»⁹. В основу сообщения были положены результаты опытов, проведённых Беклемишевым совместно с лейтенантом Степановым и поручиком Алексеевым. Для исследований ими были последовательно разыграны 12 партий тактической военно-морской игры с двумя броненосными кораблями, имеющими разные системы размещения орудий главного калибра.

Развитие игры Коломба в России привело к тому, что в 1885–1886 учебном году военно-морская игра была введена в программу Артиллерийского офицерского класса в качестве практических занятий, дополнявших теоретический курс «Тактическая часть артиллерии»¹⁰. И сделано это было намного раньше, чем в иностранных военно-морских учебных заведениях. Например, в Военно-морском колледже США, в Ньюпорте, в период с 1887 по 1893 гг. военно-морские игры проводились преподавателями время от времени в инициативном порядке, а слушатели принимали в них участие на добровольных началах. И только в 1894 г. игры стали входить в учебную программу Колледжа¹¹.

Дальнейшее развитие тактические военно-морские игры получили в «Правилах тактической военно-морской игры Джена» (современная транскрипция — Джейн). В июне

1898 г. на вечерней лекции в Объединённом королевском институте по исследованию вопросов безопасности и обороны Фред Джейн представил доклад, содержащий идею и правила универсальной военно-морской игры, позволявшей разыгрывать морской бой с использованием любых типов кораблей. В ходе доклада Фред Джейн поделился с собравшимися некоторыми своими соображениями и выводами по своей игре, которые были сделаны после розыгрыша им 50 партий.

Игра выпускалась в деревянной коробке, размером 29 дюймов по диагонали. В ней находились расчерченные на квадраты листы (игровое поле) и наборы боевых кораблей, причём для разных стран и заказчиков наборы кораблей могли быть разными. Обязательным дополнением к игре являлся справочник боевых кораблей мира «Jane's All the World's Fighting Ships», первое издание которого вышло в Лондоне в 1898 г.

В целях популяризации игры, после своей лекции в Объединённом королевском институте по исследованию вопросов безопасности и обороны, Фред Джейн предпринял 18-месячное турне по миру, в ходе которого читал лекции по военно-морской игре и проводил показательные игры. Усилия Джейна не пропали даром. Его игра нашла своих поклонников в Китае, США, Германии, России и Японии.

В России горячим поклонником игры Джейна стал великий князь Александр Михайлович, по приглашению которого Фред Джейн в январе 1899 г. посетил Россию. Для ведения игры Александр Михайлович отвёл большой зал в своём дворце (Набережная реки Мойки, д. 106)¹². Часто, помимо великого князя и самого Ф. Джейна, в игре принимали участие дежурные офицеры.

Практически сразу после появления в России, несмотря на некоторые трудности, военно-морская игра Джейна была введена в учебный процесс Николаевской морской академии, а затем и Артиллерийского офицерского класса, где заменила игру Колумба. «Кронштадтский вестник» 29 января писал по этому поводу, что: «... В настоящее время на воен-

но-морском отделе Николаевской морской академии происходят занятия военно-морской игрой, которая ведётся по весьма остроумному и интересному способу, предложенному англичанином Фредериком Джейном. Особенность этой игры и преимущества её перед другими заключается как в лёгкости самой игры, так и в получении тех результатов, какие могут быть в действительном бою <...> У нас в России эта игра имеется в настоящее время в единственном экземпляре и составляет собственность его императорского высочества великого князя Александра Михайловича. Слушатели Николаевской морской академии пользуются пока игрой, милостиво предоставленной его высочеством»¹³.

В 1899 г. правила военно-морской игры Фреда Джейна были переведены на русский язык лейтенантом Людвигом Бернгардовичем Кербером. В том же году доработанные правила были изданы (тиражом 50 экземпляров) для нужд курса военно-морских наук Николаевской морской академии¹⁴. В 1902 г. «Правила тактической военно-морской игры Джена» были изданы отдельной брошюрой, в которую вошли не только сами правила, но и все дополнения, сделанные как в Николаевской морской академии, так и офицерами действующего флота.

По оценке современников, тактическая военно-морская игра по правилам Джейна была рациональнее и проще игры Коломба. Артиллерийский бой между кораблями разыгрывался с помощью набора из шести игровых костей. Эти кости использовались для определения процента попаданий, уменьшавшегося с ростом расстояния, и места попадания снаряда в корабль противника. Для определения пробиваемости брони различных типов применялись специальные таблицы и коэффициенты¹⁵. Кроме того, правила игры допускали применение минного оружия. Большим новшеством игры Джейна была возможность разыгрывать эскадренный бой.

Активный интерес к тактическим военно-морским играм в 80-х гг. XIX столетия со стороны видных деятелей русского флота способствовал признанию игр как эффективной

формы обучения командного состава флота основам морской тактики и включению игр в учебные программы Артиллерийского офицерского класса и Николаевской морской академии. Однако дальнейшее распространение военно-морских игр в качестве практических занятий по тактике на кораблях и в штабах действующего флота не стало логическим продолжением этого процесса.

Достоверно известно, что в период, предшествовавший Русско-японской войне, занятия тактической военно-морской игрой регулярно проводились на броненосце «Ростислав» в период командования им великого князя Александра Михайловича, броненосных крейсерах «Россия», «Баян» и крейсере II ранга «Новик» стараниями командиров последних. Однако эти занятия были скорее исключением, чем правилом.

Флотская молодёжь, строевые офицеры, за исключением слушателей курса военно-морских наук Николаевской морской академии, вопросами морской тактики интересовались мало. Эта ситуация обуславливалась тем, что, как отмечали современники: «... при теперешней обстановке обучения офицеров в высших и специальных учебных заведениях <...> и при теперешних правилах прохождения службы офицер может сделаться начальником отдельной части, не получив необходимых знаний по тактике»¹⁶.

Пагубность подобной практики со всей очевидностью показала Русско-японская война, в ходе которой стратегические просчёты, допущенные на этапе планирования, были усугублены тактическим нигилизмом старших морских начальников и отсутствием единства тактического мышления. В частности, в отношении эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского в итоговом докладе следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя указывалось: «В бою 14 мая <...> трудно было ожидать единства тактического мышления, а, следовательно, и действий командного состава, так как в предшествовавший сражению период совместного плавания отряды и корабли не имели достаточного общения между собою и с адмиралом, так-

тического обучения на эскадре не было, походные построения производились по сложным детальным сигналам флагманского корабля и намерения командующего адмирала не были известны даже ближайшим его помощникам»¹⁷.

Единственным русским командующим, который имел богатый опыт военно-морских игр и активно пользовался их материалами, был вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Убывая на Дальний Восток, назначенный командующим Первой Тихоокеанской эскадрой, С. О. Макаров, на совещании у управляющего Морским министерством «... высказал необходимость иметь для своего пользования сочинения по морской стратегии и тактике, изданные курсами военно-морских наук при Николаевской морской академии, а также отчёты по практическим занятиям по стратегии и всё имеемое о разведочной службе»¹⁸. Эти материалы Макарову руководством академии были своевременно предоставлены, однако применить их в полной мере на практике адмирал не успел.

Командование русским флотом сделало, в целом, правильные выводы из уроков Русско-японской войны. Тем не менее несмотря на то, что уже к 1911 г. на флотах была выработана стройная и логичная система боевой подготовки, практическая часть этой подготовки по-прежнему не имела под собой прочной теоретической базы.

Программа плаваний разрабатывалась ежегодно и находила своё отражение в учебном плане Действующего флота Балтийского моря и в расписании занятий Черноморского флота. Учебный план и расписания занятий на флотах составлялись с таким расчётом, чтобы до конца кампании флот прошёл бы все намеченные для отдельных кораблей и отрядов стрельбы, учения и упражнения, и последние месяцы занимался бы боевой подготовкой и совместным маневрированием всего флота. Обучение делилось на периоды. В Балтийском флоте на четыре, а в Черноморском на пять. После каждого периода проводится совместное плавание или сбор флота, во время которого командующий морскими силами контролировал успешность прохождения программы и производил тактические манёвры¹⁹.

Несмотря на очевидные положительные сдвиги, система боевой подготовки флота, была построена таким образом, что большинство корабельных офицеров, за исключением командиров, офицеров штабов и флагманских специалистов не вникали в вопросы тактики. Разбор общефлотских манёвров хотя и проводился, однако результаты его до офицеров не доводились. В результате, современники констатировали, что: *«... приобретённый опыт делается достоянием немногих лиц. Остальные же офицеры что видели, лично запомнят, а про остальное ничего не узнают. Так как на корабль присылаются только касающиеся его одного инструкции, то общая цель и ход манёвров остаются неизвестными большинству офицеров»*²⁰.

Коренным образом ситуация начала меняться только в годы, непосредственно предшествовавшие началу Первой мировой войны.

В 1913 г. изучение тактики было включено в учебную программу Минного офицерского класса, а также технических отделов Николаевской морской академии²¹. При этом в стенах Николаевской морской академии и Артиллерийского и Минного офицерских классов тактическая военно-морская игра по правилам Джейна трансформировалась в практические занятия по тактике. Целью практических занятий являлась практическая отработка слушателями методов решения различных тактических задач и реализация этих решений в виде боевых приказов и инструкций²².

В Николаевской морской академии тактические военно-морские игры проводились по правилам, разработанным преподавателями и слушателями. В частности, в 1914 г. в академии были изданы «Правила ведения военно-морских тактических игр» составленные Борисом Борисовичем Жерве²³. В соответствии с этими правилами, в ходе практических занятий по тактике слушатели изучали тактические элементы отдельных боевых кораблей и соединений, решали тактические задачи различной степени сложности по:

- подготовке и ведению кораблями одиночного боя и боя в составе бригады, боя на заранее подготовленной позиции;

- организации применения торпедного и минного оружия;
- организации разведки и противодействию разведке противника.

Своё развитие тактические военно-морские игры получили и в Артиллерийском офицерском классе. В 1914 г. преподаватель Артиллерийского офицерского класса старший лейтенант Леонид Георгиевич Гончаров разработал своё «Пособие для практических занятий по морской тактике», которое было больше нацелено на изучении тактических свойств оружия.

Необходимо отметить, что Л. Г. Гончарову первому удалось создать серьёзную научную основу (математический аппарат) для проведения тактических военно-морских игр, необходимую для получения точных (научно обоснованных) заключений при решении тактических задач во время игр и для точного сравнения взаимной мощи кораблей и сил. В этом отношении Гончаров значительно опередил своих иностранных коллег, так в Военно-морском колледже США подобная система была разработана только в 1922 г.²⁴

В действующем флоте ситуация начала меняться так же зимой 1913–1914 г., когда впервые тактические военно-морские игры были проведены на кораблях Балтийского флота, зимовавших в Гельсингфорсе, Ревеле и Либаве.

В течение летней кампании 1914 г. проведение тактических военно-морских игр на кораблях флота продолжилось. Непосредственно перед началом войны тактическая игра была проведена на 1-й бригаде линейных кораблей (на борту линейного корабля «Император Павел I»)²⁵. В ходе игры отработывался бой бригады линейных кораблей при поддержке полубригады в составе линейного корабля «Севастополь» и броненосного крейсера «Рюрик», крейсеров, а также лёгких сил на оборудованной (минно-артиллерийской) позиции. Разбор игры показал, что «русская партия» (игровой коллектив, игравший на стороне русского флота) в значительной мере учла уроки Цусимы²⁶.

В то же время в ходе тактической военно-морской игры, проведённой на борту линейного корабля «Слава», на ту же

тему («бой на позиции») «русская партия» потерпела поражение, а её руководитель в своем докладе указывал: «... *Настоящая игра “Бой на позиции”, разыгранная во второй раз на бригаде, причём противнику были даны подавляющие силы, привела к тому же выводу: если неприятель не считается с потерями, то задача прорыва, хотя и небольшим числом кораблей, в конце концов, достигается*»²⁷.

Все тактические военно-морские игры на кораблях действующего флота в этот период проводились по правилам старшего лейтенанта Л.Г.Гончарова, дополненными «Правилами для ведения военно-морской игры», выработанными комиссией артиллерийских офицеров 1-й бригады линейных кораблей флота Балтийского моря²⁸.

Уже после начала Первой мировой войны, осенью 1914 г., на 1-й бригаде линейных кораблей вновь была проведена тактическая игра. Игра проводилась по инициативе командующего флотом Балтийского моря адмирала Николая Оттовича фон Эссена при деятельном участии выпускника Николаевской морской академии флаг-капитана командующего по оперативной части капитана 2 ранга князя Михаила Борисовича Черкасского²⁹.

Темой игры стал «встречный бой» русского и германского флотов в Балтийском море. Выбор темы был вызван необходимостью отработать в теории (а затем и на практике в ходе осенних манёвров флота) новый элемент — завязку встречного боя двух флотов. До начала войны русское командование считало, что германский флот обязательно предпримет попытку прорыва в Финский залив с целью высадки десанта для создания угрозы Петербургу. Соответственно, в ходе предвоенных игр и учений флот отрабатывал бой на оборудованной минно-артиллерийской позиции и отражение десанта. С началом войны, когда стало ясно, что основные силы германского флота будут действовать в Северном море против Великобритании, командование флотом Балтийского моря получило возможность действовать более активно, что и нашло отражение в изменении направленности боевой подготовки.

Заслуживает внимания тот факт, что не все офицеры действующего флота понимали значение и важность такой формы боевой подготовки как тактические военно-морские игры. Один из участников осенней игры 1914 г. лейтенант Г. А. Бубнов в своей записке, направленной главному посреднику (командиру линейного корабля «Андрей Первозванный») указывал, что считает военно-морскую игру: «... вредной до чрезвычайности, вредной тем, что критика или даже простой разбор тех положений, которые лежат в основе рассуждений начальников, ведущих нас в бой, может указать на хотя бы маленькие пробелы в них, и это тогда, когда уместна только абсолютная вера в их непогрешимость»³⁰.

Отрицательное мнение лейтенанта Г. А. Бубнова не было единственным, вокруг вопроса о целесообразности проведения тактических игр в военное время разгорелась дискуссия. В этой связи 10 января 1915 г. капитан 2 ранга князь М. Б. Черкасский вынужден был разъяснить офицерам 1-й бригады линейных кораблей, что: «командующий флотом смотрит на выводы из игр не как на критику старших младшими, а как на ту работу, которая может постепенно привести весь личный состав к единомыслию в таком важном вопросе, как бой, бой во что бы то ни стало до победы или гибели, бой, который является нашей единственной целью и смыслом нашего бытия»³¹.

Таким образом, говоря об эволюции взглядов на место тактических военно-морских игр в системе боевой подготовки Российского императорского флота в 1880–1914 гг., необходимо отметить, что в начале рассматриваемого периода тактические военно-морские игры в военно-морских кругах рассматривались как полезное, но не обязательное увлечение. Коренной перелом во взглядах на тактическую подготовку офицеров флота в целом, и военно-морские игры в частности, произошёл в результате осмысления и анализа боевого опыта, полученного в ходе Русско-японской войны.

К 1914 г. в русском флоте начала складываться относительно стройная система тактической подготовки командных кадров, стержнем которой стали военно-морские игры.

При этом сама тактическая военно-морская игра велась по хорошо проработанной системе правил, и была снабжена необходимым математическим аппаратом. Соответственно определилось и место военно-морской игры как связующего звена между военно-морской теорией и практикой, а сама военно-морская игра выступала в роли научного эксперимента или научного опыта.

Примечания

¹ Правила военной игры, применённые к российским войскам. СПб.: тип. штаба Отдельного Гвардейского Корпуса, 1835. 18 с.

² *Войт В. [К.]* Морская игра: сочинение Владимира Войта. СПб.: тип. Морского Кадетского корпуса, 1846. С. 1–2.

³ The Duel: a naval war game. Invented and arranged by Captain R.N. Colomb, R.N. // РГАВМФ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 256. Л. 113–139;

Беклемишев Н.Н. Военно-морская игра Капитана английского флота Коломба (перевёл и дополнил Н.Н. Беклемишев). Кронштадт: тип. Кронштадтского вестника, 1880. 42 с.

⁴ *Касл*, лейтенант королевского флота. Опыт военно-морской игры в английском флоте // Морской сборник. 1874. № 7. Морская хроника. С. 26–27.

⁵ Статьи по военно-морской игре и лекалам, предложенным адмиралом Григорием Ивановичем Бутаковым // РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 139.

⁶ Активными участниками занятий тактической военно-морской игрой в этот период были: адмиралы Григорий Иванович Бутаков, Иван Иванович Бутаков, Александр Ильич Зеленой, Константин Павлович Пилкин, свиты его величества контр-адмиралы Алексей Павлович Епанчин и барон Роман Андреевич Мирбах, генерал-лейтенанты Филимон Васильевич Пестич, Феодосий Фёдорович Веселаго, капитаны 1 ранга Николай Васильевич Копытов, Николай Иванович Казнаков, капитаны 2 ранга Дмитрий Фёдорович Мертваго, Степан Осипович Макаров, Фёдор Васильевич Дубасов.

⁷ Статьи по военно-морской игре и лекалам, предложенным адмиралом Григорием Ивановичем Бутаковым // РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 140.

⁸ Извлечение из «Отчёта о занятиях военно-морской игрой» // Кронштадтский вестник. 1884. № 35. 21 марта.

⁹ О применении военно-морской игры к исследованию выгоднейшего расположения орудий на корабле в 10000 тонн (отчёт о докладе Н. Н. Беклемишева) // Кронштадтский вестник. 1885. № 31. 15 марта.

¹⁰ *Кочкин Н. А.* Материалы к истории Артиллерийского офицерского класса и класса гальванёров. Кронштадт: тип. Кронштадтского вестника, 1903. С. 97.

¹¹ *Макхью Ф.* Военные игры в Колледже морской войны (пер. с англ. № 810, пер. Е. Богданова-Катькова, редактор кап. 1 ранга Таустоб). Л.: Центральное научно-переводное бюро ВМФ, 1964. С. 4.

¹² *Curry John* Over open sights. Early naval wargaming rules 1873–1904. Early wargames Volume 6. Bristol (UK): The History of Wargaming Project, 2014. P. 157.

¹³ Военно-морская игра по способу Джена // Кронштадтский вестник. 1899. № 13. 29 янв.

¹⁴ Курс военно-морских наук. Правила морской тактической игры. Составлено по Rules for Jane naval war game // РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 150. Л. 17.

¹⁵ *Кербер Л. Б.* Правила тактической военно-морской игры Джена, составил в 1902 году лейтенант Кербер. СПб.: тип. Кронштадтского вестника, 1902. С. 4–11.

¹⁶ Военная школа (обучение), традиции, плавания, маневры (работа лейтенанта барона Зальца 1-го, январь 1914 года) // РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 528. Л. 11.

¹⁷ Заключение следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя. Пг.: тип. Мор. мин., 1917. С. 106.

¹⁸ Сообщение Главного морского штаба о назначении вице-адмирала Макарова С. О. на Дальний Восток от 4 февраля 1904 г. // РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 194. Л. 67.

¹⁹ Военная школа (обучение), традиции, плавания, маневры (работа лейтенанта барона Зальца 1-го, январь 1914 года) // РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 528. Л. 19–25.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 7.

²² План практических занятий по морской тактике (1911–12 гг.) // РГАВМФ. Ф. 759. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

²³ Правила ведения военно-морских тактических игр. Сост. Б. Б. Жерве. Пг.: Николаевская морская академия, 1914. 22 с.

²⁴ *Макхью Ф.* Военные игры ... С. 8.

²⁵ В 1914 г. в состав бригады входили линейные корабли «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Слава» и «Цесаревич».

²⁶ Рапорт начальника 1-й бригады линейных кораблей Эскадры Балтийского моря, от 3 сентября 1914 г. № 48 А // РГАВМФ. Ф. 902. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

²⁷ Отзыв начальника 2-й бригады линейных кораблей о военно-морской игре линейного корабля «Слава» — бой на позиции // РГАВМФ. Ф. 902. Оп. 1. Д. 81. Л. 5.

²⁸ Дополнение к Правилам для ведения военно-морских игр на 1-й бригаде линейных кораблей // РГАВМФ. Ф. 902. Оп. 1. Д. 81. Л. 2–4 об.

²⁹ Записка капитана 2 ранга князя Черкасского от 10 января 1915 г. «Несколько слов по поводу тактических игр, разыгранных на 1-й бригаде линейных кораблей в 1914 году» // РГАВМФ. Ф. 759. Оп. 1. Д. 4. Л. 66–72.

³⁰ Записка лейтенанта Бубнова Главному посреднику тактической игры (23 октября 1914 года) // РГАВМФ. Ф. 759. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–112.

³¹ Записка капитана 2 ранга князя Черкасского от 10 января 1915 г. «Несколько слов по поводу тактических игр, разыгранных на 1-й бригаде линейных кораблей в 1914 году» // РГАВМФ. Ф. 759. Оп. 1. Д. 4. Л. 72.

Гладких С. А.

Герой Порт-Артура Адриан Буторин

В отличие от имён полководцев и флотоводцев, имена солдат и матросов редко попадают на страницы монографий и учебников по истории. Не является исключением и такое известное событие, как оборона Порт-Артура, где прежде всего на слуху имена героев и антигероев, находившихся в высоких чинах: адмиралов С. О. Макарова и В. К. Витгефта, генералов А. М. Стесселя и Р. И. Кондратенко. Но ведь Порт-Артур защищали десятки тысяч нижних чинов, совершавших иногда подвиги исключительной значимости. Одним из таких незаметных героев, сумевших существенно повлиять на ход обороны крепости, был минный квартирмейстер крейсера «Баян» Адриан Андреевич Буторин. Несмотря на некоторые информационные лакуны и «белые пятна», благодаря сохранившимся послужным спискам А. А. Буторина и ряду других архивных документов, а также подробным воспоминаниям его боевого командира лейтенанта Николая Люциановича Подгурского существует возможность составить достаточно подробную биографию этого исключительно интересного и неординарного человека.

В документах имя героя указывается по-разному: Адриан, Андриан, Андрей. Та же проблема наблюдается и с отчеством. Наиболее часто встречающийся вариант именованья — Адриан Адрианович. Однако, согласно сохранившейся метрической записи о крещении, правильное сочетание — Адриан Андреевич. Родился он 20 августа 1879 г.¹ в крестьянской семье Андрея Яковлевича и Ольги Михайловны Буториных из деревни Фёдоровской Зубовской волости

Кадниковского уезда Вологодской губернии (территория современного Вожегодского района Вологодской области)². Ныне этой деревни, как и многих других, на карте России уже не существует. Согласно данным послужного списка, Адриан Буторин «воспитывался в Кадниковском училищном совете»³, это заставляет предположить, что он либо с детства проявил особые успехи в обучении, либо рано остался сиротой.

По достижении призывного возраста А. А. Буторин осенью 1900 г. поступил на действительную воинскую службу во флот. Призывники с территории Вологодской губернии пополняли личный состав Балтийского флота, и 17 декабря 1900 г. А. А. Буторин был зачислен в 9-й флотский экипаж, размещавшийся в Кронштадте. После принятия присяги 20 марта 1901 г. стал матросом 2-й статьи. Будучи грамотным ещё до призыва и проявив себя сообразительным матросом, зачислен в Минную школу для нижних чинов, и в кампаниях 1901–1903 гг. находился в учебном плавании на судах Учебно-минного отряда. 1 апреля 1902 г. произведён в матросы 1-й статьи, а по окончании Минной школы 1 сентября 1902 г., сдав экзамен, становится минёром⁴. Следует отметить, что минёры того времени отвечали не только за минное, но и за электрическое оборудование корабля⁵.

Как один из лучших выпускников Минной школы, А. А. Буторин зачисляется в класс подготовки минных квартирмейстеров, и 1 сентября 1903 г. получает своё первое унтер-офицерское звание — минного квартирмейстера 2-й статьи. Вскоре его назначили в состав экипажа только что построенного в союзной Франции новейшего броненосного крейсера русского флота «Баян». Команда корабля прибыла во Францию ещё в апреле 1902 г., но А. А. Буторин присоединился к ней позже. Согласно воспоминаниям старшего минного офицера «Баяна» Н. Л. Подгурского, квартирмейстер Буторин участвовал в плавании крейсера из Кронштадта в Порт-Артур в 1903 г., однако послужной список указывает, что он находился на корабле только в 1904 г. Возможно, новый унтер-офицер был направлен в Порт-Артур

поездом на замену выслужившим срок службы в конце 1903 г., хотя этот фрагмент биографии А. А. Буторина остаётся не вполне ясным.

На «Баяне» А. А. Буторин в основном специализировался на обслуживании новейшего изобретения тех лет — радиотелеграфа. По сведениям Н. Л. Подгурского, «назначенный состоять при телеграфных аппаратах Буторин большую часть дня сидел в рубке, стараясь практикой всё больше и больше увеличивать чувствительность приёмного аппарата»⁶. Благодаря его усилиям «Баян» считался одним из лучших кораблей артурской эскадры в этом новом для флота деле, обеспечивая устойчивую радиосвязь на расстоянии до 100 миль⁷. Однако, как покажут события Русско-японской войны, и в минном вооружении квартирмейстер Буторин также разбирался прекрасно.

С началом войны «Баян», по своим тактико-техническим характеристикам почти идеально подходивший к сложившимся на Дальнем Востоке условиям вооружённой борьбы, стал одним из наиболее активно действовавших кораблей русской эскадры. Но в неоднократных перестрелках с японскими кораблями, в которых участвовал «Баян», возможность отличиться в первую очередь предоставлялась артиллеристам, а не минёрам. Положение изменилось 14 июля 1904 г., когда крейсер подорвался на mine и надолго вышел из строя. Члены экипажа корабля пополнили ряды сражавшихся на сухопутном фронте обороны Порт-Артура, где и проявились незаурядные воинские дарования Адриана Буторина.

По словам Н. Л. Подгурского, называвшего А. А. Буторина «замечательным человеком», «тихий, скромный Буторин выделялся своими знаниями и рвением к службе... При выборе людей на какие-либо более опасные экскурсии (атаковать брандеры, тралить мины) Буторин постоянно вызывался желающим. При постановке на берегу прожекторов, при закладке фугасов Буторин принимал всегда самое деятельное участие. При действии в близком расстоянии от японцев разными минами и пироксилиновыми зарядами, Буторин отли-

чался беззаветной храбростью, проявлением большой инициативы и хладнокровием»⁸.

Числясь в составе морского десанта и действуя под непосредственным руководством Н. Л. Подгурского, А. А. Буторин принимал активнейшее участие в творческом применении к условиям сухопутной войны морского оружия: метательных минных аппаратов, шаровых мин заграждения, подрывных патронов. Не зря Н. Л. Подгурский именовал изобретательного и смелого А. А. Буторина, произведённого 1 сентября 1904 г. в минные квартирмейстеры 1-й статьи, своим «главным помощником»⁹. Одним из наиболее известных боевых эпизодов с его участием стал первый спуск шаровой мины в японские окопы с гласиса Кумирненского редута в ночь на 5 сентября 1904 г. Зачастую утверждается, что мину лично скатили Н. Л. Подгурский и А. А. Буторин¹⁰, но в действительности А. А. Буторин лишь подал лейтенанту фитиль для поджога запального шнура, а скатывать шестнадцатипудовый шар офицеру помогал старший минёр «Баяна» Гавриил Богданов¹¹. Главное же событие с участием А. А. Буторина произошло спустя несколько дней.

В ходе второго общего штурма крепости 6–9 сентября 1904 г. основные усилия атакующих были направлены на взятие Высокой горы для обеспечения корректировки огня осадной артиллерии по русским кораблям на внутреннем рейде Порт-Артура. В ночь на 8 сентября японцам удалось занять русский блиндаж на левой вершине Высокой, который стал их главным опорным пунктом. Неоднократные попытки выбить противника из блиндажа не удавались. В результате сложилась патовая ситуация: одна из двух вершин горы прочно оставалась за русскими, за вторую столь же прочно держались японцы. Однако сохранение подобного «status quo» являлось для русской стороны невыносимым.

Хотя непосредственно из блиндажа русские тылы не просматривались, японцы в любой момент могли прорваться на гребень вершины, откуда был отлично виден внутренний рейд, что вело русскую эскадру к скорой и несомненной гибели. Высокую следовало или оставлять, или освободить

целиком. Но за дни штурма силы противников были настолько истощены, что продолжать бои казалось невозможным. Ситуация застыла в неустойчивом равновесии, сошла в «точку бифуркации»: требовалось последнее, пусть даже малозначительное усилие той или иной стороны — и это усилие решало судьбу горы и эскадры.

Злосчастный блиндаж требовалось освободить от противника любой ценой. По личному поручению начальника сухопутной обороны Порт-Артура Р. И. Кондратенко за решение этой сложнейшей задачи взялся Н. Л. Подгурский со своими подчинёнными. Первоначально предполагалось воспользоваться шаровыми минами, но по условиям местности и сложившейся обстановки это оказалось невыполнимым. После завершения рекогносцировочных работ на Высокой горе рано утром 9 сентября А. А. Буторина засыпало землёй в одном из блиндажей, разрушенном попаданием японского снаряда. Квартирмейстеру посчастливилось остаться одним из немногих выживших. Моряки вернулись с горы ни с чем, и Н. Л. Подгурский пришёл к выводу, что следует забросать занятый японцами блиндаж подрывными патронами. Но для этого требовалось подойти к нему почти вплотную.

Осуществить такое смертельно опасное предприятие можно было только ночью. За исполнение взялся лично Н. Л. Подгурский и два его минёра: Адриан Буторин и Филипп Фоминич. По свидетельству лейтенанта, «Буторин, несмотря на то, что у него все бока были отбиты прошлую ночь обвалившимся блиндажом», выразил «полную радость» по поводу предложенного Подгурским плана действий¹². Согласно приказанию Н. Л. Подгурского, он подготовил шести-фунтовые (2,45 кг) патроны с короткими запальными шнурами и по личной инициативе «усовершенствовал» их, привязав верёвки, что превращало подрывной патрон в метательный снаряд наподобие пращи. Вечером 9 сентября снаряжённые этим «чудо-оружием» моряки прибыли на Высокую гору. Здесь к группе подрывников добровольно присоединился стрелок Дмитрий Труфанов¹³, знавший подходы к блиндажу.

Около полуночи двинулись в путь. А. А. Буторин также нёс в особой коробке тлеющий фитиль для поджигания запала. Умудрились подползти к блиндажу на расстояние до 15 шагов. Подгурский и Труфанов бросили два патрона, но неудачно: после взрывов блиндаж остался цел. Японцы приняли разрывы за артиллерийский обстрел и тревоги не поднимали. Герои незамеченными вернулись обратно и решили повторить попытку, но на этот раз с двух сторон, разделившись на группы: первая — Подгурский и Фоминич, вторая — Буторин и Труфанов. По сигналу пущенной с правой вершины ракеты первым кинул патрон Буторин, вторым — Подгурский. Почти одновременные разрывы вызвали детонацию хранившихся в блиндаже боеприпасов. Раздалась серия страшных взрывов, и уцелевшие японцы в панике кинулись с горы, едва не растоптав русских подрывников. Фоминич, наращая панику, кидал вслед бегущим малые однофунтовые патроны. Русский гарнизон немедленно занял освобождённую вершину и приступил к укреплению отбитых позиций. Высокая была спасена¹⁴.

За этот подвиг А. А. Буторин был удостоен Знака отличия Военного ордена (Георгиевского креста) — высшей боевой награды нижних чинов того времени, причём, в отличие от Ф. Фоминича и Д. Труфанова, не 4-й, а более высокой 3-й степени. Однако нарушение принятого порядка награждения, возможно, произошло не из-за оценки выдающегося вклада героя в общий успех, а потому, что к кресту 4-й степени он был представлен ранее. Не исключено, что представления подавались разными начальниками, что и вызвало путаницу с наградами. В результате А. А. Буторин удостоился двух Георгиевских крестов 3-й степени: № 7413 «за мужество и храбрость, проявленные им в делах против неприятеля в ночь с 4 на 5 сентября 1904 г. на Кумирненском редуте и с 9 на 10 сентября 1904 г. на Высокой горе вместе с лейтенантом Подгурским»; и № 27110 «за отличия, оказанные им во время военных действий с Японией 10 сентября 1904 г. при обороне крепости Порт-Артур». Поэтому впоследствии Капитул Российских Императорских и Царских Орденов ли-

шил А. А. Буторина знака № 7413 как ошибочно пожалованного за один и тот же подвиг, не удосужившись всмотреться в разницу наградных формулировок, намекавшую на необходимость выдачи креста 4-й степени за отличие на Кумирненском редуте. Однако произошло это уже после смерти Адриана Андреевича. Знал ли он сам о награждении крестом № 7413 — неизвестно, поскольку в его послужных списках указан только крест № 27110, но обе награды согласно принятому тогда порядку после кончины Георгиевского кавалера вернулись в Капитул Орденов, хотя и в разное время: крест № 27110 — в 1908 г., а крест № 7413 — в 1909 г.¹⁵

Значение совершённого Н. Л. Подгурским и его минёрами подвига было оценено в Порт-Артуре сразу же. В донесении руководителя обороны генерал-лейтенанта А. М. Стесселя императору Николаю II от 10 сентября сообщалось: «... лейтенант флота Подгурский... вместе с минёрами и охотниками... бросил в блиндажи бомбы... и взорвал. Японцы в паническом страхе бежали... Полковник Ирман указывает на лейтенанта Подгурского, как главного виновника совершенного очищения от неприятеля Высокой горы»¹⁶. В телеграмме царю от 17 сентября имя Н. Л. Подгурского указывалось первым из тех, кому обязана крепость отражением японского штурма в целом. А в приказе по войскам Квантунского укрепленного района по итогам отбитого штурма А. М. Стессель восклицал: «...слава всем героям начальникам и офицерам, слава и благодарность героям-охотникам, взорвавшим блиндаж»¹⁷.

Официальное описание действий флота в Русско-японскую войну гласит: «Дальнейший ход обороны выяснил, что подвиг лейтенанта Подгурского отложил падение Высокой горы более, чем на два месяца; серьёзное стратегическое значение Высокой горы даёт полное основание думать, что этим самым на два месяца было отсрочено и падение крепости»¹⁸. Конечно, последний расчёт можно оспорить. Высокая пала 22 ноября — таким образом, более чем на два месяца была отсрочена гибель эскадры. Что же касается падения крепости, то силы и средства гарнизона в сентябре позволя-

ли ему держаться ещё достаточно долго, даже без поддержки крупнокалиберной морской артиллерии. Да и энергия японцев по захвату крепости могла уменьшиться после решения самого важного вопроса — уничтожения русской эскадры. Тем не менее падение Порт-Артура действительно было бы ускорено.

Подвиг Н. Л. Подгурского и его подчинённых высоко оценивали и сослуживцы, боевые соратники по Порт-Артуру. Как впоследствии сформулировал один из них, С. И. Лутонин, в историю участия флота в обороне Порт-Артура минный офицер «Баяна» лейтенант Подгурский «вписал славнейшую страницу»¹⁹. А вот в советской историографии это событие замалчивалось — вероятно, потому, что Н. Л. Подгурский в 1918 г. находился на стороне «белофиннов». Нет сведений о нём в масштабных и авторитетных трудах П. Д. Быкова, А. А. Левицкого, А. И. Сорокина. Исключением является «Боевая летопись русского флота», где приведены обстоятельства подвига, указаны имена Н. Л. Подгурского и «триумvirата» его славных помощников²⁰. Следует вспомнить и о том, что А. А. Буторин стал одним из героев знаменитого романа А. Н. Степанова «Порт-Артур», где представлен непосредственным инициатором подрыва блиндажа на Высокой горе²¹. Однако на страницы обобщающего научного труда по истории Русско-японской войны упоминание о столь значимом событии (без какой-либо оценки) вернулось лишь в 1977 г., хотя не обошлось без ошибки: блиндаж, оказывается, взорвали «Подгурский и два солдата»²². В постсоветское время этому подвигу отдали должное историки российского флота.

А в 1904 г. А. А. Буторину исключительно повезло: многократно находясь на передовой, он вплоть до капитуляции Порт-Артура ни разу не был ранен или контужен²³. 10 января 1905 г. квартирмейстер Буторин в числе других военнопленных отправлен через Нагасаки в Японию, однако, согласно послужному списку, неведомо как умудрился 14 мая (в день Цусимского сражения) выдержать экзамен на право присвоения звания минного кондуктора²⁴. Этот факт застав-

ляет предположить, что ему каким-то образом удалось покинуть Японию: например, в качестве денщика Н. Л. Подгурского или иного из артурских офицеров, давших подписку о неучастии в войне и поэтому отпущенных на родину (такой вариант предусматривался условиями капитуляции). По возвращении с Дальнего Востока, благодаря сокращению сроков службы для участников обороны Порт-Артура, А. А. Буторин был уволен в запас флота, где официально числился со 2 июня 1905 г. по 1 марта 1906 г.²⁵ По сведениям Н. Л. Подгурского, в это время бывший минёр находился на службе у «августейшего моряка» — великого князя Александра Михайловича: сначала помощником шофёра, а затем и шофёром. Однако размеренная гражданская жизнь не пришлась герою-моряку по душе, и он упросил великого князя разрешить ему вернуться в строй²⁶.

1 марта 1906 г. минный квартирмейстер А. А. Буторин был принят на сверхсрочную службу в 7-й флотский экипаж, 1 июля переведён в 3-й экипаж и зачислен в команду броненосного крейсера «Громобой», 19 декабря переведён в 12-й экипаж с оставлением на «Громобое», а 22 мая 1907 г. зачислен в команду лёгкого крейсера «Богатырь» и в 1-й флотский экипаж. Если «Громобой» в 1906 г. в море не выходил, то летнюю кампанию 1907 г. А. А. Буторин провёл в плавании на «Богатыре». При этом он быстро рос в чинах: 22 сентября 1906 г. приказом по морскому ведомству № 253 произведён в минные кондукторы (видимо, открылась свободная вакансия), а 12 июня 1907 г. «за отличия в делах, оказанные против неприятеля» — в подпоручики по Адмиралтейству²⁷.

Таким образом, бывший матрос А. А. Буторин за свои несомненные боевые заслуги стал офицером береговой службы российского военно-морского флота, что в те времена случалось нечасто. Обращает внимание и его возраст в момент чинопроизводства: 27 лет. Обычно выходцы из нижних чинов достигали офицерских званий в более зрелые годы. Однако присвоение нового чина по Адмиралтейству таило в себе существенный для А. А. Буторина недостаток: такие офицеры крайне редко попадали в плавсостав основных сил флота.

Уже 18 сентября 1907 г. подпоручик Буторин был переведён с уходящего в дальнее плавание «Богатыря» в Учебно-минный отряд, где 22 сентября зачислен в вооружённый резерв на учебное судно «Николаев»²⁸.

А далее в его только начавшейся офицерской карьере происходит неожиданный поворот. 30 января 1908 г. командиру Архангельского дисциплинарного экипажа, капитану 1 ранга А. И. Берлинскому, из Санкт-Петербурга был направлен запрос: «Главный Морской штаб... просит уведомить — желаете ли Вы назначения во вверенный Вам экипаж... подпоручика по Адмиралтейству Буторина, желающего этого назначения и имеющего очень хорошую аттестацию, но произведённого из минных кондукторов лишь 12 июня прошлого года»²⁹. Поскольку А. И. Берлинский ещё 14 января доносил в Главный морской штаб о нехватке в экипаже нижних чинов и офицеров, он сразу согласился с этим предложением, и циркуляром Главного морского штаба № 46 от 11 февраля 1908 г. А. А. Буторин был переведён на службу в Архангельский дисциплинарный экипаж³⁰.

Высказанное А. А. Буториным желание служить в столь отдалённой и специфической воинской части, размещавшейся в архангельской Соломбале и сочетавшей функции флотского экипажа и матросской тюрьмы³¹, вызывает некоторое недоумение. Вероятно, привыкшего к риску в боях и к службе на современных кораблях А. А. Буторина тяготила монотонная служба в вооружённом резерве на переоборудованном торгово-пассажирском пароходе. Но, видимо, существовала ещё одна важная побудительная причина: А. А. Буторин дважды — и в Кронштадте, и в Архангельске — ходатайствовал о выдаче ему подъёмных в размере годового оклада, которые выплачивались офицерам дисциплинарного экипажа при его переводе из Кронштадта в Архангельск в 1907 г. Однако, поскольку А. А. Буторина назначили в экипаж, когда тот уже официально размещался в Архангельске, в получении подъёмных ему было отказано³²: вполне законно, хотя и не вполне справедливо. Таким образом, получавшему отнюдь не небольшое жалованье (820 рублей в год) под-

поручику Буторину не удалось упрочить своё финансовое положение, и довелось испытать на новой службе первое серьёзное разочарование.

Выехав из Кронштадта 28 февраля, А. А. Буторин 5 марта явился в Архангельский дисциплинарный экипаж, где в тот же день был зачислен в 1-ю роту³³. 12 марта он впервые назначается дежурным офицером по экипажу, и вот тут-то ему довелось самым отчётливым образом осознать, куда он попал. Именно в этот день в 1-й роте вспыхнул бунт: заключённые предъявили требования по облегчению своего положения, вышли из повиновения и оказали своим начальникам сопротивление, подавленное только с участием пехотных частей. Впоследствии зачинщики выступления были приговорены к многолетним каторжным работам. О действиях А. А. Буторина при ликвидации беспорядков информации не имеется, но, возможно, именно вследствие этого события он 17 марта был переведён младшим офицером во 2-ю роту³⁴. Эта должность стала последней в послужном списке А. А. Буторина.

13 мая А. А. Буторин подал А. И. Берлинскому рапорт: «Доношу Вашему Высокоблагородию, что заболел сего числа, службу Его Императорского Величества исполнять не могу». Осмотревший больного экипажный врач Фёдоров сообщил: «Освидетельствовав подпоручика Буторина, я нашёл, что он страдает нервным расстройством (неврастенией), сопровождающимся ежедневными головными болями и общим упадком сил», и рекомендовал ненадолго освободить его от несения служебных обязанностей³⁵. О том, что врач в диагнозе не ошибся, косвенно свидетельствует и приказ А. И. Берлинского от 23 апреля: «Подпоручик Буторин позволил себе вести разговор в недостаточно дисциплинарном чинопочитании со штабс-капитаном Никулиным, за что объявляю подпоручику Буторину строгий выговор»³⁶.

То, что отличавшийся завидным хладнокровием в боевых условиях А. А. Буторин в мирное время стал превращаться в неврастеника, заставляет серьёзно задуматься. Видимо, береговая служба в дисциплинарном экипаже, с её строжайшим и незыблемым распорядком, совсем не соот-

ветствовала складу его характера. Столь привычному к риску человеку нужна была война или хотя бы служба на море. Он явно относился к числу тех воинов-героев, которые, изведав азарт боя, уже не могут найти себе достойного применения в мирной жизни.

15 мая А. А. Буторина было приказано «числить больным при квартире», но его деятельная натура не могла вынести домашнего безделья. Уже 17 мая он подал рапорт о выздоровлении, и в тот же день вернулся на службу³⁷. А нехватка привычных ему острых ощущений вскоре привела к чрезвычайно оригинальному поступку: по свидетельству экипажного священника о. Николая (Дьякова), в июле «...на большой охоте на Северной Двине Андриан Андрианович Буторин решился поймать голыми руками гагару на воде и, ныряя с дальнего расстояния, действительно подобрался к птице и схватил её. Он остался победителем в терпении, выносливости и в знании характера этой осторожной птицы. Победителем вышел и перед своими оппонентами, товарищами по охоте»³⁸. Подобное деяние «на спор» лишний раз свидетельствует, что энергичному офицеру в мирное время было нестерпимо скучно.

Тем временем круг полномочий А. А. Буторина в экипаже постепенно расширялся. 24 июля он был назначен делопроизводителем экипажного суда и следственной комиссии, на следующий день принял соответствующие дела³⁹. Однако уже 29 июля вновь подал командиру экипажа рапорт о болезни. На этот раз дела обстояли куда плачевнее: документ был написан А. А. Буториным даже не собственноручно⁴⁰. Но, видимо, исходя из майского диагноза рапорт не был принят всерьёз, и больной офицер назначен дежурным по экипажу 1 августа — в годовщину переезда экипажа в Архангельск⁴¹. По воспоминаниям Н. Дьякова, на дежурстве Адриан Андреевич чувствовал себя очень плохо, но отказался даже поставить градусник, стоически дотерпев свою последнюю службу до конца⁴².

Задержка с началом лечения сыграла крайне скверную, а может, и роковую роль. Лишь 5 августа последовал при-

каз А. И. Берлинского: «заболевшего подпоручика Буторина предписываю числить больным с 3 сего августа». Именно 3 августа А. А. Буторин поступил в Архангельский местный военный лазарет со страшным диагнозом: «брюшной тиф». Адриан Андреевич стал жертвой эпидемии, вспыхнувшей в дисциплинарном экипаже в июле-августе 1908 г. и унесшей жизни нескольких матросов⁴³.

Организм молодого, едва перешагнувшего 29-летний рубеж офицера боролся со смертельной инфекцией более месяца. И всё же 10 сентября 1908 г. из Соломбалы в Главный морской штаб полетела сухая и деловая телеграмма А. И. Берлинского: «Подпоручик по Адмиралтейству Андриан Буторин сегодня скончался местном военном лазарете прошу о назначении пособия на погребение»⁴⁴. Направленным на следующий день рапортом командир экипажа уточнил, что А. А. Буторин скончался от тифа в 11 часов утра⁴⁵. За полторы минуты до смерти, по свидетельству Н. Дьякова, умирающий успел причаститься⁴⁶. Погребение тела Адриана Андреевича Буторина состоялось 12 сентября на Соломбальском кладбище Архангельска⁴⁷. Могила до наших дней не сохранилась.

Ни семьёй, ни каким-либо недвижимым имуществом за свою короткую жизнь А. А. Буторин обзавестись не успел⁴⁸. По сути, единственное, что он оставил после себя — благодарная память соотечественников. И это, согласитесь, немало.

Примечания

¹ Все даты в тексте даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

² Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 11. Д. 317. Л. 507 об.–508. За указание на источник благодарю Д. А. Пшеницына.

³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 461. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 936. Оп. 1. Д. 75. Л. 128 об.

⁵ Морской устав 1899 г. СПб.: тип. Морского министерства, 1899. С. 324.

⁶ Подгурский Н. Л. Из воспоминаний об осаде Порт-Артура // Военный сборник. 1909. № 1. С. 209.

⁷ Виноградов С. Е., Федечкин А. Д. Броненосный крейсер «Баян». СПб.: Галера-Принт, 2005. С. 59.

⁸ Подгурский Н. Л. Указ. соч. С. 209.

⁹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 461. Л. 1 об.; Подгурский Н. Л. Указ. соч. С. 199.

¹⁰ Виноградов С. Е., Федечкин А. Д. Указ. соч. С. 129–130; Крестьянинов В. Я. Морская минная война у Порт-Артура: Минные и противоминные действия русского флота при обороне Порт-Артура в 1904 г. СПб.: Издатель М. А. Леонов, 2006. С. 53; Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Броненосные крейсера типа «Баян» // Морская коллекция. 1997. № 3. С. 15.

¹¹ Подгурский Н. Л. Указ. соч. С. 194.

¹² Там же. С. 202.

¹³ Знак отличия военного ордена Св. Георгия: Списки пожалованным за Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: [Б.и.], 2006. С. 1071.

¹⁴ Подробно см.: Подгурский Н. Л. Указ. соч. С. 199–208.

¹⁵ Знак отличия военного ордена... С. 106, 210.

¹⁶ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия сухопутных войск. Сборник документов. М.: Воениздат, 1941. С. 318.

¹⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Т. VIII. Оборона Квантуна и Порт-Артура. Ч. 2. От начала тесного обложения до конца осады (17 июля — 20 декабря 1904 года). СПб.: тип. И. Шурухт, 1910. Приложения. С. 82–83.

¹⁸ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии для описания действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Кн. 4. Действия флота на южном театре и действия морских команд при обороне Порт-Артура после морского сражения в Жёлтом море 28 июля (10 августа) 1904 г. до конца осады крепости. Пг.: тип. В. Д. Смирнова, 1916. С. 116.

¹⁹ Лутонин С. И. На броненосце «Полтава» в русско-японскую войну. СПб.: Издатель Р. Р. Муниров, 2009. С. 52.

²⁰ Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М.: Воениздат, 1948. С. 310–311.

²¹ Степанов А. Н. Порт-Артур. Кн. 2. М.: Советская Россия, 1978. С. 225.

²² История русско-японской войны 1904–1905 гг. М.: Наука, 1977. С. 228.

²³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 461. Л. 3 об.

²⁴ Там же. Ф. 936. Оп. 1. Д. 75. Л. 128 об., 136 об.

²⁵ Там же. Ф. 406. Оп. 9. Д. 461. Л. 3.

²⁶ *Подгурский Н.Л.* Указ. соч. С. 209.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 461. Л. 1 об.–2, 4.

²⁸ Там же. Ф. 936. Оп. 1. Д. 75. Л. 129.

²⁹ Там же. Д. 74. Л. 67.

³⁰ Там же. Л. 4, 79; Д. 75. Л. 129.

³¹ Подробно см.: *Бочаров А.А.* Из истории Архангельского флотского дисциплинарного полуэкипажа (1907–1916) // *Защитники Отечества. Материалы XIX региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике.* Архангельск: Правда Севера, 2006. С. 25–35.

³² РГАВМФ. Ф. 936. Оп. 1. Д. 79. Л. 41.

³³ Там же. Д. 74. Л. 80; Д. 130. Л. 53 об.

³⁴ Там же. Д. 130. Л. 57 об., 58 об., 61; *Бочаров А.А.* Указ. соч. С. 31–32.

³⁵ РГАВМФ. Ф. 936. Оп. 1. Д. 75. Л. 64–64 об.

³⁶ Там же. Д. 130. Л. 85 об.

³⁷ Там же. Д. 73. Л. 5; Д. 130. Л. 100, 100 об.

³⁸ Цит. по: *Подгурский Н.Л.* Указ. соч. С. 209–210.

³⁹ РГАВМФ. Ф. 936. Оп. 1. Д. 130. Л. 154–154 об.

⁴⁰ Там же. Д. 73. Л. 18.

⁴¹ Там же. Д. 130. Л. 158, 160.

⁴² *Подгурский Н.Л.* Указ. соч. С. 210.

⁴³ РГАВМФ. Ф. 936. Оп. 1. Д. 75. Л. 100, 105 об., 110, 124–125 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1291. Л. 85.

⁴⁵ Там же. Л. 77; Ф. 936. Оп. 1. Д. 82. Л. 15.

⁴⁶ *Подгурский Н.Л.* Указ. соч. С. 210.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 936. Оп. 1. Д. 75. Л. 103.

⁴⁸ Там же. Ф. 406. Оп. 9. Д. 461. Л. 3 об.

Емелин А. Ю.

**Исторические журналы кораблей и соединений
периода Русско-японской войны 1904–1905 гг.:
от официоза к человеческим эмоциям**

Интересным и в ряде случаев весьма информативным видом исторических документов являются исторические журналы кораблей и соединений. Мы знаем их с конца XVIII века.

Можно предположить, что предтечей своей они имеют журналы выдающихся деятелей: журнал Корнелиуса Крюйса¹, «журнал» вице-адмирала Якова Саввича Барша за 1707–1755 гг.², журнал Самуила Карловича Грейга периода 1-й Архипелагской экспедиции³ и др. — фактически дневники, но содержащие почти исключительно описания служебных событий, без эмоциональных нюансов.

Вероятно, первый исторический журнал эскадры вёлся на Каспийском море в 1781–1782 гг. естествоиспытателем и географом, членом-корреспондентом Петербургской академии наук К. И. Габлицем; он же стал первым опубликованным документом этого рода⁴.

Говоря же об исторических журналах кораблей и соединений, можно вспомнить интереснейший источник о действиях эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова в Средиземном море в 1798–1800 гг. Он имеет самоназвание: «Описание Путешествия и действий противу неприятеля встречавшихся вспомогательной Эскадре Его Императорского Величества, отправленной к Блистательной Порте Оттоманской в Архипелаг и в Средиземное море под предводительством Вице-Адмирала и Кавалера Ушакова», однако фактически это исторический журнал

в классическом варианте: вёлся специально назначенным человеком (капитан-лейтенантом С. М. Телесницким), включал в себя подневные записи с описанием действий эскадры и отдельных отрядов, имел приложения в виде документов (рапортов, приказов и т.д.), по завершении был заверен составителем и, кроме того, самим адмиралом Ф. Ф. Ушаковым⁵. Следует отметить, что официально должность историографа была введена в нашем флоте в 1797 г. с утверждением императором Павлом I «Устава военного флота».

В те же годы на эскадре М. К. Макарова вёлся «Исторический журнал путешествия и встречавшихся случайностей флота Его Императорского Величества, бывшего у берегов Англии под главным начальством вице-адмирала и кавалера Макарова 1798–1800 гг.»⁶.

Известный историк А. С. Кротков в 1907 г. опубликовал одну из тетрадей «Краткого исторического журнала, ведённого на корабле “Скором”, под командою флота г. капитана 1-го ранга и кавалера Шельтинга г. капитан-лейтенантом Кожиним 1 в кампанию 1806 г.»⁷.

Обращаясь к документам XIX в., мы видим уже достаточно большое количество исторических журналов отдельных кораблей, отрядов и эскадр, которые велись во время учебных⁸ или дальних плаваний⁹. Большая часть таких журналов второй половины XIX в. хранится в Ф. 870 — Вахтенные и шканечные журналы (коллекция). Информативным источником по истории участия русского флота в подавлении Боксёрского восстания в Китае является «Исторический журнал Морского походного штаба командующего Морскими силами Тихого океана во время военных действий в Китае при подавлении Ихэтуаньского восстания»¹⁰.

Ведение исторических журналов на эскадрах и отрядах предписывалось «Морским уставом» 1885 г. Статьи 126 (Примечание 2) и 135 указывали начальникам штабов лично «вести исторический журнал всем действиям флота и происшествиям на нём»; там же, где при флагманах не было начальников штаба или флаг-капитанов, эта обязанность возлагалась на старших флаг-офицеров¹¹.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. исторические журналы должны были вестись на всех кораблях, отрядах и эскадрах. В большинстве случаев — не велись или велись формально. Пока не удалось выяснить, был ли какой-либо единый документ, предписывающий, как именно следовало вести исторические журналы. Нам известны два локальных документа, составленные уже в ходе Русско-японской войны: «Указания для ведения исторических журналов на судах», утверждённые приказом командующего флотом в Тихом океане № 116 от 6 июля 1904 г.¹², и документ с тем же названием, подписанный старшим флаг-офицером походного штаба командующего 2-й эскадрой флота Тихого океана лейтенантом Е. В. Свенторжецким не позднее 5 октября 1904 г.¹³ Отметим, что второй документ является полной копией первого, лишь с некоторыми синтаксическими нюансами и с исправлением последнего абзаца с указанием — куда сдавать заполненные журналы.

Интересно, что «Указания...» составлены достаточно живо, вовсе не канцелярским языком — той же живости и творчества составитель хотел и от ответственных за ведение журналов офицеров. «Жизнь и деятельность корабля могут быть столь разнообразны, что определить точные рамки, в которые должен укладываться способ ведения исторического журнала — невозможно. При его ведении надо не столько раздумывать о форме, в которой следует записать тот или другой случай, сколько о том, чтобы достигнуть общей цели, для которой пишется журнал. <...> Записи не должны носить характера статистики, т.е. сухой отметки о происшедшем случае. Не следует пренебрегать никакими подробностями — иногда самая незначительная подробность ярко освещает характер всего явления или отношения к нему участвующих в нём или наблюдающих его со стороны лиц». Показательно, что журналы рекомендовалось иллюстрировать фотографиями и схемами. («Командирам и старшим офицерам вменяется в обязанность заботиться о том, чтобы имеющийся на корабле казённый фотографический аппарат был в полной мере использован для иллюстрации жизни корабля.

В историческом журнале будут далеко не лишними портреты и группы, как офицеров, так и нижних чинов, сцены из судовой жизни и т. п. Офицеры, имеющие собственные фотографические аппараты, конечно, не преминут содействовать тому, чтобы иллюстрации к историческому журналу были как можно более полными и интересными»..) Для этого, в частности, специально указывалось, что журнал должен вестись лишь на одной стороне листа, чтобы с другой была возможность позднее поместить иллюстрации. Для пояснения пожеланий к ведению журнала были использованы примеры из опыта похода Владивостокского отряда крейсеров к Корейскому проливу 30 мая — 7 июня 1904 г. Можно предположить, что «Указания...» были составлены или начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане капитаном 2 ранга Н. Л. Кладо, или флаг-капитаном того же штаба капитаном 2 ранга К. В. Стеценко.

До нас в подлинниках и копиях дошёл целый ряд исторических журналов, которые велись во время обороны Порт-Артура, во Владивостоке, на 2-й эскадре флота Тихого океана. Из них наиболее информативными с точки зрения насыщенности сведениями являются журналы, которые велись на различных отрядах флаг-офицерами или флаг-капитанами. Но период, когда исследователи смотрели на документы Русско-японской войны с точки зрения содержащегося в них нарратива — давно прошёл. Наибольший интерес представляют оценки и объяснения, почему что-либо было сделано так, а не иначе.

И здесь мы приходим к тому, что начинаем в официальных документах искать черты документов личного происхождения. И чем более неординарной личностью был составитель исторического журнала — тем большую ценность журнал приобретает для исследователя.

Пожалуй, самым известным и использованным из исторических журналов Русско-японской войны является журнал крейсера I ранга «Россия». Позаимствованные из него факты и цитаты содержатся в известном исследовании В. Е. Его-

рьева¹⁴ и трудах Р. М. Мельникова¹⁵, оттуда они перекочевали, например, в книги С. Г. Самченко и Б. В. Юлина¹⁶.

Нередко, например, приводится такая цитата из весьма подробного описания событий на «России» во время боя русских крейсеров с японскими утром 1 августа 1904 г.: *«В батарейной палубе почти у каждого орудия лежала груда тел; не смотря на это и [то], что появление на правом борту батарейной палубы на последнем галсе значило почти верную смерть, прислуга орудий левого борта по первому же призыву лейтенанта Моласа весело бежала на назначенное ей место и самоотверженно исполняла свой долг, пока и её не укладывало тут же»*¹⁷.

Другая постоянно используемая цитата связана с тем, что крейсера «Россия» и «Громобой» не смогли защитить третий, более старый крейсер «Рюрик», оставили его и прорвались во Владивосток: *«— Куда мы идём и не бросили ли мы “Рюрика”? — беспокойно требовали ответа эти израненные и измученные люди. Приходилось скрепя сердце отвечать, что мы отвлекаем неприятеля, чтобы дать возможность “Рюрику” исправить свои повреждения и идти на север. Но, в сущности, этому мало кто верил»*¹⁸.

Во всех книгах, цитирующих исторический журнал «России», сказано, что его автором был мичман князь Александр Александрович Щербатов. Эту информацию необходимо проверить, а также посмотреть на документ с источниковедческой точки зрения.

Для начала отметим, что подавляющее количество известных нам исторических журналов не имеют подписи составителя. В качестве редкого исключения укажем на исторический журнал заведующего морской и минной обороной Порт-Артура периода его осады — в конце документа есть сделанная в 1908 г. бывшим старшим флаг-офицером Н. Е. Львовым соответствующая запись¹⁹.

Рукопись исторического журнала «России» за 1904 г. в архиве отсутствует. В фонде крейсера имеются два почти идентичных машинописных экземпляра журнала²⁰, один из которых заверен мичманом князем А. А. Щербатовым²¹.

Экземпляры, вероятно, отпечатаны в 1905 г. Другая, более поздняя машинописная копия, содержащая записи за 1904–1905 гг., хранится в Ф. 763, где до недавнего времени она имела ошибочную атрибуцию как дневник мичмана Б. М. Страховского.

Исторический журнал «России» начинается с 18 января 1904 г., но первые записи очень кратки. Автор оживляется при описании боевых походов крейсеров, но периоды нахождения корабля во Владивостоке описаны скупо, основной объём занимают тексты включённых в журнал приказов и циркуляров.

Эмоциональной встряской для офицеров стала посадка на камни 2 мая 1904 г. крейсера «Богатырь» и последовавшая за этим эпопея по охране и спасению корабля. Вот запись за 2 мая: «*“Богатырь” ушёл в море под флагом адмирала Иессена. Стоял густой туман. Вечером пришёл с “Богатыря” катер с мичманом Аквилоновым, который под секретом передал старшему офицеру и командиру, что “Богатырь” с 10-узлового хода в густом тумане наскочил на камни у мыса Брюса*»²². Стиль записей на время оживляется. Сложно представить в официальном рапорте такие подробности:

«6 мая. Послали шлюпки и команду помогать богатырцам. Наша команда главным образом помогала сгружать орудия и устанавливать батарею на берегу.

*Сухопутным артиллеристам было поручено втащить на Брюс богатырские 75-мм орудия, однако они остановились перед ними в недоумении и говорили, что такие большие пушки на подобную кручу втащить невозможно, тогда это было поручено лейтенанту барону Гревеницу, который при помощи наших комендоров и кондуктора Шолохова срезал спуск, обделал орудия досками и талями, и, втащив их на гору, установил на место»*²³.

В дальнейшем сведения о майских событиях снова сокращаются, пока не наступает описание похода первых чисел июня — вновь с живыми подробностями «охоты» на японские транспорты.

Встречаются записи, являющиеся, по-видимому, отголосками оживлённых обсуждений в кают-компании. Например, стоянка во Владивостоке в период с 7 по 14 июня описана весьма кратко, но содержит вот такую подробность:

«Очень скверно отзывались на машинной команде и, особенно, на кочегарной усиленные работы после похода, ибо кочегарная команда, стоя на ходу на две вахты, при весьма трудных условиях поддержания пара, благодаря дурному качеству угля и неисправности холодильника, вызывавшего большой процент солёности воды в котлах, сильно уставала. Придя на якорь, люди находили не отдых, а новую усиленную работу, притом ещё ночную, так что в новый поход кочегарная команда выходила обессиленная и уставшая»²⁴.

Конечно, наиболее живо и подробно описаны трагические события боя русского отряда с эскадрой контр-адмирала Камимурэ 1 августа 1904 г. (30 листов машинописного текста!). Не случайно две машинописные копии страниц исторического журнала крейсера «Россия» с описанием событий того дня вложены в дело об этом бое в фонде штаба командующего Отдельным отрядом судов Тихого океана²⁵.

При этом обращает на себя внимание цитирование в февральских и более поздних записях дневника боцмана Щенникова, «впоследствии убитого в бою 1 августа 1904 г.»²⁶, что явно говорит о переработке текста или о его составлении уже после боя в Японском море. Известно, что князь Щербатов был назначен на «Россию» лишь 23 апреля 1904 г. — значит, журнал вёлся до него, и возложили на него эту обязанность скорее всего не сразу. Когда же?

Ответ содержится в письмах князя А. А. Щербатова к его невесте, княжне Софье Васильчиковой (их переписка выдержала уже два издания, второе — существенно расширенное²⁷). В письме от 23 августа 1904 г. Щербатов пишет, что после боя 1 августа ему пришлось «...за ранами и убылью товарищей <...> принять младшее штурманство, роту, исторический журнал и многие другие обязанности неофициально...»²⁸. Имея такую прекрасную «защепку», находим в книге приказов командира «России» приказ от 5 августа

1904 г., в котором указано, что в связи с ранением во время боя 1 августа 1904 г. младшего штурманского офицера мичмана А. В. Домбровского мичману князю А. А. Щербатову предложено вступить в исполнение обязанностей младшего штурманского офицера крейсера, а также «принять на себя ведение исторического журнала, все дела и служебные обязанности, касавшиеся мичмана Домбровского»²⁹.

Продолжив чтение писем, узнаём, что исторический журнал был «запущен» — в одном из писем сказано, что с марта, в другом — что с февраля³⁰. Итак, журнал был начат Алексеем Домбровским, потом фактически заново, путём опроса других офицеров, цитирования приказов и на основе личных впечатлений составлен князем Щербатовым *в августе–сентябре 1904 г.*, а затем уже заполнялся регулярно.

Надо сказать, что в фонде «России» сохранилось два машинописных экземпляра исторического журнала за январь–апрель 1905 г., заверенные мичманом князем А. А. Щербатовым³¹. В фонде № 870 сохранился рукописный журнал за период с 1 мая по 31 августа 1905 г.³²

К этому периоду в молодом офицере накопилось много эмоций и переживаний. Очевидно, что бесед в кают-компании и писем к невесте было уже недостаточно. На страницах исторического журнала всё больше прорываются оценки, данные мичманом другим офицерам, в первую очередь — старшим офицерам корабля, от которых в первую голову зависела организация корабельной жизни.

Например, возвращаясь летом 1905 г. к событиям 1904 г., Щербатов писал о бывшем командире корабля капитане 1 ранга А. П. Андрееве и старшем офицере В. И. Берлинском, погибшем в бою 1 августа: *«Во время командования крейсером капитана 1-го ранга Андреева всё держалось на В. И. Берлинском, ибо Андреев — человек больной и страшно нервный, кроме того ничем, кроме старых корветов, не командовал, и потому, придя на “Россию”, весьма часто попадал впросак. Например, в один из первых дней по приезде, выйдя на палубу вечером, он спросил вахтенного начальника, назначены ли ко всем огням дневальные и имеются ли у этих*

дневальных мокрые швабры и вёдра с песком, причём, когда вахтенный начальник с удивлением ответил, что ничего подобного не сделано, то напустился на него, и только тогда успокоился, когда ему сказали, что у нас ведь электрическое освещение»³³.

Картины судовой жизни также становятся более эмоционально окрашенными: «1 февраля 1905 г. <...> Работы, производящиеся портом, идут очень вяло, отчасти благодаря малому количеству рабочих, отчасти благодаря беспробудному пьянству тех немногих, которые имеются, отчасти благодаря слабому оборудованию Владивостокского порта. Несмотря на то, что к постройке казематов приступили около месяца, до сих пор поставили только боковые стенки у левого каземата, и то не окончательно...»³⁴.

В записях видно всё усиливающееся разочарование в начальстве, как морском, так и сухопутном:

«21 февраля. <...> Одна из подводных лодок по распоряжению сухопутного начальства отправилась к берегам Кореи с целью узнать, производится ли там высадка японцев или нет. Лодка была без мин, так как они ещё не доставлены из Петербурга. Эта экспедиция вызвала усиленные прения в кают-компании. Преобладающее мнение было, что подобная командировка подводной лодки ни чем не может ни оправдаться, ни объясниться, кроме как подчинением морских сил сухопутному начальству. Посылка осуждалась в принципе как неправильное, бесполезное и рискованное употребление средств борьбы мало исследованных, имеющих свое специальное точно определённое назначение и имеемых в ограниченном только количестве, и к тому же мало пригодных для разведочной службы. Лодка должна была проверить слух о высадке 2000 японцев у Кенг Шена. Удивлялись морскому начальству, допустившему подобную экспедицию»³⁵.

Абсолютно дневниковый характер имеет запись от 1 июня 1905 г.: «...произошло событие, подействовавшее на всех как большая победа. Пришло известие об удалении с поста главного начальника морского ведомства великого князя Алексея Александровича. Настроение было у всех, как после

поражения японцев. Ходили из каюты в каюту и поздравляли друг друга. Снова зародились проекты, надежды на будущее флота, снова все поверили в будущее. Однако боялись, как бы не назначили великого князя Александра Михайловича главным начальником. Надеялись, что будет ответственный министр»³⁶.

В описании апрельского похода к берегам Японии содержатся интересные подробности опытов с привязным змейковым азростатом, а также с новыми установками радиотелеграфа. Ценным дополнением является цветная детальная схема вспомогательной противоосколочной защиты, устроенной на крейсере³⁷.

В скобках заметим, что выработавшейся привычке к привнесению в исторический журнал эмоциональной составляющей князь А. А. Щербатов не изменил и в 1906–1907 гг., когда являлся флаг-офицером штаба командующего Отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами.

К сожалению, исторический журнал крейсера «Громобой», участвовавшего в тех же событиях, что и «Россия», за 1904 год не выявлен. В фонде крейсера сохранился журнал за период с 1 января 1905 г. по 6 февраля 1906 г.³⁸ Он не имеет подписи, и заполнен до 23 июня (6 июля н.ст.) 1905 г. одним почерком. Можно предположить, что в первой половине года журнал вёл младший артиллерийский офицер лейтенант Н. Н. Гобято, переведённый 28 июля 1905 г. на крейсер II ранга «Алмаз» (совпадают инициалы «ГН» на обложке).

Завершая тему Владивостокского отряда крейсеров, стоит упомянуть обширный «Исторический журнал штаба командующего Отрядом крейсеров» за 1905–1906 гг., содержащий много сведений за последний период войны и о возвращении кораблей в Россию. В документе имеется ставшая уже классической зарисовка кормовой части японского броненосного крейсера «Ивате», выполненная со слов мичмана Г. К. Лемана в сентябре 1905 г. во время переговоров об условиях перемирия на море, — на схеме красным цветом обозначены заделанные пробойны от снарядов раз-

личных калибров, полученные, предположительно, в ходе Цусимского сражения³⁹.

Из исторических журналов 2-й и 3-й эскадр флота Тихого океана выделим два — крейсеров «Аврора» и «Алмаз».

Подлинный журнал «Авроры» хранится на самом крейсере, в филиале Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого. В находящемся в РГАВМФ фонде корабля имеется сделанная в советский период фотокопия документа. Перед журналом помещена копия уже упоминавшихся «Указаний для ведения исторических журналов на судах», подписанная Е. В. Свенторжецким. На первом листе — резолюция командира «Авроры» Е. Р. Егорьева: «Ревизору выдать книгу, в которую приложить эту инструкцию. Отдать приказ по судну, обязав ст[аршего] шт[урманского] офицера вести журнал согласно этих правил. 6 окт[ября]. К[апитан] 1 р[анга] Егорьев»⁴⁰. И действительно, до 11 мая 1905 г. журнал заполнен одним почерком — как известно, старший штурманский офицер корабля лейтенант К. В. Прохоров был ранен в Цусимском сражении 14 мая 1905 г., и кто вёл журнал далее — пока не ясно. Стоит заметить, что это — единственный известный нам исторический журнал за период Русско-японской войны, который проиллюстрирован фотографиями.

Исторический журнал крейсера II ранга «Алмаз» не избалован вниманием исследователей, но его значение в ином — он стал основой для известной книги мемуаров. Дело в том, что его автор, хоть и не указал себя в документе, известен точно — прапорщик по морской части князь А. П. Чегодаев-Саконский.

Алексей Павлович родился 9 марта 1875 г. в Казанской губернии, в 1896 г. окончил Императорский Александровский лицей, после чего в мае того же года поступил на флот юнкером. Надо сказать, что очень немногие питомцы этого престижного учебного заведения выбрали такое начало службы — за 1890-е гг. таких насчитывалось всего девять, из них до штаб-офицерских чинов дослужились только три. Большинство остальных ушли на гражданскую службу вско-

ре после сдачи экзаменов и получения мичманских звёздочек. Чегодаев-Саконский избрал другой путь — прослужив два года (плавал на учебном судне «Верный», крейсере I ранга «Генерал-адмирал», броненосцах береговой обороны «Адмирал Сенявин» и «Адмирал Ушаков», побывал в Испании и Германии, на Канарских островах и на Барбадосе), был зачислен в запас с производством в квартирмейстеры. В начале Русско-японской войны призван из запаса, 3 мая 1904 г. выдержал экзамен на чин прапорщика запаса по морской части перед Кронштадтской портовой комиссией. Как и следовало ожидать от выпускника Лицея, единственную наивысшую оценку (12 баллов) Алексей Павлович получил по русскому языку. Познания по навигации и минному делу заслужили оценки в 9 баллов, по уставам, морской практике, огнестрельному оружию, артиллерии и паровой механике — в 8 баллов, а за мореходную астрономию вообще поставили «шестёрку»⁴¹. Конечно, никто не ожидал найти в шесть лет назад ушедшем с флота человеку обширных знаний, для присвоения чина прапорщика среднего балла 8,5 было вполне достаточно. Соответствующий высочайший приказ по флоту и морскому ведомству вышел 24 мая. 8 июня князь был назначен на старую канонерскую лодку «Гроза», а 2 августа переведён вахтенным офицером на крейсер II ранга «Алмаз» из состава спешно готовившейся к отправке на театр боевых действий 2-й эскадры флота Тихого океана. Вероятно, учтя необычное для моряка образование Алексея Павловича (все-таки 12 баллов по русскому языку!), начальство поручило ему, помимо прочих обязанностей, вести исторический журнал крейсера. Нет сомнений, что именно исполнение данного поручения и подтолкнуло князя к созданию в последующем книги воспоминаний, которая впервые увидела свет в 1910 г.⁴² При подготовке второго издания мемуаров бросалось в глаза, что в их основе, несомненно, лежали ежедневные записи. Тогда-то и было обращено внимание на исторический журнал «Алмаза»⁴³.

Естественно, что книга оказалась существенно полнее и богаче исходного документа, который зачастую похож на

сокращённый вахтенный журнал. В тексте есть подчистки отдельных словосочетаний и фраз, исправления (например, при описании возвращения пьяной команды 31 октября 1904 г.)⁴⁴. Тем не менее, многие фразы перекочевали в книгу без изменений, или с небольшими поправками.

В нескольких случаях записи в журнале оказались полнее и эмоциональнее книги и были использованы при составлении примечаний. Например, в историческом журнале при описании приёма на французском крейсере «Кольбер» сказано: «В душной кают-компании за покрытым сукном столом, с разбросанными по нём коробками сигар и папирос, с неизбежными бокалами шампанского в руках, велась оживлённая, но мало связная беседа»⁴⁵. В книге картина смягчена: «Я был в числе визитёров. Французы встретили нас, насколько могли радушно, т.е. угощали вином, сигарами и болтовнёй»⁴⁶. А вот более яркий пример, связанный с событиями 3 ноября 1904 г., когда, не смотря на увещевания контр-адмирала Д. Г. фон Фелькерзама, команда хорошо «погуляла». В книге читаем: «В жилой палубе началась драка. С полубака свалилось пьяное тело. Попав в воду, матрос пришёл в себя, и его удалось вытащить»⁴⁷. Исторический журнал существенно полнее: «В 7 ч с полубака свалился матрос (Верс). Падение его скорее было услышано, нежели замечено. Плеск у самых иллюминаторов кают-компании встревожил обедавших офицеров, которые бросились на палубу. На полубаке столпилось немало народу. Матрос свалился с правого борта, близ находившегося на шкентеле катера, стоявшего без паров. Немедленно несколько человек, в том числе боцман, спустились на двойку, находившуюся на левом шкентеле. Тем временем упавший был поддерживаем матросом, протянувшим ему руку из иллюминатора. На концах спустились несколько человек, но их помощь оказалась излишней. Буйки, сброшенные немедленно после падения человека за борт, спокойно колыхались у борта. Подошла двойка, и матроса вытащили. Когда его вывели на палубу, он лишился чувств, но не от утомления, а вследствие излишне выпитого на берегу вина»⁴⁸.

По окончании войны князь А. П. Чегодаев-Саконский оставил флот и сделал успешную карьеру: в 1911–1914 гг. был вице-губернатором Эриванской губернии, с 1914 г. — Люблинской. Скончался в Париже, покойся на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа⁴⁹.

В заключение остановимся на судьбе исторического журнала контр-адмирала Р. Н. Вирена за период с 29 июля по 23 ноября 1904 г., когда Роберт Николаевич был флаг-капитаном контр-адмирала князя П. П. Ухтомского, а затем командующим Отдельным отрядом броненосцев и крейсеров, находящихся в Порт-Артуре. При капитуляции крепости флаг-офицеры лейтенант А. В. Стеценко и мичман Д. Г. Андросов разобрали этот журнал на отдельные листы и раздали их по несколько штук многим офицерам для доставки в Россию. В конце 1905 — начале 1906 гг. тем из офицеров, кто не вернул листы, начали посылать письма — напоминания. Отдельные листы поступали до 1908 г., но в итоге журнал удалось собрать почти целиком. Переписку о розыске отдельных листов присоединили к самому историческому журналу⁵⁰.

В целом следует отметить, что большинство из исторических журналов периода Русско-японской войны представляют для исследователей интерес преимущественно с точки зрения проверки или установления конкретных фактов, особенно в случае отсутствия по тем или иным причинам вахтенных журналов кораблей. В то же время те исторические журналы, которые велись «с душой» (вспомним классическую фразу писателя Михаила Анчарова: «Произведение искусства отличается от факта на величину души автора»), не утратят ценности и для будущих исследователей.

Примечания

¹ *Крейс К. И.* Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса, на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа в Азов, на Таганрог и к Керчи, а отуды паки назад к Азову. 1699 г. / Пер. П. Ларионова // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 8. СПб., 1850. С. 369–394.

² «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. Часть первая. 1707–1725 / Публикация В. Г. Геймана // Публичная библиотека им М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды. Сборник 2. Л., 1954. С. 7–74; «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. Часть вторая. 1726–1740 / Публикация В. Г. Геймана // Публичная библиотека им М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды. Сборник 3. Л., 1955. С. 7–49; «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. Часть третья. 1741–1755 / Публикация В. И. Пишвановой // Публичная библиотека им М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды. Т. 1 (IV). Л., 1957. С. 7–117.

³ Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход (1769–1771) // Морской сборник. Т. II. 1849. № 10. С. 645–660; № 11. С. 715–730; № 12. С. 785–818. Другая публикация: Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма / сост. В. Г. Оппоков. М.: Воениздат, 1994. С. 88–130.

⁴ [Габлиц К. И.] Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича / Сочинение К*. Г**. С картою оного моря. М., 1809. XXVIII, 122 с.

⁵ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1064. В архиве имеется ещё один экземпляр с подписью С. М. Телесницкого, а также с пометами Ф. Ф. Ушакова, но без его подписи (Там же. Д. 23). Третий экземпляр журнала представляет собой копию времён Николая I (Там же. Д. 6). Фрагменты исторического журнала опубликованы во 2-м и 3-м томах сборника документов «Адмирал Ушаков» (М. Т. 2 — 1952; Т. 3 — 1956).

⁶ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 181.

⁷ Кротков А. Морская старина // Морской сборник. 1907. № 10. Неоф. отд. С. 1–22.

⁸ Например: «Исторический журнал о плавании практического отряда под командованием вице-адмирала Шанца», 1859–1860 гг. (РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 507), «Исторический журнал Практической эскадры Балтийского моря, контр-адмирал Макаров», 1896 г. (РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 19768) и др.

Укажем и на опубликованные документы: Исторический журнал эскадры броненосных судов под начальством генерал-адъютанта Бутакова: [в кампанию] 1869 [г.]. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1870. 169 с. разд. паг., 7 л. ил.; Исторический журнал эскадры броненосных судов под начальством генерал-адъютанта вице-адмирала Бутакова 1-го, в кампанию 1874 года. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1876. [2], 146, 9 с., 4 л. ил.

⁹ Например: «Исторический журнал (плавания эскадры из Кронштадта в Архипелаг), ведённый капитан-лейтенантом Кадьян. 1827–1831 г.» (РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 64, 65, 66, 67); «Исторический журнал корвета “Витязь”», который вёлся на корабле во время кругосветного плавания 1886–1889 гг. (РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 80); «Исторический журнал крейсера “Россия” за 1897 г.» (РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 20770) и др. В качестве примера опубликованного источника укажем: Лисянский П. Исторический журнал плавания фрегата «Светлана» от Бордо до Копенгагена в 1859 г. // Морской сборник. 1859. № 2. Отд. 2. С. 17–22.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 64; копия: Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52.

¹¹ Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 51, 54.

¹² Копия в историческом журнале крейсера I ранга «Россия»: РГАВМФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 41. Л. 97–100.

¹³ Копии в делах: РГАВМФ. Ф. 726. Оп. 1. Д. 225. Л. 3–5; Ф. 763. Оп. 1. Д. 379. Л. 88–89.

¹⁴ *Егорьев В. Е.* Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939; 2-е изд.: СПб., 2007.

¹⁵ *Мельников Р. М.* «Рюрик» был первым. Л., 1989; Он же. Крейсер I ранга «Россия». СПб., 2007.

¹⁶ *Самченко С. Г., Юлин Б. В.* Потомки последних корсаров. М., 1995; *Юлин Б., Дмитрий Goblin Пучков, Самченко С.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Потомки последних корсаров. СПб., 2018.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 41. Л. 119 об.

¹⁸ Там же. Л. 117 об.

¹⁹ Там же. Ф. 763. Оп. 1. Д. 103. Л. 72.

²⁰ Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 40, 41.

²¹ Там же. Д. 41. Л. 153 об.

²² Там же. Л. 55 об.

²³ Там же. Л. 57 об.

²⁴ Там же. Л. 70 об.

²⁵ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–14 об., 45–58 об.

²⁶ Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 41. Л. 15 об., 16 об. и др.

²⁷ О войне, любви и вере: Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904–1905 гг. / Сост. *А. Е. Федоров, И. Г. Менькова, Д. А. Меньков.* М., Изд-во Православного Свято-Тихвинского гуманитарного университета, 2008. 544 с., илл.; «Всю жизнь продержаться на высоте подвига...»: Из переписки князя А. А. Щербатова и княжны С. С. Васильчиковой. 1904–1905 гг. / Под ред. *А. Е. Федорова.* М.: ЛЕНАНД, 2020. 480 с.

- ²⁸ «Всю жизнь продержаться на высоте подвига...» С. 218.
- ²⁹ РГАВМФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 198. Л. 94 об. — 95.
- ³⁰ «Всю жизнь продержаться на высоте подвига...» С. 220, 230, 244.
- ³¹ РГАВМФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 49, 50.
- ³² Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 63281.
- ³³ Там же. Л. 23.
- ³⁴ Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.
- ³⁵ Там же. Л. 21 об. — 22 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 63281. Л. 17 об.
- ³⁷ Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 52. Л. 145 об. — 146.
- ³⁸ Там же. Ф. 815. Оп. 1. Д. 14.
- ³⁹ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 75. Л. 100. Схема впервые опубликована: *Егорьев В. Е.* Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939. С. 263.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 726. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Ф. 417. Оп. 3. Д. 3249. Л. 13.
- ⁴² *Чегодаев-Саконский А., князь.* На «Алмазе» от Либавы через Цусиму — во Владивосток. М., 1910. 165 с.
- ⁴³ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 5. Д. 1246.
- ⁴⁴ Там же. Л. 37 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 23 об.
- ⁴⁶ *Чегодаев-Саконский А. П.* На «Алмазе» (от Либавы через Цусиму — во Владивосток). 2-е изд. / Предисловие и комм. *А. Ю. Емелина*, биографические комментарии *А. Н. Денисова*. СПб., 2004. С. 12.
- ⁴⁷ Там же. С. 17.
- ⁴⁸ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 5. Д. 1246. Л. 40 об., 41 об.
- ⁴⁹ Императорский Александровский лицей: воспитанники, педагоги и служащие. Биографический словарь / Автор-составитель *В. Н. Рыхляков*. Под ред. *Д. П. Шпиленко*. М.: 2019. С. 502.
- ⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 107. Л. 196–225.

Терещенков Л. Е.

Русско-японская война 1904–1905 гг. в экспозиции Центрального военно-морского музея (1937–1941)

Патриотический поворот 2-й пол. 1930-х гг. ассоциируется в массовом сознании с возвращением имён выдающихся полководцев прошлого и отдельных прогрессивных самодержцев. Роман А. Н. Толстого «Пётр Первый» и одноимённый фильм, кинокартины «Суворов», «Минин и Пожарский» задавали формат нового заинтересованного прочтения дореволюционной истории России, взамен объективизма и социологизма школы М. Н. Покровского¹.

Однако, не менее важной составляющей утверждения нового советского патриотизма, чем работа литераторов и кинематографистов, была экспозиционно-выставочная деятельность музейных работников². Центральному военно-морскому музею (далее — ЦВММ) в силу его «военно-патриотического» характера принадлежало в этом особое место.

Период 1920-х–1930-х гг. в истории музейного дела характерен отсутствием постоянной экспозиции в подавляющем большинстве отраслевых, художественных и краеведческих музеев. Ситуация эта была во многом вынужденной, так как стремительные перемены во всех сферах жизни в короткий промежуток времени могли сделать музейную экспозицию устаревшей, неактуальной, а иногда политически сомнительной и просто опасной³. Однако благодаря именно этой непростой ситуации музейно-выставочная работа приобрела несвойственный ей в позднейшие эпохи динамизм⁴. Особенности представления исторических и социальных реалей в пространстве экспозиции с преобладанием музейных

предметов или, напротив, поясняющих материалов, оказались в центре профессиональных дискуссий музейного сообщества⁵. На примере работы ЦВММ и создания в нём новых тематико-экспозиционных комплексов отчётливо видно изменение историографических оценок, продиктованное сменой политико-идеологических этапов.

В 1920–1921 гг. главные экспозиции музея, хотя и претерпевшие некоторую реорганизацию в 1915 г., сохраняли тот вид, который сложился к 1909 г. Тогда они были построены «по царствованиям». Однако в эти годы из экспозиционных залов изъяли часть портретов императоров и великих князей, а также вещей, ранее им принадлежавших⁶.

В декабре 1924 г. начала работу комиссия по генеральной перестройке музея в свете нового марксистско-ленинского подхода. Комиссия должна была «сделать музей источником политпросветработы и пропаганды Красного Флота».

В этой связи перед музеем ставились три основные задачи: показ истории флота и его значения для истории государства (т. е. России), показ революционного движения на флоте и участия его в Революции 1917 г., показ современного на тот период состояния флота. Достичь этого планировалось организацией четырёх основных экспозиционных отделов:

1. Кораблестроительного.
2. Иллюстративного отдела показа войн.
3. Механического.
4. Отдела Революции и Гражданской войны.

Тематико-экспозиционные комплексы каждого из отделов должны были демонстрировать как общую историю флота, так и давать представление посетителям музея о различных его частях, о корабельном составе, вооружении, технике. Кораблестроительный отдел должен был состоять из четырёх основных разделов, где демонстрировались модели кораблей парусного флота, парового флота, броненосного и, наконец, Красного Флота⁷.

В тот период и позже, после Первого музейного съезда, проходившего в Москве в декабре 1930 г., было рекомендовано строить экспозиции «в форме логических понятий».

Это означало, что музеи должны были уделять особое внимание не демонстрации музейной коллекции, а показывать динамику общественных процессов, для чего предлагалось вводить в экспозиции большое количество вспомогательных музейных материалов: схем, диаграмм, диорам и иллюстративных рисунков.

Реконструкция музея фактически началась в 1929 г. Первый вариант новой, перестроенной экспозиции музея открылся 6 ноября 1933 г. Однако уже следующий 1934 г. внёс значительные коррективы в официальную точку зрения на преподавание гражданской истории и музейную популяризацию исторических знаний. В постановлении ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах» особенно отмечалось, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»⁸. В письме также предлагалось уходить от показа обезличенных схем и абстрактно представленных процессов. Начался период пересмотра руководящими партийными органами методических основ преподавания отечественной, всеобщей и партийной истории. И хотя речь шла, в первую очередь, о подаче материала педагогами средней и высшей школы, музейным работникам также вменялось в обязанность направлять свою работу в соответствии с запросами системы народного просвещения.

В этот переломный момент в ЦВММ приходят новые научные сотрудники, которые должны были создать экспозиционное пространство, отвечающее поставленным целям и задачам. Одним из них был участник Цусимского боя Леонид Васильевич Ларионов (1882–1942). Выпускник Морского кадетского корпуса 1901 года, участник похода Второй Тихоокеанской эскадры и Цусимского сражения на эскадренном броненосце «Орёл». По возвращении из Японии работал несколько лет в Учёном отделе Главного морского штаба по научному разбору документов Русско-японской войны.

С 1914 по 1917 год капитан 1-го ранга Ларионов командовал яхтой морского министра «Нева» и состоял при И. К. Григоровиче офицером для особых поручений. Лояльно встретил Советскую власть, прослужив на Балтике до демобилизации после окончания Гражданской войны. В 1924–1935 гг. работал в учреждениях Академии наук СССР⁹.

Тематико-экспозиционный план (далее — ТЭП) выставки по истории Русско-японской войны, предложенный Л. В. Ларионовым, имел сложную смысловую структуру, вполне отразившую противоречивые процессы в становлении официальной историографии. Основная сюжетная линия развёртывания выставки: «В царском флоте всегда готовились к очередному смотру. В японском флоте готовились к войне» — стала дополняться информацией о стихийном народном патриотизме и прогрессивной роли, которую играл на флоте выходец из демократической среды С. О. Макаров. Особое значение в этой связи приобрела цитата из работы В. И. Ленина «Падение Порт-Артура», выбранная как центральная для музейной экспозиции: «Войны ведутся теперь народами, и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое свойство войны: разоблачение на деле, перед глазами десятков миллионов людей, того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству»¹⁰. В обстановке второй половины 1930-х гг. антисамодержавный пафос статьи трактуется скорее как неспособность самодержавия отстоять интересы страны, когда комплексное развитие Дальнего Востока подменяется государственным военным обеспечением коммерческих авантюр приближённых к трону лиц. Интересы России же трактуются, прежде всего, как интересы промышленно-технические. Согласно ТЭП в экспозиции подробно демонстрировались таблицы осуществления постройки броненосных судов Россией и Японией после 1895 г., таблица расходов на Морское министерство с 1895 по 1905 гг., таблица соотношения сил на Дальнем Востоке к началу войны 27 января 1904 г.¹¹ При этом посетителя целенаправленно подводили к неутешительному вы-

воду о недофинансировании флота и его общей технической отсталости.

Аналогичным образом подавались проблемы логистики и фортификации. Под планом Порт-Артура следовало пояснение: «Оборудование Порт-Артура к началу войны не было закончено, а на Дальний истрачено было 24 миллиона рублей. Внутренний бассейн порта не был углублён. Выход на внешний рейд был один, узок и мелок. Дока для больших судов не было. Береговая оборона порта не закончена»¹². Нераспорядительность чинов военного и морского ведомств тут оттеняют успехи строительства русского порто-франко на Ляодунском полуострове, города Дальнего, любимого детища министра финансов С. Ю. Витте. Далее в экспозиции в сопоставлении с материалами о российском военно-морском присутствии на Дальнем Востоке размещалась карта с обозначением оборудованных и защищённых портов Японии и характеристикой японского флота.

При описании гибели «Варяга» и «Корейца» вводится положение очень важное для дальнейшей интерпретации в музейной экспозиции неудач Русского флота: «Поставить [модели] так, чтобы “Кореец” стоял в кильватер “Варягу”, то есть так как они вышли в бой, чтобы показать всю бессмысленность соединения быстроходного крейсера (23 узла) со старой тихоходной канонеркой (10 узлов)»¹³.

Особое место в экспозиции отводилось «народному адмиралу» С. О. Макарову. Указания по оформлению макаровского стенда гласили: «24-й прибыл туда [в Порт-Артур]. Сразу поднял дух эскадры. Японцы первые отметили активность русской эскадры. Отметить его происхождение и прозвище “кантонист” данное врагами в Адмиралтействе»¹⁴.

Дальнейшие события обороны Порт-Артура: гибель «Петропавловска», бои 10 июня и 28 июля 1904 г. показывались в экспозиции отстранённо, без ярких выводов. В ТЭПе разъяснялось, что «площадь, предоставленная для экспозиции, не даёт возможности полностью осветить детали всей войны 1904–1905 г. Артурский период показан в главных его моментах. Цусимский период развернут шире и более детали-

зирован, т.к. он завершает собой полную гибель царского флота и крах самодержавия. Вместе с тем Цусима даёт больше уроков, которые могут быть учтены современностью»¹⁵.

Поход Второй Тихоокеанской эскадры и Цусимское сражение освещались ввиду ленинской цитаты: «С бору да с сосёнки собран экипаж, наскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броненосцам “старых сундуков”»¹⁶. Особенно подробно, как «музей образцов», характеризовался корабельный состав эскадры. Пунктирно намечены основные события: выход из Либавы, Гулььский инцидент, шторм у мыса Доброй Надежды, стоянка в Носсибе, переход через Индийский океан, стоянка в Камранге.

Согласно ТЭПу, основной проблемой эскадры за всё время плавания оставалось приобретение угольных запасов и их погрузка. Из-за сложностей международной обстановки, враждебного нейтралитета Великобритании и её колоний, во время редких стоянок уголь на корабли принимался с перегрузом. Нередки были и погрузки в море. Специально экспонировался чертёж погрузки со стрелы на стрелу, и освещались пять погрузок угля за время перехода через Индийский океан¹⁷. Подобная практика, не только до предела выматывала экипажи, но и стала одной из веских причин поражения в Цусимском бою, когда перегруженные корабли Российского флота при первых повреждениях теряли остойчивость.

Именно потере остойчивости, наряду со сравнительными таблицами вооружений русской и японской эскадр, был посвящён стенд Цусимского боя. Экспонировался чертеж разреза по миделю броненосца типа «Бородино» с показанием предельного крена в связи с перегрузкой. Большое внимание уделялось броненосцу «Орёл», на котором проходил службу автор ТЭПа Л. В. Ларионов.

Таким образом, экспозиция разворачивает сюжет Русско-японской войны в свете цитаты И. В. Сталина из выступления перед участниками Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.

Чётко увязывая военную мощь и промышленное развитие, И.В.Сталин отмечал: «История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость [...]. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно»¹⁸. Выставка хорошо иллюстрировала эти положения. Страна, которая не создаёт централизованно весь комплекс отраслей тяжёлой промышленности, обречена на военное поражение, и прежде всего на море, ибо военный флот является заказчиком продукции наиболее высокотехнологичных производств.

Л.В.Ларионову, как разработчику концепции, удалось удачно вписать нарратив о Русско-японской войне в современную ему повестку индустриализации. 15 августа 1937 г. он сдал зал обновлённой экспозиции Русско-японской войны представителям Ленгорсовета. Можно утверждать, что данные методические разработки Л.В.Ларионова стали нормативными для выставок о Русско-японской войне в последующие десятилетия.

Примечания

¹ *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. С. 122–126.

² Там же. С. 127–129.

³ *Поляков Т. П.* Из истории отечественной экспозиционной мысли: идеи и предложения Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.) в области «музейного языка» и их отражение в экспозициях начала 1930-х годов // Культурологический журнал. 2018. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-otechestvennoy-ekspozitsionnoy-mysli-idei-i-predlozheniya-pervogo-vserossiyskogo-muzeynogo-sezda-1930-g-v-oblasti-muzeynogo> (дата обращения: 09.12.2019).

⁴ *Силина М.* «Эмоциональное мышление» и «самоговорящие вещи»: к истории аффекта в советских музеях в 1920–1930-х годах //

Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М., 2019. С. 151-173.

⁵ *Поляков Т.П.* Методы и технологии создания музейных экспозиций в Советской России (1918–1991) // Артгид — [Электронный ресурс] — <http://artguide.com/posts/1389> (дата обращения 09.12.2019).

⁶ История Центрального военно-морского музея 1709–2019. СПб., 2019. С. 242.

⁷ Там же. С. 243.

⁸ К изучению истории: сборник. М., 1937. С. 18.

⁹ Личное дело Ларионова Л.В. // РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 3. Д. 1782.

¹⁰ *Ленин В.И.* Падение Порт-Артура // ПСС. 5-е изд. Т. 9. С. 154.

¹¹ План экспозиции Центрального военно-морского музея по отделу Русско-японской войны // РГАВМФ. Ф. Р-402. Оп. 3 Д. 39. Л. 2.

¹² Там же. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 3 об.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ *Ленин В.И.* Разгром // ПСС. 5-е изд. Т. 10. С. 251.

¹⁷ План экспозиции... Л. 5 об.

¹⁸ *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников: речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сочинения. Т. 13. С. 38–39.

Козлов Д. Ю.

Сражение за Рижский залив летом 1915 года: перспективы исследований

В конце июля (начале августа по новому стилю) 1915 г. германское военно-морское командование сосредоточило на Балтийском море почти половину своего флота, намереваясь прорваться в Рижский залив, уничтожить находившиеся там российские морские силы, загородить минами южный выход из Моонзунда и тем самым обезопасить от воздействия русского флота войска левого фланга Неманской армии, вышедшие к побережью Рижского залива. Неприятельской корабельной группировке под началом командира 4-й эскадры Флота открытого моря вице-адмирала Э. Шмидта удалось, хотя и со второй попытки, форсировать минные заграждения в Ирбенском проливе и оттеснить к Моонзунду русские морские силы Рижского залива, руководимые командующим под брейд-вымпелом Минной дивизией капитаном 1 ранга П. Л. Трухачёвым. Однако спустя несколько дней немцы, посчитавшие неприемлемыми понесенные потери и угрозу со стороны мин и подводных лодок, к немалому удивлению российского командования ретировались из залива.

Сражение, традиционно именуемое в Германии «прорывом в Рижский залив» или «операцией против Рижского залива», а в нашей стране — Ирбенской операцией, стало центральным событием второй кампании мировой войны на Балтийском театре и имеет обширную и разноплановую историографию.

В результате исследований, предпринятых отечественными¹ и зарубежными² военно-морскими историками, в том

числе представителями русской эмиграции³, сформирована достаточно полная, достоверная, в целом неплохо фундированная картина подготовки, хода и результатов сражения. Ценным дополнением к историографии этого сюжета являются сведения, изложенные в «эго-документах» (мемуарах, дневниках, письмах) адмиралов и офицеров российского и германского флотов⁴, в том числе непосредственных участников сражения⁵.

Присутствующие в литературе интерпретации этого события находятся, в общем, в рамках основных концептуальных подходов к освещению Первой мировой войны. В отечественных работах советского периода рассматриваемая нами тема, в отличие, скажем, от Моонзундского сражения 1917 г., избежала чрезмерной политизации, пропагандистских посланий и откровенных фальсификаций, продиктованных «классовым подходом» к военно-исторической науке⁶. Надо, однако, признать присутствие в историографии нашей темы некоторых фактографических неточностей и даже мифологизации отдельных событий, а также достаточный простор для более углублённой разработки некоторых сюжетов.

Каковы же возможные направления дальнейших исследований?

Это, конечно, расширение корпуса привлекаемых источников, прежде всего директивных и отчётно-информационных боевых документов — как российских, так и германских.

Приходится констатировать, что до сего времени исследователями «рижских» событий далеко не полностью используется информационный потенциал собрания Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Так, представляется настоятельно необходимым привлечение новых документов из фондов штаба командующего флотом Балтийского моря (Ф. 479), штаба начальника Минной обороны Балтийского моря (Ф. 966) и других органов военного управления, характеризующих процессы оперативного планирования и руководства. Это позволит ответить на некоторые до сих пор не вполне разрешённые

вопросы, касающиеся, например, конструирования и функционирования контура управления оборонявшимися силами и, в частности, роли начальника Минной обороны контр-адмирала А. С. Максимова, которому в преддверии второго прорыва немцев была подчинена вся сосредоточенная в Моонзундском районе разнородная группировка⁷.

Не введён в оборот целый пласт документов тактического уровня — например, рапортов и донесений начальников соединений, командиров надводных кораблей и подводных лодок, отложившихся в фондах штаба начальника Минной дивизии (Ф. 481) и других корабельных соединений. Не в полной мере востребованы вахтенные журналы (Ф. 870), остающиеся, при всех недостатках в организации их заполнения на кораблях, важным источником информации об их повседневной и боевой деятельности⁸. Terra incognita для подавляющего большинства военно-морских историков остаются материалы органов управления объединений сухопутных войск — в нашем случае это, прежде всего, документы штаба 6-й армии, которой в первый год войны оперативно подчинялся флот Балтийского моря (Российский государственный военно-исторический архив, Ф. 2126).

И уж совершенно безграничные перспективы открываются перед отечественными специалистами в привлечении боевых документов противника, хранящихся в Федеральном архиве ФРГ во Фрайбурге. Среди фондов, содержащих бумаги о событиях лета 1915 г., — фонд командующего силами Балтийского моря Императорского флота⁹, фонд военных дневников больших и средних кораблей¹⁰ и др. Знакомство с документацией кайзеровского флота облегчается для российских исследователей тем, что к 100-летию начала Первой мировой войны Центральный архив Минобороны России (ЦАМО) оцифровал и опубликовал коллекцию трофейных германских документов, среди которых оказался целый комплекс ценных источников по истории Ирбенской операции 1915 г.¹¹ Использование этих документов — в большинстве своём копий отчётов и военных дневников соединений и кораблей — позволяет актуализировать наши

познания о ключевых моментах обороны Рижского залива и реконструировать её боевые эпизоды, опираясь на двусторонние данные.

Это относится, например, к наиболее яркому и известному событию — бою эсминца «Новик» под командованием капитана 2 ранга М. А. Беренса с германскими миноносцами «V99» и «V100» у Михайловского маяка 4 (17) августа 1915 г. Выписки из военных дневников командиров обоих упомянутых немецких кораблей, а также отчёт старшего из них — командира «V99» капитан-лейтенанта К. Клаусена — с приложением докладов о полученных повреждениях и использовании артиллерийского вооружения¹² содержат сведения, которые в некоторых деталях (и не только деталях) диссонируют с традиционной отечественной интерпретацией этого события. Прежде всего, подтверждается неоднократно изложенная в германской историографии точка зрения, согласно которой «V99» и «V100» сражались не только с «Новиком», но (по Г. Ролльману) ещё с тремя «добровольцами»¹³. В пользу этой версии свидетельствуют и данные из вахтенных журналов эсминцев 5-го дивизиона «Финн», «Доброволец» и «Гайдамак», которые действительно поддержали «Новик» огнём¹⁴.

Не менее интересны документы, касающиеся другого важного сюжета — торпедирования английской подводной лодкой «E1» 6 (19) августа в Средней Балтике большого крейсера «Мольтке» из состава сил оперативного прикрытия — события, как справедливо считается в историографии, изрядно ускорившего ретираду немцев из Рижского залива. До сего времени наши представления об успехе командера Н. Лоуренса и его подчинённых базировались на описании А. В. Томашевича, которое составлено, хотя и не без неточностей, на основе отложившегося в РГАВМФ отчёта английского командира¹⁵, а также сведениях Г. Ролльмана, которые весьма лаконичны, как, впрочем, и упоминания о других эпизодах, не преумноживших славы германского оружия¹⁶. Документы же из коллекции ЦАМО, а именно донесение командира «Мольтке» капитана цур зее М. фон Левецова коман-

дующему силами Балтийского моря гросс-адмиралу принцу Генриху Прусскому от 19 августа с приложением рапортов первого офицера крейсера корветен-капитана Ребенсбурга и корабельного врача Шутце¹⁷, доклад командующего разведывательными силами вице-адмирала Ф. фон Хиппера командующему Флотом открытого моря адмиралу Г. фон Полю от 22 августа¹⁸, а также схема затопления носовых помещений «Мольтке»¹⁹, дают возможность дополнить и существенно уточнить картину этой атаки.

В частности, сопоставление российских (точнее, в данном случае, английских) и германских отчётно-информационных документов позволяет выявить причины того, что британский командир, стреляя по ближайшему к нему крейсеру «Зейдлиц», промахнулся с минимальной дистанции (около кабельтова), после чего торпеда попала в носовую часть «Мольтке», шедшего на левой раковине флагманского корабля Ф. фон Хиппера. Анализ донесений Н. Лоуренса и М. фон Левецова показывает, что командир «Е1» ошибся на четыре румба в определении курса неприятеля. Эта ошибка могла бы быть нивелирована стрельбой в настоящее место цели, однако Н. Лоуренс, стрелявший из траверзного (а не носового, как указывает А. В. Томашевич) торпедного аппарата и, следовательно, лежавший на параллельном или почти параллельном противнику курсе, очевидно, попросту «проскочил» позицию залпа.

Существенное значение, наряду с привлечением новых делопроизводственных документов, имеет ввод в научный оборот новых источников личного происхождения, хотя некоторые из них трудно назвать совершенно неизвестными исследовательскому сообществу.

Последняя оговорка относится, например, к отложившемуся в РГАВМФ дневнику И. И. Ренгартена, который в августе 1915 г. в только что полученном чине капитана 2 ранга состоял вторым флагманским минным офицером штаба командующего флотом Балтийского моря. Этот чрезвычайно информативный источник хорошо известен специалистам и частично опубликован²⁰, однако его фрагмент, посвящён-

ный «рижским» событиям, в научный оборот по сию пору не введён.

Между тем этот документ интересен, прежде всего, информацией о работе штаба вице-адмирала В. А. Канина, имевшейся там информации об обстановке, которая, несмотря на все успехи отменно поставленной радиоразведки, далеко не всегда соответствовала действительности. В частности, до вечера 8 (21) августа — то есть в течение более чем двух суток со времени появления германских кораблей в виду Пернова — в штабе комфлота полагали, что там высажен неприятельский десант, принудивший русский гарнизон к отступлению²¹. Не менее ценны наблюдения о царивших в штабе настроениях. Известие о прорыве германцев в Рижский залив вызвало у штабных чинов — а многие из них пережили трагедию поражения и плена в Русско-японскую войну — ощущение обречённости, которое И. И. Ренгартен назвал *«артурским чувством»*²². Весьма эмоционально живописал Иван Иванович и реакцию офицеров штаба на бравурные до абсурда публикации в прессе, следовавшие за отступлением немцев: *«Внезапно мы прочли в газетах громкое слово “победа!”, [увидели] портрет Канина (!) и речь Родзянки в Думе о том, что наш флот одержал блестящую победу, что утоплен “Мольтке” и ряд других судов, что высадившиеся в Пернове войска были нашими войсками (!) уничтожены... Передовая статья о победе... Манифестации на улице... Холодный ужас!»*²³.

В 1956 г. в Сталинграде 72-летний ветеран Первой мировой войны А. Ф. Житков, который в августе 1915 г. в чине мичмана состоял штурманским офицером канонерской лодки «Кореец», написал воспоминания о последнем бое и гибели своего корабля, ныне хранящиеся в рукописно-документальном фонде Центрального военно-морского музея (ЦВММ)²⁴. Автор не всегда точен в деталях, путая даты, фамилии действующих лиц, воинские звания (даже своё собственное — он указывает, что гибель «Корейца» встретил лейтенантом, хотя на самом деле получил этот чин «за отличие» в декабре 1915 г.²⁵), названия кораблей и т. д., однако

приводит целый ряд чрезвычайно ценных наблюдений. Последние касаются, например, совещания командира «Корейца» капитана 2 ранга И. К. Федяевского со своими офицерами днём 6 (19) августа для обсуждения перспектив прорыва из Усть-Двинска в Моонзунд и последовавшей затем безуспешной попытки убедить командира «Сивуча» кавторанга П. Н. Черкасова (старшего из командиров канлодок) прекратить самоубийственное движение прямо «в пасть» прорвавшимся в Рижский залив германским кораблям и укрыться до темноты под берегом.

Кроме того, Арсений Фёдорович, сам того не ведая (ибо невозможно представить, чтобы в те времена рядовой советский гражданин имел возможность читать эмигрантские журналы), стал участником заочной дискуссии между представителями русского морского зарубежья по поводу морально-этической стороны вопроса о выходе «Корейца» из боя.

Суть дела вот в чём. В 1950 г. М. А. Мурзин, который во время сражения за Рижский залив в чине лейтенанта исполнял должность старшего офицера канонерской лодки «Сивуч», опубликовал в нью-йоркском журнале «Морские записки» статью, где обвинил умершего к тому времени И. К. Федяевского в том, что он, вступив в бой с превосходящим противником вместе с «Сивучем», затем *«бросил на произвол судьбы своего товарища»*²⁶. За доброе имя бывшего командира «Корейца» вступился его соплавателю А. Н. Павлов, живший в Испании. В открытом письме, опубликованном в следующем номере того же издания, он, в частности, писал: *«Что стало бы с кораблём, если бы его командир... застопорил машину? В лучшем случае командиру “Позена” (германский линейный корабль. — Д. К.) пришлось бы подобрать из воды втрое больше раненых — пленных. Только ночь и хладнокровие могли спасти “Корейца” от артиллерии противника, и, исполняя долг военного и командира, сознававшего безнадёжность положения несчастных кораблей, Иван Константинович довёл остатки того, что было “Корейцем”, пройдя рифы, к береговым укреплениям»*²⁷. Здесь же на правах лица, передавшего в редакцию рукопись М. А. Мурзина,

в дискуссию включился старший лейтенант В. М. Костенко, который попытался дезавуировать обличительный пафос своего сослуживца — статья, дескать, была написана в плену, где М. А. Мурзин пребывал под тяжёлым впечатлением *«хотя и славного по защите чести флага, но всё же поражения»* и не имел намерения опорочить И. К. Федяевского²⁸.

Здесь необходимо пояснить, что командир «Корейца», по версии А. Н. Павлова и других его адептов, вывел корабль из боя в соответствии с предварительной договорённостью с П. Н. Черкасовым — командиры кораблей заранее условились, что при столкновении с превосходящим противником они действуют самостоятельно по своему усмотрению²⁹. Однако А. Ф. Житков, бывший, по его свидетельству, участником совещания командиров и штурманов «Сивуча» и «Корейца» перед выходом из Усть-Двинска, констатирует, что, напротив, было условлено *«держаться соединённо и бой принять совместно»*, а *«разойтись»* только в случае атаки подводной лодки³⁰. Вопрос, таким образом, вновь выглядит не вполне разрешённым и требующим дальнейшего исследования.

В коллекции ЦВММ хранится ещё один не введённый в оборот документ, относящийся к весьма редкой разновидности источников личного происхождения — автограф воспоминаний бывшего матроса Балтфлота Н. Ф. Соколова под заголовком «Подвиги линейного корабля “Слава”», датированный 1958 г.³¹ На фоне записок бывшего штурмана «Корейца» этот бесхитростный рассказ может показаться малоинформативным, однако и в нём обнаруживаются любопытные сведения — например, о настроениях команды линкора, для которого отражение германского прорыва в Ирбене стало «боевым крещением», повреждениях «Славы» в бою с германскими линейными кораблями 4 (17) августа 1915 г. Интересен и симптоматичен тот факт, что команда русского линкора была подвержена навязчивой «лодкобоязни»: по свидетельству мемуариста, во время обороны Рижского залива «Славу» трижды атаковали немецкие подводные лодки, что, конечно, действительности не соответствует.

Ещё одно актуальное направление дальнейших исследований — преодоление некоторого методологического консерватизма, свойственного отечественной морской историографической традиции, и развитие современных тематических трендов. Один из них — история повседневности войны 1914–1917 гг., «флотский» сегмент которой в России пока ограничивается (во всяком случае, на уровне диссертационных проектов и научных монографий) работами Д. А. Бажанова, в центре внимания которого — служебные будни 1-й бригады линейных кораблей Балтийского моря³². Безусловно, проведение подобных исследований в отношении весьма специфической повседневности моряков Минной дивизии, составлявшей ядро морских сил Рижского залива, придало бы нашей теме совершенно новые и, вероятно, неожиданные грани.

Таким образом, несмотря на обширную и постоянно развивающуюся историографию, изучение подготовки, хода и последствий сражения за Рижский залив летом 1915 г. и обобщение его опыта сохраняют широкие исследовательские перспективы, связанные как с привлечением новых российских и зарубежных источников, так и расширением проблематики и методологии изысканий. Речь идёт об использовании междисциплинарных подходов, компаративных методов, исследованиях в жанре «микроистории», развитии военно-исторической антропологии, военно-морской биографики и элитологии, которые способны придать результатам научного осмысления событий Первой мировой войны на Балтике новое звучание.

Примечания

¹ *Виноградов С. Е.* Броненосец «Слава». Непобеждённый герой Моонзунда. М.: Яуза: ЭКСМО, 2011; *Козлов Д. Ю.* Сражение за Рижский залив. Лето 1915. М.: Цейхгаз, 2007; *Лемшиевский П. В.* Боевые действия на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Петербургский институт печати, 2005; *Матвеев А. И.* В боях за Моонзунд. М.: Воениздат, 1957; *Петров М.* Морская оборона берегов

в опыте последних войн России. Л.: Изд. воен. типогр. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927; *Его же*. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военноморского искусства. Л.: РИО В.-Морских Сил РККА, 1927; *Скворцов А. В.* Канонерские лодки типа «Гиляк». СПб.: Гангут, 2009; *Степанов Ю. Г., Цветков И. Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». Л.: Судостроение, 1981; *Томашевич А. В.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М., Л.: Военно-морское издательство НКРКВМФ СССР, 1939; Флот в первой мировой войне / под ред. Н. Б. Павловича. Т. 1: Действия русского флота. М.: Воениздат, 1964; *Бунич И. Л.* Линкор «Слава» в кампанию 1915 года // Гангут. Вып. 6 (1993). С. 36–48; *Кодола Д. Д.* Идея боя на минно-артиллерийской позиции в русском флоте. По опыту боевых действий Балтийского флота в первой мировой войне // Морской сборник. 1953. № 3. С. 50–78; *Малинин Д.* Линейный корабль «Слава» в составе морских сил Рижского залива в войну 1914–1917 г. // Морской сборник. 1923. № 5. С. 61–76; № 6. С. 29–49; *Рукавишников Е. Н.* Борьба Балтийского флота России и ВМС Германии за господство в Рижском заливе в 1915 году // Балтийский флот накануне и в годы Первой мировой войны: Материалы всероссийской научной конференции к 100-летию начала Первой мировой войны. 6–7 июня 2013 г. Калининград: БВМИ — ВУНЦ ВМФ «ВМА», 2013. С. 72–77; *Шельтинга Г. В.* Действия морских сил Рижского залива в 1914–16 гг. // Морской сборник. 1926. № 3. С. 17–35; № 4. С. 94–101 и др.

² *Гроос О.* Учение о морской войне в свете опыта мировой войны / пер. с нем. М.; Л.: Госиздат, 1930; *Корбетт Ю.* Операции английского флота в мировую войну. Т. III / пер. с англ. М. Л. Бертенсона. Л.: Управление ВМС РККА, 1930; *Рольман Г.* Война на Балтийском море. 1915 год / пер. с нем. Ю. Ралля, предисл. В. Алекаина, примеч. Н. Новикова. М.: Госвоениздат, 1937; *Bengelsdorf L.* Der Seekrieg in der Ostsee 1914–1918. Bremen: Verlag H.M. Hauschild, 2008; *Greger R.* Die Russische Flotte im Ersten Weltkrieg 1914–1917. München: J.F. Lehmann, 1970; *O'Hara V.P., Heinz L.R.* Clash of Fleets. Naval Battles of the Great War, 1914–18. Annapolis: Naval Institute Press, 2017; *Wilson M.* Baltic Assignment. British Submariners in Russia: 1914–1919. London: Leo Cooper in association with Secker & Warburg, 1985; *Rahn W.* The Naval War in the Baltic, 1914–1918. A German Perspective // The Danish Straits and German Naval Power 1905–1918 / edited by M. Epkenhans and G.P. Groß. Potsdam: Militärgeschichtliches Forschungsamt, 2010. P. 75–96;

Stevenson G.C. Russian 'Lake' Type Submarines and the Baltic War 1914–1916 // *Warship* 1990. V. XIV. P. 76–92 etc.

³ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин / предисл., библиографический справочник А. Е. Иоффе, В. Н. Фотуньянца. СПб.: Облик, Вита, 1993; Черномор (Люби К. Г.). Волны Балтики 1914–1915 г.г. Рига: Izdevn. «Dla vas», Īrašn. R. Rubinšteins, 1939; *Солодков Н. П.* Балтийский флот в войну 1914–1917 гг. // Военная быль. Le Passé Militaire. Париж. Ноябрь 1973 г. (№ 125). С. 8–13; *Monasterev N.* Sur trois mers (La marine russe dans la guerre mondiale d'après les documents officiels et les récits des combattants) / trad. par J. Perceau. Tunis: E. Saliba & C°, 1932; *Nekrasov G.M.* Expendable Glory: A Russian Battleship in the Baltic, 1915–1917. New York: Columbia University Press, 2004 etc.

⁴ *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920 / вступ. ст. и примеч. А. В. Посадского. М.: Кучково поле, 2014; *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера / введ., подг. текста, коммент. А. Е. Иоффе. СПб.: Цитадель, 1998; *Турпиц А., фон.* Воспоминания / пер. с нем. М.: Воениздат, 1957; *Шеер [P.]* Германский флот в мировую войну. Воспоминания адмирала Шеера / пер. с нем. И. А. Киреева. М.; Л.: Военмориздат, 1940; *Сакович А.* Заметки оперативного работника // Морской сборник. 1931. № 9–10. С. 91–98; *[Müller G., von.]* Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts Admiral Georg Alexander von Müller 1914–1918. Göttingen; Berlin; Frankfurt: Musterschmidt-Verlag, 1959.

⁵ *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997; *Мазуренко К. И.* На «Славе» в Рижском заливе. Jordanville (New York): Книгопечатня преп. Иова Почаевского в Св.-Троиц. монастыре, 1949; *Старк Г. К.* Моя жизнь. СПб.: Цитадель, 1998; *Вогак В. А.* Последние дни канонерской лодки «Кореец». (Из воспоминаний участника последней войны) // Морской сборник. 1918. № 7–8. С. 35–60; *Кемарский Н. В.* День 4/17 августа, 1915 г. в Ирбенском проливе. (Вход в Рижский залив) // Морские записки (Нью-Йорк). 1951. V. 9. С. 68–72; *Мурзин М. А.* Гибель канонерской лодки «Сивуч» // Морские записки (Нью-Йорк). 1950. V. 8. № 2. С. 40–54; *Фомин Н.* Ещё о защите Ирбенского пролива в кампанию 1915 года // Морские записки (Нью-Йорк). 1962. V. 20. № 1/2. С. 3–20; *Шнисс И.* Шесть лет на подводной лодке. М.: Принципиум, 2018; *Норман А.* Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920 / herausgegeben von M. Epkenhans. München: R. Oldenbourg Verlag, 2004.

⁶ Об историографии Моонзундского сражения 1917 г. см. подробнее: *Козлов Д. Ю.* Борьба за Моонзундские острова в октябре 1917 года: некоторые проблемы и перспективы историографии // *Русский Сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Б. Меннинг, А. Ю. Полунов, П. Чейсти. Т. XXII: 1917 год. М.: Модест Колеров, 2017. С. 212–232.*

⁷ Например, *И. Л. Бунич* (Указ. соч. С. 44) указывает (к сожалению, без ссылки на источник), что приказ на отход морских сил Рижского залива в Моонзунд днём 4 (17) августа был отдан именно *А. С. Максимовым*. Однако из других документов и свидетельств следует, что все распоряжения такого рода отдавал *П. Л. Трухачёв*, руководство же со стороны начальника минной обороны носило номинальный характер, и в Рижский залив он прибыл только 16 (29) августа, то есть после отступления неприятеля.

⁸ О специфике составления делопроизводственной документации на кораблях и в штабах отечественного флота в период Первой мировой войны см. подробнее: *Невинский А.* К вопросу о военно-морской историографии // *Морской сборник. 1940. № 6. С. 58–65.*

⁹ *Das Bundesarchiv (BArch), RM 28: Oberbefehlshaber der Ostseestreitkräfte der Kaiserlichen Marine.*

¹⁰ *BArch, RM 92: Schwere und mittlere Kampfschiffe der Preußischen und Kaiserlichen Marine (Reichsmarine und Kriegsmarine).*

¹¹ Коллекция «Германские документы Первой мировой войны», в 2014 г. опубликованная на сайте Центрального архива Минобороны России, ныне доступна на электронном ресурсе «Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации» (<http://tsamo.germadocsinrussia.org/ru/nodes/1-germanskie-dokumenty-pervoy-mirovoy-voyny-tsamofond-500-opis-12519>).

¹² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 317. Л. 185–186 об.; 279–283; Д. 318. Л. 59–74.

¹³ *Ролльман Г.* Указ. соч. С. 357.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 57303. Л. 41 об., 42; Д. 57520. Л. 42, 43; Д. 57544. Л. 67.

¹⁵ Так, *Н. Лоуренс*, по мнению *А. В. Томашевича* (Указ. соч. С. 150) стрелял «из правого носового аппарата», тогда как «Е1», как и другие лодки типа «Е» первой серии, была вооружена только одним носовым торпедным аппаратом (*Kemp P.J.* *British Submarines of World War I.* London: Arms and Armour Press, 1990. P. 22). Как указывает в своём отчёте командир лодки, он использо-

вал starboard beam tube — правый бортовой (траверзный) аппарат (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3362. Л. 3; Ф. 479. Оп. 1. Д. 460. Л. 69).

¹⁶ *Ролльман Г.* Указ. соч. С. 372, 373.

¹⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 317. Л. 178–182.

¹⁸ Там же. Л. 182, 182 об.

¹⁹ Там же. Л. 184.

²⁰ Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена [13.10–18.12.1917]) // Красный архив. 1927. № 6 (25). С. 34–95; Февральская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена [02.01–14.03.1917]) // Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 88–124; Балтийский флот накануне Октября (из дневника И. И. Ренгартена [06.08–26.09.1917]) // Красный архив. 1929. № 4 (35). С. 5–36; *Ренгартен И. И.* Смерть адмирала Эссена / публ. А. Ю. Емелина // Цитадель. № 11 (2004). С. 97–102.

²¹ РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 204, 206.

²² Там же. Л. 202.

²³ Там же. Л. 207.

²⁴ ЦВММ. Инв. 35931.

²⁵ Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Издание Статистического отделения Главного Морского Штаба (исправлено по 11 апреля 1916 года). Пг.: тип. Морского Министерства, 1916. С. 377.

²⁶ *Мурзин М. А.* Гибель канонерской лодки «Сивуч» // Морские записки (Нью-Йорк). 1950. V. 8. № 2. С. 50.

²⁷ *Павлов А. Н.* Письмо в редакцию по поводу статьи «Гибель к. л. «Сивуч»» // Морские записки (Нью-Йорк). 1950. V. 8. № 3/4. С. 95.

²⁸ Выдержки из письма В. Н. Костенко — А. Н. Павлову // Морские записки (Нью-Йорк). 1950. V. 8. № 3/4. С. 96.

²⁹ *Павлов А. Н.* Указ. соч. С. 94.

³⁰ ЦВММ. Инв. 35931. Л. 2 об.

³¹ ЦВММ. Инв. В-7312. Л. 2–4.

³² *Бажанов Д. А.* 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в 1914–1917 гг.: История и повседневность: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; *Его же.* Щит Петрограда. Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Именной указатель

- Абдул-Хамид I, турецкий султан
• 47
- Август II, саксонский
курфюрст • 18
- Аквилонов М. М. • 138
- Александр I, император • 58, 60
- Александр III, император • 11
- Александр Михайлович, великий
князь • 107, 108, 109, 126, 142
- Алексеев • 106
- Алексей Александрович, великий
князь • 141
- Андерсон П. П. • 23
- Андреев А. П. • 140
- Андросов Д. Г. • 146
- Аничков П. • 40
- Анчаров М. Л. • 146
- Аренс Е. И. • 84, 92
- Бажанов Д. А. • 166, 170
- Барш Я. С. • 31, 133, 147
- Бачманов П. • 36
- Беклемишев Н. Н. • 106, 115, 116
- Беллинсгаузен Ф. Ф. • 6
- Белосельский А. М. • 18–19; 23–24
- Бенгельсдорф Л. • 167
- Беннигсен Л. Л. • 57
- Березин Е. В. • 91
- Беренс М. А. • 161
- Берлинский А. И. • 127–128, 130
- Берлинский В. И. • 140
- Берх В. Н. • 37, 38
- Бескровный А. Д. • 84
- Бескровный Л. Г. • 61, 62
- Богданов А. Б. • 81
- Богданов Г. • 121
- Богданов-Катъков Е. • 116
- Борисов И. А. • 8
- Бочаров А. А. • 132
- Бранденбергер Д. • 156
- Брико Н. И. • 81
- Броневский В. Б. • 71
- Брюль Г., фон • 18, 23, 27
- Бубнов Г. А. • 114, 117
- Бунич И. Л. • 167, 169
- Бутаков Г. И. • 84–92; 105, 115
- Бутаков И. И. • 115
- Буторин А. А. • 118–130
- Буторин А. Я. • 118
- Буторина О. М. • 718
- Быков П. Д. • 125
- Валявский А. • 75, 78–79, 81
- Варьянов В. • 35
- Васильчикова С. С. • 139, 148
- Веденин А. • 35
- Велизарий С. А. • 52
- Верс • 145
- Веселаго Ф. Ф. • 33, 35, 37, 60, 61,
70, 115
- Веселовский Н. И. • 60–61
- Винков В. • 19
- Виноградов С. Е. • 131, 166
- Вирен Р. Н. • 146
- Виттефт В. К. • 118
- Витте С. Ю. • 154
- Войнович И. В. • 39, 41–45
- Войнович М. И. • 41–46; 147
- Войт В. К. • 103, 105, 115
- Вогак В. А. 168
- Володимеров И. • 21
- Воронцов М. С. • 78–79
- Врачко М. И. • 76
- Габлиц К. И. • 133, 147
- Гагеблов • 54
- Гайтани К. Г. • 52
- Гейман В. Г. • 147
- Генрих Прусский, принц • 162
- Гобято Н. Н. • 142
- Головачёв В. Ф. • 16
- Гончаров Л. Г. • 112–113
- Гордон Т. • 30
- Граф Г. К. • 168
- Гребенщикова Г. А. • 7, 16
- Гревениц В. Е., барон • 138
- Грегер Р. • 167
- Грейг А. С. • 68, 72, 78–79; 133
- Грейг С. К. • 6–9; 15–16; 147
- Грибовский В. Ю. • 84, 92–93
- Григорович И. К. • 153
- Гроос О. • 167
- Дакворд Д. Т. • 50, 63
- Джейн Ф. • 106–108; 111, 116
- Де-Ливрон А. К. • 91
- Деревицкой В. Я. • 52
- Диков И. М. • 89–90

- Домбровский А. В. • 140
 Доможиров А. М. • 98–102
 Дубасов Ф. В. • 87–88
 Дудоров Б. П. • 168
 Дьяков (о. Николай) • 129–130
 Егорьев В. Е. • 137, 148, 149
 Егорьев Е. Р. • 143
 Екатерина II, императрица • 10, 13,
 16, 21–24; 26, 37, 40–41, 61
 Елизавета Петровна,
 императрица • 20
 Емелин А. Ю. • 170
 Епанчин А. П. • 115
 Жерве Б. Б. • 111, 116
 Житков А. Ф. • 163–165
 Житков К. Г. • 91–92
 Закревский Н. И. • 75–76, 81–82
 Зальц Г. Э., барон • 116
 Захаров А. С. • 28
 Захаров С. • 34
 Зеленой А. И. • 115
 Золотарёв В. А. • 84, 92
 Игнатъев И. А. • 63–64, 67
 Иессен К. П. • 137
 Ильин Д. С. • 7, 9–11, 15
 Ирман • 124
 Истомина В. И. • 86
 Казнаков Н. И. • 115
 Камимура Х. • 139
 Канин В. А. • 163
 Караулов П. А. • 62, 67–70
 Карри Д. • 116
 Касл • 115
 Кемарский Н. В. • 168
 Кемп П. Дж. • 169
 Кербер Л. Б. • 108, 116
 Кладо Н. Л. • 136
 Клаусен К. • 161
 Клочевский В. О. • 7, 16
 Кодола Д. Д. • 167
 Кожин В. И. • 134
 Козлов Д. Ю. • 166, 169
 Кондратенко Р. И. • 104, 107–108, 115
 Конкевич А. Е. • 102
 Константин Николаевич, великий
 князь • 83, 91
 Коняев М. Т. • 9, 39–45
 Копытов Н. В. • 115
 Корбетт Ю. • 167
 Коробков Н. М. • 33, 35, 37–38
 Корнилов В. А. • 86
 Костенко В. М. • 165, 170
 Костомаров Г. • 31
 Кочкин Н. А. • 116
 Крестьянинов В. Я. • 131
 Кригер А. Х. • 14
 Критский Н. Д. • 52
 Кротков А. С. • 7, 16, 134, 147
 Круз А. И. • 7–8
 Крузенштерн И. Ф. • 53
 Крюйс (Крейс) К. • 133, 146
 Куроедов В. И. • 17
 Кутузов М. И. • 51, 57, 59
 Куфос М. • 12
 Лазарев А. П. • 69
 Лазарев М. П. • 6, 86, 106
 Ланг • 75
 Ларионов Л. В. • 152–157
 Ласковский Ф. • 35
 Левцов М., фон • 162
 Левицкий А. А. • 125
 Леман Г. К. • 142
 Лемишевский П. В. • 166
 Ленин В. И. • 153, 157
 Лебядников М. • 19–20
 Лобанов-Ростовский А. Б. • 37
 Лобысевич Г. П. • 59
 Лопухин Н. Г. • 32
 Лоуренс Н. • 161–162, 169
 Лукин Д. А. • 66–67
 Лурье А. Я. • 91–92
 Лутонин С. И. • 125, 131
 Львов Н. Е. • 137
 Ляпунов В. И. • 31
 Мазуренко К. И. • 168
 Малеев Д. И. • 67
 Малинин Д. • 167
 Макаров М. К. • 134
 Макаров С. О. • 110, 115–116, 118,
 153–154
 Максимов А. С. • 160, 169
 Макшеев П. М. • 50, 52
 Маринин А. • 91–92
 Мартен Т. Б. • 68
 Макхью Ф. • 116
 Матвеев А. И. • 166
 Мельников Р. М. • 136, 148
 Мертваго Д. Ф. • 115
 Мессер Павел Ф. • 60
 Мессер Пётр Ф. • 60

- Мессер Ф. Ф. (Томас) • 52, 60
 Минин К. М. • 150
 Миних Б. Х. • 30
 Мирбах Р. А., барон • 115
 Мишуков З. Д. • 32
 Молас Э. С. • 137
 Моллер А. В., фон • 68
 Монастырёв Н. • 168
 Мордвинов С. И. • 22, 24
 Муравьёв М. А. • 37
 Мурзин М. А. • 164–165, 168, 170
 Мустафа-паша • 39, 43–44
 Мустафа IV, турецкий султан • 49
 Мюллер Г., фон • 168
 Нагаев А. И. • 19–21
 Наполеон, французский император • 57–58, 63
 Неверовский • 54
 Невинский А. • 169
 Некрасов Г. М. • 168
 Неклюдов Ф. • 33
 Непенин А. И. • 168
 Николаева В. В. • 26, 28
 Николай I, император • 147
 Николай II, император • 10, 13
 Николай Николаевич (ст.), великий князь • 90–91
 Никулин • 128
 Новиков М. Д. • 91
 Новокщёнов С. • 40
 Орлов А. Г. • 8–10; 40–43, 45
 Орлов В. Г. • 25
 Орлов Ф. Г. • 9, 26
 О`Хара В. П. • 167
 Павел I, император • 112, 116, 134
 Павлов А. Н. • 164, 165, 170
 Палицын М. И. • 24
 Панин Н. И. • 18
 Патаниоти К. Ю. • 52
 Перский Т. Г. • 52
 Перхуров А. И. • 52, 53, 61
 Петров М. • 166–167
 Пешуров А. А. • 94–95, 100–101
 Пётр I Великий, император • 37, 106, 143, 150
 Пестич Ф. В. • 115
 Пилкин К. П. • 115
 Пишванова В. И. • 147
 Плещеев Ф. С. • 18–26
 Подгаецкий С. В. • 52
 Подгурский Н. Л. • 118–126; 131–132
 Пожарский Д. М., князь • 150
 Покровский М. Н. • 150
 Поликути А. И. • 42
 Поль Г., фон • 162
 Поляков Т. П. • 156–157
 Полянский А. И. • 33–34, 36
 Потапов В. И. • 59
 Примо Д. П. • 72
 Прохоров К. В. • 143
 Пустошкин С. А. • 50, 52–53, 55–57, 60–61
 Путятин Е. В., граф • 87, 91 - 93
 Пушкин Н. • 33
 Пшеницын Д. А. • 130
 Ратманов М. И. • 52
 Рахн В. • 167
 Ребенсбург • 162
 Рейсвиц Г. Г., фон, барон • 103
 Ренгартен И. И. • 162, 170
 Ришелье А.-Э. дю Плесси, герцог • 49–51; 53–54; 56, 58
 Робатс А. • 77
 Родецкий • 72, 79, 82
 Родзянко М. В. • 163
 Розанов С. А. • 17
 Ролльман Г. • 161, 167, 169–170
 Ростунов И. И. • 84, 92
 Рошешуар Л., граф • 53, 60
 Рукавишников Е. Н. • 167
 Рыхляков В. Н. • 149
 Рябинин М. • 19
 Савваитов П. И. • 60–61
 Сакович А. • 168
 Сальков А. Н. • 52
 Сальти К. Д. • 75, 79–80
 Салтанов И. О. • 59
 Самченко С. Г. • 137, 148
 Свенторжецкий Е. В. • 135, 148
 Сеид-Али • 65
 Селиванов И. М. • 34
 Селим III, турецкий султан • 49
 Сенявин Д. Н. • 48–49; 53, 59, 62–68; 144
 Силина М. • 156
 Скворцов А. В. • 167
 Скрудлов Н. И. • 13, 14
 Смолин А. А. • 92
 Соколов А. П. • 7, 16–17

- Соколов Н. Ф. • 165
 Соловьёв С. М. • 7
 Солодков Н. П. • 168
 Сорокин А. И. • 125
 Спиридов В. А. • 29
 Спиридов В. М. • 29
 Спиридов В. С. • 29
 Спиридов Г. А. • 6–10; 12, 15, 17, 20–
 21, 23–25; 29
 Спиридов И. М. • 29–33; 36
 Спиридов И. Н. • 29–30
 Сталин И. В. • 155–157
 Старк Г. К. • 168
 Степанов А. Н. • 125, 131
 Степанов Ю. Г. • 167
 Стессель А. М. • 118, 124
 Стеценко А. В. • 146
 Стеценко К. В. • 136
 Стивенсон Г. Г. • 168
 Стожевский И. И. • 52
 Страховский Б. М. • 138
 Стройникова (Мессер) Е. Ф. • 60
 Стройников С. М. • 60
 Сычѳв В. И. • 47, 58–59
 Сычѳва В. В. • 59
 Суворов А. В. • 45–46; 150
 Суровцов М. И. • 60
 Тарле Е. В. • 7, 16, 70
 Таустоб • 116
 Твардовский А. Т. • 28
 Твент К. А. • 52
 Телесницкий С. М. • 134, 147
 Тимирев С. Н. • 168
 Тирпиц А., фон • 168
 Толстой А. Н. • 150
 Томашевич А. В. • 161–162; 167, 169
 Траверсе де, И. И. (Ж.-Б. Прево
 де Сансак), маркиз • 48–51; 53–
 54; 56–59; 61
 Троценко Г. И. • 17
 Труфанов Д. • 122–123
 Трухачев П. Л. • 158, 168
 Чегодаев-Саконский А. П.,
 князь • 143, 146, 149
 Черкасов П. Н. • 164–165
 Черкасский М. Б., князь • 113–114;
 117
 Черномор (Люби К. Г.) • 168
 Чернышев А. А. • 71
 Чернышев И. Г. • 22
 Чичагов В. Я. • 40–41
 Чичагов П. В. • 48–50; 55
 Чихачѳв Н. М. • 95–97; 100–101
 Чубинский В. Г. • 84, 92
 Уилсон М. • 167
 Ухтомский П. П., князь • 146
 Ушаков Ф. Ф. • 59, 133–134; 144, 147
 Федечкин А. Д. • 131
 Федяевский И. К. • 164
 Фелькерзам Д. Г., фон • 145
 Фесенко А. • 82
 Феоклит, митрополит • 14
 Фѳдоров • 128
 Фѳдорова Т. С. • 59
 Филисов Ф. С. • 84, 92
 Флегель К. • 12–13
 Фомин Н. • 168
 Фоминич Ф. • 122–123
 Фондезин • 25
 Фотуньянц В. Н. • 168
 Хасан-бей Д. • 8
 Хайнц Л. Р. • 167
 Херхеулидзе • 80
 Хиппер Ф., фон • 162
 Хметевский С. П. • 6, 8, 16
 Хомутов А. Ф. • 52
 Хоплан А. • 168
 Цветков И. Ф. • 167
 Шанц И. И., фон • 147
 Шатне, Мадлен дю • 58, 61
 Шеер [Р.] • 168
 Шолохов • 138
 Шельтинг Г. В. • 134, 167
 Шельтинг Р. П. • 134
 Шереметевский В. • 71
 Шестаков А. П. • 88
 Шмидт Э. • 158
 Шпиленко Д. П. • 149
 Шписс И. • 168
 Шутце • 162
 Щелин В. • 34
 Щенников • 139
 Щербатов А. А., князь • 137,
 139–140, 142, 148
 Эльфинстон Дж. • 8
 Эссен Н. О., фон • 113, 170
 Юлин Б. В. • 137, 148
 Яровой В. В. • 92

Сведения об авторах

Болтрукевич Василий Анатольевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института Российской истории Российской академии наук
(г. Москва); tikuma@mail.ru.

Буканова Роза Гафаровна

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России
(Республика Башкортостан, г. Уфа); brg777.50@mail.ru.

Гладких Сергей Александрович

кандидат исторических наук, учёный секретарь Котласского краеведческого музея
(г. Котлас, Архангельская область); sgladkih@inbox.ru.

Емелин Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива Военно-Морского Флота
(г. Санкт-Петербург); dirk-kortic@yandex.ru.

Захаров Андрей Сергеевич

кандидат технических наук, доцент кафедры проектирования судов Санкт-Петербургского морского технического университета;
an.zakharov2009@yandex.ru.

Караулова Ирина Борисовна

кандидат химических наук, доцент, член Русского генеалогического общества

(г. Санкт-Петербург); karaulov@mail.ru.

Козлов Денис Юрьевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра военной истории России Института истории Российской академии наук

(г. Москва); kozloff_d@mail.ru.

Котов Иван Максимович

студент бакалавриата исторического факультета Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;

kot_iv00@mail.ru.

Крылова Элина Андреевна

магистрант 2-го курса магистратуры Института истории и политики Московского государственного педагогического университета (МПГУ), экскурсовод Музея МПГУ; elko00.volkova@yandex.ru.

Куликов Сергей Валерьевич

научный сотрудник НИО (исторический) ЦНИ ПРФ Военно-Учебного Научного Центра Военно-Морского Флота «Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», капитан 2 ранга (запаса) (г. Санкт-Петербург); ksv1904@mail.ru.

Мозговой Сергей Александрович

кандидат исторических наук, руководитель Центра военного и морского наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

(г. Москва); marine-heritage@yandex.ru.

Насыров Камиль Зинятович

соискатель учёной степени кандидата исторических наук, адвокат

(Адвокатская палата Республики Башкортостан, г. Уфа);
adv.nkz012@mail.ru.

Петренко Екатерина Дмитриевна

студент 3-го курса бакалавриата образовательной программы «История» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

(г. Санкт-Петербург); edpetrenko@edu.hse.ru

Сычѳв Виталий Иванович

кандидат физико-математических наук, доцент, член Российского географического общества

(г. Санкт-Петербург); sychev.vitaly@bk.ru.

Терещенков Леонид Евгеньевич

кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела информационного обеспечения и выставочной деятельности Российского государственного архива Военно-Морского Флота

(г. Санкт-Петербург); tereshenkovster@gmail.com

Содержание

Предисловие научного редактора	3
Мозговой С. А.	
Чесменское сражение. К 250-летию	6
Захаров А. С.	
Капитан 1 ранга Фёдор Степанович Плещеев	18
Котов И. М.	
Три войны Ивана Спиридова	29
Буканова Р. Г., Насыров К. З.	
М. Т. Коняев и М. И. Войнович — забытые герои Патрасского морского сражения 1772 г.	39
Сычев В. И.	
Корабли Черноморского флота при взятии турецкой крепости Анапа в 1807 г.	47
Караулова И. Б.	62
Будущий член Адмиралтейств-Совета П. А. Караулов — участник Дарданелльского и Афонского сражений 1807 года	62
Петренко Е. Д.	
Эпидемические заболевания в Северном Причерноморье во второй четверти XIX в.: Русско-турецкая война, морские границы и взаимодействие гражданской и военно-морской медицины.	72
Крылова Э. А.	
Влияние опыта учебных плаваний практических эскадр Г. И. Бутакова на действия русских морских офицеров в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	83
Болтрукевич В. А.	
Предложения представителей военно-морского профессионального сообщества России по использованию крейсеров в 1880-е годы	94
Куликов С. В.	
Тактические военно-морские игры в системе боевой подготовки Российского императорского флота 1880–1914 гг.	103

Гладких С. А.	
Герой Порт-Артура Адриан Буторин	118
Емелин А. Ю.	
Исторические журналы кораблей и соединений периода Русско-японской войны 1904–1905 гг.: от официоза к человеческим эмоциям	133
Терещенков Л. Е.	
Русско-японская война 1904–1905 гг. в экспозиции Центрального военно-морского музея (1937–1941)	150
Козлов Д. Ю.	
Сражение за Рижский залив летом 1915 года: перспективы исследований	158
Именной указатель	171
Сведения об авторах	175

Сборник статей

Елагинские чтения

выпуск X.

Подписано в печать 29.06.2020
Формат 60x90 1/16. Печ. л. 11,25
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.

Издательство «Анима»
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский проспект, д. 54, лит. К
тел. 251-14-59, факс 251-12-2
animapress@yandex.ru

Отпечатано в типографии
«Информационные и издательские технологии»
191014, г. Санкт-Петербург,
ул. Маяковского, д. 34, пом. 2Н, литера А